

ЛЕТНИЙ САД

*Памяти моего отца
военного историка
Юрия Ивановича Чернова*

(1923—1998)

Андрей Чернов

ДЛЯТСЯ НОЧИ ДЕКАБРЯ

Поэтическая тайнопись:
Пушкин — Рылеев — Лермонтов

Санкт-Петербург—Москва
Летний сад
2007

ББК 63.3(2)47
Ч493

Издано при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках
Федеральной целевой программы «Культура России»

Художественное оформление:
Наталия Введенская

Рецензент
доктор филологических наук И. З. Сурат

Чернов А. Ю.

Ч493 Длятся ночи декабря. Поэтическая тайнопись: Пушкин —
Рылеев — Лермонтов. — СПб.; Москва: Летний сад, 2007. —
304 с.: 34 ил. + Цв. вклейка. XXXII с.
ISBN 5-89740-035-0

Книга Андрея Чернова посвящена исследованию литературных взаимоотношений Пушкина с декабристами и перипетиям их полемики.

Публикуется документ из архива семьи Черновых, подтверждающий догадку В.В.Набокова о дуэли Пушкина и Рылеева в мае 1820 г. Представлены материалы поисковой экспедиции журнала «Огонек», которая в конце 1980-х по пушкинским рисункам разыскала на острове Голодае тайную могилу казненных декабристов. Методами «конкретного литературоведения» делается попытка ответить на вопрос, что стало причиной поединка Лермонтова с Мартыновым.

ББК 63.3(2)47

ISBN 5-89740-035-0

© Чернов А. Ю., 2007
© ИТД «Летний сад», 2007

ОТ АВТОРА

Зимой 1826—1827 годов Василий Андреевич Жуковский переложил стихотворение немецкого поэта Людвиг Уланда.

Оба были романтиками, почти ровесниками, ценителями «ясной формы». Однако свой перевод Жуковский не опубликовал.

Почему? Он ведь должен был понимать, что такие стихи — самородок высшей пробы. Вот эти пятнадцать строк, написанные словно и не в XIX, а в XX веке:

* * *

Был у меня товарищ,
По милости небес.
Ударили тревогу,
Пошли мы дружно, в ногу
Ружье наперевес.

Вдруг свистнула картеча...
Кого из нас двоих?
Меня промчалось мимо;
А он... лежит, родимый,
В крови у ног моих.

Пожать мне хочет руку...
Нельзя, кладу заряд.
В той жизни, друг, сочтемся;
И там, когда сойдемся,
Ты будь мне верный брат.

Оригинал этого стихотворения стал немецкой народной песней.

Отличия перевода от оригинала не слишком велики: у немецкого поэта прилетела не «картеча», а пуля. (Именно так в другом, позднейшем переводе этих стихов, ставших уже русской народной песней: «Вдруг пуля прилетела, и товарищ мой упал...»)

Но у Жуковского изменена концовка. И тому есть причины.

Василий Андреевич Жуковский любил повторять, что у него почти все чужое (переводное), но все свое. Не Пушкин, а Жуковский в первые годы XIX века разорвал тот заколдованный круг, который не выпускал русскую поэзию из цепких объятий провинциальности: не было великой поэзии, ибо не было литературного языка, и не было языка, потому что не было великой поэзии. Отдав себя переводу (великая поэзия есть, это мировая поэзия, и я буду создавать русский поэтический язык, находя и переводя лишь то, что созвучно душе!), Жуковский сделал возможным феномен Пушкина.

14 декабря 1825 года Жуковский пережил в Зимнем дворце.

Он утирает слезы фрейлинам да и сам порядком напуган. К ночи, когда отсвистит николаевская картечь и кошмар кончится, он позволит себе в частном письме грубо отозваться о только что арестованном Кондратии Рылееве. (И что с того, что Рылеев про это никогда не узнал?)

При Карамзине, как полагали современники, казнь на кронверкском валу Петропавловской крепости не могла состояться.

Незадолго до смерти Карамзина Жуковский получит от молодого царя предложение стать наставником юного Александра Николаевича (будущего Александра II) и ехать с наследником в Европу. Что-то неладное он в этом предложении, наверное, почувствовал, но, конечно, и вообразить не мог, что его просто отсылают подальше от Петербурга и намеченных в нем небывалых событий. Возможно, поэт, при всем своем влиянии на венценосных дам, и не смог бы вымолить прощения осужденным «вне разрядов». Но еще не набравший силу Николай I, видимо, так не думал...

Жуковский прощается с умирающим автором «Истории государства Российского» и с тяжелым сердцем вступает на корабль.

Каково же в июле ему было прочитать в немецких газетах сообщение о казни пятерых внеразрядников?

Он не разделял их образа мыслей, не хотел ни писать конституцию, ни делать революцию. Но утро 13 июля 1826 года отбросило

Василий Жуковский
Рисунок А. С. Пушкина
на листе с протоколом заседания общества «Зеленая лампа».
17 апреля 1819

Россию на полвека назад. Полвека страна не видела публичных казней. И видеть не хотела: в ту роковую ночь кто-то украл перекладину виселицы (утверждают, что деревянный брус исчез по дороге вместе с возчиком и телегой).

Потом трое (или двое) сорвались, а поскольку накануне в присутствии высокого начальства веревки испытали на прочность, остается полагать, что чья-то ловкая рука сумела их подрезать.

Жуковский считал, что конституцию нельзя писать «снизу». Это волен сделать только сам царь. Но ведь будущего царя можно воспитать. Значит, ему, Василию Андреевичу Жуковскому, представился, может быть, единственный в истории России шанс взрастить просвещенного монарха. (Дальнейшее показало, что ему это удалось, только в конце концов обернулось бедой для самого царя.)

«Нельзя, кладу заряд...» Не свинец и порох в ствол, а заряд добра и человечности в душу наследника.

Однако предсмертный стон собрата по «республике поэзии», которого только ты мог спасти от кронверкской петли, надолго застрял в ушах. Ответом на угрызения совести и был перевод из Уланда, где пулю заменила «картеча» (до 14 декабря Петербург не слышал картечи на своих площадях) и появились три, не имеющие отношения к оригиналу, последних стиха.

В них один поэт просил прощения у другого.

«В той жизни, друг, сочтемся...» И рифма «брат» — почти анаграмма, эхо к имени Кондрат (так звали Рылеева друзья).

14 декабря 1825 года нанесло глубокую рану консервативному и благонамеренному «побежденному учителю».

Но куда хуже было его «победителю-ученику».

«Длятся ночи декабря» — строка из недописанных стихов Пушкина (точнее — ненаписанных, ведь в том наброске лишь три строки). Это не про природу и погоду, это про политическую погоду России и природу власти в ней. Это про вписанную в голодаевский пейзаж тайную декабристскую могилу. Бросив стихотворение, ее и рисует Пушкин на том же листе. Хорошо рисует — размашисто.

Для меня эта книжка — не о поэтах и власти, даже не о политике и поэтике. Это о «тайной свободе», которая для русского стихотворца не метафора, а термин, или, если угодно, — диагноз. Книжка о свободе в несвободе.

Метод, которым мы станем пользоваться, Пушкин называл «странными сближениями», Ахматова — «поэтической тайнописью», а Д.С.Лихачев «конкретным литературоведением». Но все восходит к пушкинскому черновому наброску: «На тайные листы / Записывал я жизнь...» и к пушкинскому понятию *тайной свободы*.

Поэтическая тайнопись — не шифровка, но ауканье поэта с другим поэтом, цитата или реминисценция, позволяющая включить чужой контекст в свой текст.

Человек, собирающий в лесу грибы, хочет унести домой полную корзину. Исследователь, вглядывающийся в заповедный бурелом хрестоматийного черновика, намеревается «следовать за мыслями великого человека» (Пушкин), чтобы считать (сейчас скажут *скачать*) максимальную сумму хранимой текстом информации. А эта сумма будет тем полней, чем глубже и трудней поставленная исследователем задача.

В пушкинистике существуют два продуктивных направления: академическое (Бонди, Цявловский, Томашевский, Лотман) и цеховое (Ходасевич, Ахматова, Набоков, Берестов). Цель одна, а подходы разные. Поверяя один подход (текстологический) другим (поэтическим), попытаемся войти в мир пушкинского черновика.

Пушкин — Рылеев — Лермонтов.

Один казнен, двое пали на дуэли.

Моя душа тобой полна...

Неизвестный пушкинский стих, написанный
бисерным почерком в центре листа над профилем Пушкина.
«Эскизы разных лиц, замечательных по 14 декабря 1825 года»
(подписано рукой А.Н.Вульфа).

Профили Сергея Трубецкого, С.И.Муравьева-Апостола (с петлей на шее),
В.Ф.Раевского, Рылеева, Грибоедова, Веры Вяземской,
Ивана Пушкина, Екатерины Орловой, Наполеона
и нескольких неатрибуированных лиц.

Автопортрет размазан другим концом пера (догадка И.З.Сурат).
На с. 12 наст. изд. пятно ослаблено с помощью компьютерной обработки
ПД 798. Л. 1. Июль—август 1826. Тригорское

Взглянем на два самых катастрофических для судьбы России поединка (Пушкин — Дантес; Лермонтов — Мартынов) из контекста поэтики и эпохи. Для этого нам потребуется вызвать в качестве свидетелей тени других поэтов (Жуковского, Рылеева, Языкова, Одоевского, Кюхельбекера, забытой ныне Серафимы Тепловой), заглянуть средствами филологии и версификации в мутное небо кронверкской казни, завернуть в прифронтовой Пятигорск.

А начать придется с самой загадочной дуэли XIX столетия.

Не могу не упомянуть тех, кто на разных этапах этой работы ее поддержал — моего отца Юрия Чернова, Марию Юрьевну Барановскую, Сергея Михайловича Бонди, Натана Яковлевича Эйдельмана, Дмитрия Сергеевича Лихачева, Александра Михайловича Панченко, Бориса Викторовича Раушенбаха, Римму Ефремовну Теребенину, Тину Николаевну Нижарадзе, Сарру Владимировну Житомирскую, Сергея Александровича Ермолинского, Елену Александровну Смирнову, Анну Соломоновну Фрумкин, Аркадия Акимовича Штейнберга, Андрея Донатовича Синявского, Александра Михайловича Борщаговского, Давида Самойлова, Александра Аронова, Валентина Берестова, Анатолия Кобенкова, Яна Сидорова, Владимира Кольчатова, Владимира Филаретова, Евгения Лемана, отца Александра Меня, и не сказать спасибо всем участникам нашей экспедиции, а также Сергею Фомичеву, Татьяне Краснобородько, Александру Дубровскому, Сергею Мироненко, Марии Виротайнен, Борису Аверину, Ярославу Леонтьеву, Андрею Серкову, Сергею Львову, Аркадию Крижинскому, Давиду Кочневу, Надежде Тарховой, Елене Филаретовой, Марине Лаздовской, Лидии Мазуновой, Владимиру Эрастову, Рэдмоне Жуйковой, Марку Коляде, Александру Семочкину, Константину Баршту, Александру Тархову, Валерию Андрееву, Нине Поповой, Алле Фрумкиной, Григорию Бакланову, Станиславу Рассадину, Марье Розановой, Вадиму Черняку, Александру Анно, Татьяне Гоголевой, Андрею Усову, Виктору Лаврешкину, Нине Аршакуни, Маргарите Исаевой, Георгию Елину, Олегу Хлебникову, Александру Кушнеру, Анатолию Головкову, Михаилу Яснову, Павлу Гутионтову, Ирине Сурад, Сергею Бочарову, Елене Дьяковой, Марии Игнатьевой, Андрею Анпилову, Николаю Беляку, Марку Борнштейну, Фуату Самигулину, Виталию Коротичу, Дмитрию Крымову, Евгению Рябинину, Ольге Деркач, Владиславу Быкову, Виталию Скойбеде, Зинаиде Курбатовой, Борису Азикову, Никите Чернову, Сагадату Хабирову, Эрimeo Черекчиди, Николаю Коблякову, Юлию Рыбакову, Владимиру Никитину, Леониду Грабовцу, Михаилу Бебурову и Александру Пануце.

Низкий поклон главному инженеру судостроительного завода «Алмаз» Алексею Пономареву, без помощи которого голодаевская экспедиция не могла состояться, а также Маргарите Филипповой и петербургскому издательству «Норма», выпустившим в 2003 году первый вариант этой книги.

I

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПУШКИН ПРОТИВ РЫЛЕЕВА

самая тайная дуэль XIX столетия

— Однако, Ваше Величество, климат Соловецкого монастыря будет губителен для здоровья молодого человека, в чьих жилах течет кровь теплолюбивой Африки...

— Кажется, его прадед был арабом?

— Арапом, Ваше Величество.

— Но не в Бессарабию же мне его ссылать?.. Впрочем...

Так (или примерно так) была решена участь Александра Пушкина. В Первой главе «Евгения Онегина» к строкам второй строфы «Там некогда гулял и я: / Но вреден север для меня» поэт сделает лаконичную сноску: *Писано в Бессарабии*.

В южную ссылку, формально обставленную как перевод по службе, он уезжал в мае 1820-го. А в 1824-м напишет брату:

Ты знаешь, что я дважды просил Ивана Ивановича о своем отпуске через его министров — и два раза воспоследовал всемиловитейший отказ. Осталось одно — писать прямо на его имя — такому-то, в Зимнем дворце, что против Петропавловской крепости...

Летом 1825 года в «Воображаемом разговоре с Александром I» (текст начинался как черновик письма к царю) Пушкин вспомнит:

Необдуманные речи, сатирические стихи обратили на меня внимание правительства. Распространились сплетни, будто я был отвезен в тайную канцелярию и высечен.

Поэт цитирует написанное Каподистрией и утвержденное царем письмо Нессельроде к Инзову (подлинник на французском):

Несколько поэтических пьес, в особенности же *Ода на вольность*, обратили на Пушкина внимание правительства...

Далее Пушкин упоминает о какой-то своей дуэли:

До меня позже всех дошли эти сплетни, сделавшиеся общим достоянием, я почувствовал себя опозоренным в общественном мнении, я впал в отчаяние, дрался на дуэли — мне было 20 лет в 1820 году — я размышлял, не следует ли мне покончить с собой или убить V.

Набоков предложил понимать под «V» генерал-губернатора Петербурга графа Милорадовича. Ссылаясь на то, что Тайная канцелярия была под началом графа, эту версию поддержал В.П.Старк.

Но зачем Пушкину убивать Милорадовича, раз он знает, что тот не отдавал приказа его сечь? Коли так, то покушаться на жизнь графа — только подтверждать сплетню.

Согласимся с традиционным чтением: латинское «V» — сокращение французского *Vôtre Majesté* — Ваше Величество.

Но посылать *такое* царю — безумие. Шутка ли — пушкинский умысел на цареубийство. Да еще сам смеет о том доносить несостоявшейся своей жертве*. Разумеется, письмо не было отправлено.

В комментарии к английскому переводу «Евгения Онегина» Владимир Набоков полагает, что дуэль была не с автором этой лжи, а с тем, кто ее активно тиражировал. Дескать, это Рылеев должен был громче всех в Петербурге кричать: «Правительство сечет наших лучших поэтов!» Потому-то Пушкину на него и указали**.

Но кто пустил слух? 1 сентября 1822 года Пушкин сообщил имя своего обидчика в письме П.А.Вяземскому:

Ему показалось забавно... смешить на мой счет письмами чердак князя Шаховского, я узнал обо всем, будучи уже послан им... в бессилии своего бешенства закидал издали Толстого журнальной грязью.

Толстой — это некоронованный царь русских бретеров граф Федор Иванович Толстой («Американец»), дуэлянт-профессионал, на совести которого одиннадцать человеческих жизней. А «журнальная грязь» — злая пушкинская эпиграмма, несколько язвительных строк

* Мотив сплетни и пушкинского замысления на цареубийство находим в ПД 829, л. 53. См.: Чернов А. Умысел // Пушкинский праздник. М., 1982. С. 12.

** Владимир Набоков. Комментарий к роману А. С. Пушкина «Евгений Онегин». СПб. 1998. С. 357–358.

в послании «К Чаадаеву» (1821 г.) да портрет в «Онегине» экс-бретера Заредцкого.

Комментаторы дружно утверждают, что о роли Толстого в этой истории Пушкин узнал в Кишиневе.

Однако «будучи уже сослан» не значит «прибыв на место».

Выезжая на юг, имя обидчика Пушкин еще не знает. Можно допустить, что в Кишиневе он получил письмо от кого-то из оставшихся в столице друзей. Но тогда что делать с пушкинским поединком, противником на котором был отнюдь не Толстой-Американец?

В Петербурге такой дуэли не было. В Кишиневе и быть не могло. Остается одно — поединок по дороге в ссылку.

Где же Пушкин дрался за свою честь?

Набоков называет адрес: в Батове, в имении Кондратия Рылеева, ведь с Рылеевым Пушкин стрелялся, и как раз об этой дуэли нам ничего не известно. То, что поэты не только были лично знакомы, но и дрались на пистолетах, видно из полусерьезного пушкинского письма к Бестужеву, датированного 24 марта 1825 года:

Откуда ты взял, что я лыщу Рылееву? мнение свое о его думах я сказал вслух и ясно, о поэмах его также. Очень знаю, что я его учитель в стихотв<орном> языке — но он идет своею дорогою. Он в душе поэт. Я опасуюсь его не на шутку и жалею очень, что его не застрелил, когда имел тому случай — да чорт его знал. Жду с нетерпением Войнаровского и перешлю ему все свои замечания. Ради Христа! чтоб он писал — да более, более!

Смысл этого «да чорт его знал» в том, что если б знал, то бы уж точно застрелил. Шутка, конечно. Но шутка с подтекстом.

Пишется это прежде всего для Рылеева. Пушкин понимал, что Бестужев покажет ему это письмо, а значит, спросит и о том тайном поединке. И Рылееву придется рассказывать другу, как было дело.

Отсутствие каких-либо прижизненных или мемуарных упоминаний о ссоре и поединке двух поэтов в 1819 или в начале 1820 года (ни раньше, ни позже Пушкин с Рылеевым встречаться не могли) исключает саму возможность публичной ссоры. «Застрелил» — весьма серьезный глагол (даром, что в прошедшем времени). Так может писать лишь тот, кто был оскорблен, вызвал противника, стоял под выстрелом. Когда бы дуэль не состоялась (к примеру, Пушкин принял извинения, и дело окончилось), он не мог написать, что «дрался на дуэли». И если б до поединка не дошло, бросить даже в шутку, мол, жалею, что не застрелил, — оскорбить бывшего противника.

В августе 1831 года в письме к Плетневу Пушкин попросит заменить звездочки, которыми обозначено в «Станционном смотрителе» имя гусара, фамилией «Минский» и добавит:

Кстати об эпитафиях. К *Выстрелу* надобно будет приискать другой, именно в *Романе в семи письмах* А.Бестужева в *Пол<ярной> звезде*: У меня оставался один выстрел, я поклялся етс. справься, душа моя...

Плетнев просьбу выполнил наполовину: новый эпитаф нашел, но старый не снял. («Двадцать два!» — сказали бы игроки.)

Здесь необходимо отступление о пушкинских поединках.

Пушкин, как это и делали опытные дуэлянты, первым никогда не стрелял. Так было на юношеской дуэли с Кюхельбекером, так было и на юге. Исключение — кишиневская дуэль с полковником С.Н.Старовым в январе 1822 года. Но тогда бушевала метель. Палили вслепую: каждый сделал по два выстрела.

В следующем году на поединке с К.Н.Зубовым поэт, дождавшись выстрела противника, спрашивает: «Довольны вы?». И отказывается стрелять. (Этот поединок датируется маем или июнем на том основании, что пока Зубов целился, Пушкин ел черешню.)

Дуэли XIX столетия начинались с того, что противники становились у барьеров и расходились от них на обусловленное число шагов. Осенью 1825 года семеновский подпоручик Константин Чернов стрелялся с флигель-адъютантом Владимиром Новосильцевым на восемь шагов (расстояние между барьерами, то есть то минимальное, на которое противники могут приблизиться друг к другу). Про расстояние между барьерами на дуэли Онегина с Ленским поэт забывает нам сообщить. Но ему нужна не эта избыточная подробность, ему важно, с какого расстояния стрелял Онегин. Зарецкий развел противников на тридцать два шага. Потом каждый из них сделал по девять шагов навстречу смерти.

$$32 - 9 - 9 = 14$$

Онегин убил друга на четырнадцать шагах.

Девятка и четырнадцать. Числа для поэта роковые.

9 мая 1820 года, если верить пушкинской записи, поэт выслан из Петербурга. Его провожают (якобы только «до первой станции») Дельвиг и Павел Яковлев. (Вот и секунданты!)

14 декабря 1825 года были убиты надежды на русскую свободу, 14 июля 1826-го на Голодае тайно зарыты казенные декабристы.

Впервые после этого Пушкин прицелился в человека только на Черной речке, да и то уже получив смертельную рану.

В начале 1980-х московский журналист Алексей Бархатов убедительно объяснил, какую именно «мечь, единственную в своем роде» (пушкинское определение) поэт готовил Дантесу.

Единственная в своем роде мечь не может быть связана с физическим убийством противника (это если и мечь, то рутинная). Другое дело — убийство чести противника.

Видимо, Пушкин намеревался переждать выстрел врага и демонстративно отказаться от своего. И мотивировать свой поступок не желанием примирения, а, напротив, нежеланием марать руки кровью *такого родственника*: Дантес еще после первого вызова, присланного Пушкиным, трусил и объявил, что хочет жениться на сестре Натальи Николаевны. Женился, но игру не оставил.

Если б Дантес промахнулся, а Пушкин не стал стрелять, дуэль формально не была бы окончена, и фактически Дантес был бы объявлен недугеспособной персоной. Огласка привела бы к его аресту и высылке из столицы: дуэли считались тяжким преступлением.

Николай I дуэли ненавидел, поскольку не находил в них «ничего рыцарственного». По его понятиям, офицера должен вести по жизни не кодекс чести, но артикул воинского устава и предписания начальства. (И впрямь, честь может быть у гражданина, но в империи гражданских прав нет, так на кой ляд подданному честь?)

На Черной речке Пушкин рассчитывал на известную ему трусость Дантеса. Но тот, не подходя к барьеру, со страха выстрелил первым. И со страха попал, хотя вероятность попасть с дальнего расстояния была весьма мала.

Вернемся в 1820-й. Рылеев, бывавший на чердаке у Шаховского, вряд ли поверил бы анонимному слуху. Но он доверился оглашенному «на чердаке» письменному свидетельству Толстого. А, значит, до или после оредежского поединка он должен был называть Пушкину имя клеветника.

В комментарии к «Онегину» Набоков столь ярко реконструирует реакцию Рылеева на сплетню Толстого, словно ему нашептали про то те самые батовские березы, под сенью которых выросли и Рылеев, и сам Набоков. Однако дело не в березах, а в устройстве пушкинского «свободного романа». Эхо этой дуэльной истории звучит в концовке XVIII и в XIX строфе Четвертой главы «Онегина»:

...Уж эти мне друзья, друзья!
Об них недаром вспомнил я.

XIX

А что? Да так. Я усыпляю
Пустые черные мечты;
Я только в скобках замечая,
Что нет презренной клеветы,
На чердаке вралем рожденной
И светской чернью ободренной,
Что нет нелепицы такой,
Ни эпиграммы площадной,
Которой бы ваш друг с улыбкой,
В кругу порядочных людей,
Без всякой злобы и затей,
Не повторил сто крат ошибкой;
А впрочем он за вас горой:
Он вас так любит... как родной!

В черновике вместо «На чердаке вралем рожденной» находим «Картежной сволочью рожденной». Значит, «чердак» Шаховского (верхний этаж дома № 12 по Средней Подъяческой) здесь настолько важен Пушкину, что ради адреса он готов пожертвовать оскорблением («вралем» можно назвать любого рассказчика историй, но назвать графа «картежной сволочью» — это надо придумать). И потому вся XIX строфа, которая пишется еще до 14 декабря, в контексте эпистолярной полемики с Рылеевым автобиографична (см. об этом в следующей главе). Пушкин напоминает Рылееву и его поведение «на чердаке», и принесенные им извинения.

Если в Батове Пушкин намеревался повстречать своего обидчика, он должен был задержаться в Выре (Батово в версте от тракта, в полутора от Рождествена и в пяти от Вырской станции).

Как полагает Набоков, сосланный на юг Пушкин застрял в Выре на день или два. (Остроумная догадка, объясняющая, почему Пушкин считает днем своей высылки 9, а не 6 мая.)

Выра — третья почтовая станция от Петербурга по Минскому тракту. Оттого-то станционного смотрителя в повестях Белкина зовут Самсон Вырин, а фамилия гусара-похитителя — Минский. (Не мною замечено, что и рылеевский земляк Владимир Набоков

взял себе псевдоним-перевертыш: *В.Сирин* — культурологическое эхо к *С.Вырин.*)

Вряд ли Пушкин остановился на самой станции, в доме, где, возможно, и родился Кондратий Рылеев. (Вырские краеведы утверждают, что под нужды почты дом перешел, когда Рылеевы переселились в Батово.) Не стал бы он, как Минский, и прикидываться больным. (Он сделал остановку не ради Дуняши.) В деревне Выра был постоянный двор, стоявший чуть в стороне от станции на старом тракте. Отсюда можно было послать вызов хозяину Батова.

Документ, касающийся этой истории, опубликован в «Литературном наследстве» 1934 года (№ 16–18). Это дневник семнадцатилетнего прапорщика Федора Лугинина, в котором названо имя истинного обидчика Пушкина. Прапорщик в 1822 году послан на топографическую съемку в Кишинев. Край ему нравится. Вместо обеда Лугинин, еще мальчишка, каждый день объедается черешней.

А еще он подружился с поэтом, автором «Оды на вольность», «Людмилы и Руслана» (так. — А.Ч.) и «Черной шали». Поэт ежедневно фехтует с прапорщиком на эспадронах (легких мечях). Пушкин сильнее, и «следственно, бьет». В восторге от нового друга юный любитель черешни записывает 15 июня:

...он много писал против правительства и тем сделал о себе много шуму, его хотели послать в Сибирь или Соловецкий монастырь, но государь простил его и как он прежде просился еще в южную Россию, то и послали его в Кишинев с тем, чтоб никуда не выезжал <...> Носились слухи, что его высеки в Тайной канцелярии, но это вздор. В Петербурге имел он за это дуэль. Также в Москву этой зимой хочет он ехать, чтоб иметь дуэль с одним графом Толстым Американцем, который главный распускает эти слухи. Как у него нет никого приятелей в Москве, то я предложил быть его секундантом, если этой зимой буду в Москве, чему он очень обрадовался (с. 673–674).

Мотив «Выстрела», той самой повести, к которой Пушкин просит Плетнева подыскать эпиграф из Бестужева, обретает биографическое звучание. Вспомним: Граф Б*** является на поединок с черешней в фуражке. И уже пробив красную фуражку противника, ждет ответного выстрела, сплевывая косточки, которые долетают до ног Сильвио. Эти косточки Сильвио и вернет ему через шесть лет: «...Жалею... что пистолет заряжен не черешневыми косточками...»

В «Выстреле» инициал случайного полкового обидчика Сильвио (Р***) совпадает с первой буквой фамилии Кондратия Рылеева, а инициал истинного обидчика графа Б*** с первой буквой рылеевского

имения. Это может быть случайностью, однако заметим, что для Пушкина и само имя Сильвио вовсе не литературного происхождения. «Выстрел» заканчивается строками: «Сказывают, что Сильвио во время возмущения Александра Ипсиланти предводительствовал отрядом этеристов и был убит в сражении под Скулянами».

А теперь откроем справочник Л.А.Черейского:

Броглио (Broglio) Сильверий <...> лицейский товарищ Пушкина. Вскоре после окончания Царскосельского лицея уехал в Пьемонт, где участвовал в греческом национально-освободительном движении и погиб.

Толстой-Американец, получив пушкинскую эпиграмму, ответил своей, которую закончил предупреждением, мол, помни, дружок, «что у тебя есть щеки», а в «Выстреле» Сильвио сообщает: «Шесть лет тому назад я получил пощечину, и враг мой еще жив». Именно шесть лет и Пушкин готовился к дуэли со своим графом.

Считается, что весну 1820 года Рылеевы провели в Подгорном, имении Тевяшевых. Я не знаю, на каких документах построено это утверждение. (Полагаю, их просто не существует.) Рассуждают так: поскольку Рылеева и его беременной жены в столице тогда не было, значит, они гостили в воронежском имении тещи и тестя.

Ничего не значит. До Батова от Питера куда ближе. Да и новорожденную девочку Рылеевы назовут по имени той, кому Батово принадлежало до лета 1824 года, — именем матери Рылеева.

Через век брат моего прадеда Константин Николаевич Чернов, известный в свое время композитор из кружка Балакирева, запишет семейную легенду о дуэли Пушкина и Рылеева. Услышана она на этих же оредежских берегах и дошла в рукописи, хранящейся в моей семье (см. с. 271–279 наст. изд.). К.Н.Чернов связывает поединок поэтов с дуэлью его дяди-декабриста Константина Пахомовича Чернова и флигель-адъютанта Владимира Дмитриевича Новосильцева, состоявшейся осенью 1825 года. Рылеев — секундант на дуэли Чернова и Новосильцева. Он даст объяснения в официальной записке и, как считалось до недавнего времени, сочинит стихи на смерть кузена.

Для Черновых гибель Константина Пахомовича (юноша дрался за честь сестры) была столь болезненна, что дуэль Пушкина и нашего родственника Рылеева младшее поколение должно было связать именно с этим поединком. Тем более, что об истинной причине пушкинского вызова Рылеев своей родне, конечно, не рассказывал.

К.Н.Чернов рос на тех же берегах — ниже по течению времени и выше по течению реки. («Так ваша Оредежь текла по-

том к нам!» — услышал я весной 1991-го от Сергея Сергеевича Набокова, историка своей семьи и двоюродного брата писателя.) И пусть контаминации — удел младшего поколения, плата за то, что невнимательно слушали рассказы стариков. Факт дуэли между Пушкиным и Рылеевым и принесения последним извинений записан еще до штудий обоих Набоковых: рукопись К.Н.Чернова датирована 5 июля 1925 года. Но хотя мемуарист утверждает, что «дуэль чуть было не состоялась», это опровергается пушкинскими строками: «дрался на дуэли», «жалею, что не застрелил».

Итак, теперь нам известно, что в рождественской округе бытовали рассказы о поединке двух поэтов. (В деревне любая новость надолго запоминается и обрастает легендами.) Вспоминает мемуарист и легенду о подземном «рылеевском» ходе под Оредежью, где поэт якобы прятался от жандармов.

Для чувствительных дворянских мальчиков 70-х годов XIX века Кондратий Рылеев — даже не легенда, а героический миф:

В те времена (Александра II) еще не забыли столь тогда недавнего «николаевского» режима и боялись говорить о декабристах. Помню, с какой опаской мать мне показывала печатную «конфирмацию» приговора Верховного Суда о декабристах, где Рылеев был одним из первых. Хорошо помню, мне было безгранично жаль его, мое детское сердечко обливалось кровью, и мне тогда уже казалось жестоким его наказание.

В середине 1970-х в Выре я услышал два предания: о рылеевском подземном ходе от Рождествена до Батова (оно бытовало, как выяснилось из записок К.Н.Чернова, еще во времена царя-Освободителя), и другое, связанное с дуэлью Пушкина и Рылеева. Нет, о поединке не было сказано ни слова. Просто при мне кто-то из батовских назвал прибрежный валун под домом Рылеева *Пушкинским камнем*. Кто — я не запомнил, потому что тут же выяснилось: название общепринятое. На мои расспросы старожилы отвечали только одно: «А здесь Пушкин с Рылеевым сидели». Ровно столько знал и здешний краевед Александр Семочкин. (Комментарий Набокова существовал только на английском и был известен лишь нескольким специалистам, а ссылок на этого автора в советской печати отродясь не водилось.)

Укромная березовая аллея на берегу Оредежи — самое место для поединка. По одну сторону — река за высокой осой, по другую — заросшая кустарником горка с барским домом на макушке (самого дома отсюда не видно). О дуэли крестьяне,

конечно, могли и не проведать (достать из ящика пистолеты, зарядить и разойтись на пару десятков шагов — дело пяти минут), однако как потом барин долго-долго сидел на камне с Пушкиным (в дом гость, надо думать, не пошел), — запомнили.

Набоков о «Пушкинском камне», похоже, не знал, иначе его игрушечные поединки с кузенком на пружинных пистолетах происходили бы не в парадной аллее перед домом, а в тайной, у вросшего в грунт валуна: дети обожают прямые подражания. Впрочем, не в набоковских привычках ссылаться на людскую молву. Другое дело — семейное предание о дуэли Рылеева, якобы состоявшейся на главной аллее в Батове (о чем Набоков мельком упоминает).

Сегодня тут расскажут историю пушкинского вызова с великими подробностями: как Пушкин ждал, сидя на камне, как мальчика посылал с запиской, как выбежала на берег брюхатая Наталья Михайловна: «Господа, что вы делаете?.. Вы шутите?..» Ну и дальше строго по повести Ивана Петровича Белкина «Выстрел».

Пушкинистов прошу не беспокоиться. Нынешняя редакция легенды — плод многолетних чаепитий в краеведческом музее.

* * *

Хотя Рылеев старше Пушкина, он — пушкинский «ученик в стихотворном языке». Ученик, который, к счастью, не посмел победить учителя, когда тот вызвал его на смертельный поединок.

Сам Пушкин к дуэли с Толстым-Американцем готовился шесть лет (вспомним еще раз Сильвио), и когда в 1826-м был привезен фельдъегерем в Москву, сразу же послал вызов.

Друзья не оплошали — за давностию лет противников примирили*.

* Декабристы сегодня вновь под подозрением. Писатель Яков Гордин с телеэкрана утверждает, что Рылеев ничем не отличался от Нечаева и подбивал Константина Чернова драться с Новосильцевым, поскольку вождю декабристов был выгоден политический скандал. О том, что Чернов и Рылеев не только члены Тайного общества, но и родня, писатель не сказал. Нет Лотмана (его мнение на с. 286 наст. изд.), нет Эйдельмана, и кажется, что том собрания сочинений Рылеева (Academia, 1934) сдан в макулатуру, а потому никто не процитирует рылеевского письма к жене от 9 декабря 1824 года: «Москвою, друг мой, я чрезвычайно доволен <...> Представь себе: я встретил здесь Черновых — Константина и Сергея Пахомовичей; они приехали сюда стреляться с Новосильцевым и уже чуть не было дуэли; наконец все кончилось миром. Отец и мать Новосильцева позволили ему жениться наконец, и скоро будет свадьба. Слава богу, что так благополучно кончилось» (с. 474). См. также письмо А. Бестужева на с. 282 наст. изд.

ГЛАВА ВТОРАЯ

«НА ТАЙНЫЕ ЛИСТЫ ЗАПИСЫВАЛ Я ЖИЗНЬ...»

опыт фехтования гусиными перьями

С истории поединка Чернова и Новосильцева начались мои пушкинские штудии.

То, что Пушкин про эту дуэль знал, ясно из его переписки.

А кто в XIX веке не знал? Герцен и через три десятилетия словосочетание «брат Чернов» употребляет в «Былом и думах» как нечто нарицательное (контекст — поединок за честь женщины).

Известно, что стихи Кюхельбекера «Клянемся честью и Черновым...» откликнулись не только в первой строке лермонтовского «Погиб поэт, невольник чести...», но стали как бы черновиком этого реквиема по Пушкину. Однако прежде они отозвались в «Онегине»: «Пружина чести — наш кумир...»

Реальный поединок за честь Екатерины Черновой не мог не аукнуться в романном поединке за честь Ольги Лариной, ведь дуэль Ленского пишется всего через год после дуэли Чернова, потрясшей общество от поэтов до царской семьи, которая на похороны семеновского подпоручика пожертвовала крупную сумму.

Черновско-новосильцевские аллюзии в «свободном романе» присутствуют как фон эпохи. В первую очередь, это мотивировка вызова: «Не потерплю, чтоб развратитель...» и т. д.

А потому имя Зарецкого, секунданта Ленского, — ассоциация с черновским именем Заречье, где (по одной из версий современников) начался тот печальный роман...

В «Горе от ума» из одного Толстого-Американца Грибоедов выстрегал двух персонажей — Ишполита Удушьева («В Камчатку сослан был, вернулся алеутом...») и Загорецкого.

Деревня Ленского в романе зовется Красногорье.

Из фамилии Загорецкий (тот, кто одновременно за горой и за рекой) возникает это пушкинское сближение: Красногорье+Зарецкий. И не в том дело, что Красной горкой называется место на Оредежи близ имения Рылеева, а в том, что кроваво-красные берега (воспетый Набоковым уникальный песчаник Ижорского плато) встречаются, как считал Набоков, только здесь... (Ну еще в Америке в Еллоустонском заповеднике.) Эти «другие берега» Пушкин должен был увидеть впервые, когда из Выры подходил к Батову. И поскольку он шел на кровавый поединок, библейская «адама» (красная земля) не могла не уязвить его воображения.

«Из праха взят и в прах отойдешь...»

Почти сюрреалистическая картина крутого и кровавого этого берега через век поразит Кузьму Петрова-Водкина. После посещения здешних мест он напишет сначала небольшой «Портрет юноши» на фоне неправдоподобно красного берега и зеленой воды (1910 г.), а через два года в «Купании красного коня» истинный цвет берега передаст через окрас конской шкуры, а окутанный дымкой красный берег станет чуть заметной полоской в самом верху картины*.

Деревне Онегина и имению Лариных поэт так и не удосужился приискать подходящие имена, а тут название Красногорье всплывает как раз в связи с предстоящим поединком.

IV строфа Шестой главы так и начинается:

Вперед, вперед, моя история!
Лицо нас новое зовет.
В пяти верстах от Красногорья,
Деревни Ленского, живет
И здравствует еще доньне
В философической пустыне
Зарецкий, некогда буян,
Картежной шайки атаман,
Глава повес, трибун трактирный...

* Любопытно еще одно сближение: на портрете 1910 г. изображен не юноша, а мальчик лет десяти, лицо которого словно списано с детских фотографий В. В. Набокова. В «Купании красного коня» — опять Володя Набоков, только чуть повзрослевший (иконографические параллели см. «Огонек», 1990, № 3. С. 11). Во время одного из приездов в Россию Дмитрия Набокова я справился у него, известно ли было в семье, что Петров-Водкин дважды написал портрет его отца? Ответ был отрицательным.

Рылеевское Батово/Красногорье и впрямь именно в пяти верстах от Выры, откуда Пушкин и должен был направиться к Рылееву.

Пять верст пешком или на телеге, чтобы потом в пять минут уладить дело «на пяти саженьях», — это не крюк.

Итак, Зарецкий живет в «философической пустыне».

Забегая вперед, скажем, что «Пустыня» — название «философского» стихотворения Рылеева, в котором им впервые была задета поэтическая честь Пушкина («...Пушкин своенравный / Парнасский наш шалун»).

И параллель Зарецкий — Заречье в романе явно на своем месте: Рылеев был секундантом у Чернова, а дуэль Пушкина с Рылеевым спровоцирована сплетней Толстого-Американца, которого сам Пушкин (см. его переписку) отождествлял именно с Заредким.

Ну и так далее, вплоть до переключки строк

Он, правда, в туз из пистолета
В пяти саженьях попадал...

с вопросом графини мужу из еще не написанной Пушкиным повести «Выстрел», мол, попадет ли тот в карту на тридцати шагах?

Пять сажень — всего лишь 10,7 метра.

Это четырнадцать шагов взрослого человека.

А тридцать шагов — это десять сажень.

Вспомним, что поэтической тайнописью А.А.Ахматова называла такой способ писания стихов, при котором от мнемонического столкновения строки со строкой другого поэта возникает искра нового, зачастую совершенно неожиданного смысла. И образуется нечто и впрямь напоминающее «шифр», но шифр особый — поэтический. Его принципиальная уникальность в том, что ключ может найти только тот, кто помнит стихи наизусть. И значит, только тот, кто стихи любит. То есть — только друг. И совершенно не важно, какое на дворе тысячелетие, ибо: «И славен буду я, доколь в подлунном мире / Жив будет хоть один пиит...»

Академическое литературоведение XX века окрестило такой подход к стихотворным текстам «биографическим методом» и поспешило сдать его в архив. Но поэт — живой человек со всеми его страстями, сомнениями, предрассудками. И тем, что Батюшков назвал «памятью сердца», которая сильнее памяти рассудка...

Опираясь на эту память, вольно или невольно хранимую текстом, покажем, что «свободный роман» можно читать не только как стихи, но и как потаенный дневник поэта.

11 января 1825 года Пущин приезжает к Пушкину. Открыл ли Пущин тайну декабристского заговора? Считается, что пущинские записки умалчивают об этом:

Незаметно коснулись опять подозрений насчет общества. Когда я ему сказал, что не я один поступил в это новое служение отечеству, он вскочил со стула и вскрикнул: «Верно все это в связи с майором Раевским, которого пятый год держат в Тираспольской крепости и ничего не могут выпытать». Потом, успокоившись, продолжал: «Впрочем, я не заставляю тебя, любезный Пущин, говорить. Может быть, ты и прав, что мне не доверяешь. Верно, я этого доверия не стою — по многим моим глупостям». Молча, я крепко расцеловал его; мы обнялись и пошли ходить: обоим нужно было вздохнуть.

Фотографическая память Пущина крепка и на склоне лет, а, видимо, единственная его неточность — срок заключения Раевского: на тот момент сказано было не «пятый год», а «третий».

Логика ситуации такова: когда *опять* заговорили о тайном обществе и Пущин признался, что «не он один...», поэт вдруг вскакивает, оглушает известной ему информацией (арест Раевского) и, не дав продолжить, ставит точку: «...не заставляю тебя говорить...»

Итак, Пущин, в Общество принявший лишь одного члена (Рылеева), начал вербовку. Пушкин это понял и поставил точку.

Жуковский, еще в 1819 году прочтя устав Союза Благоденствия, отвечал Трубецкому, что устав заключает в себе мысль такую благодетельную и такую высокую, что для выполнения ее требуется много добродетели и что он «счастливым бы себя почел, если б мог убедить себя, что в состоянии выполнить его требования, но что он, к несчастью, не чувствует в себе достаточно к тому силы».

Пушкин отвечает менее витиевато, но способ отказа тот же, да и формула почти совпадает: «не чувствую силы» — «не стою».

Но недаром в Михайловском Пущин расцеловывает друга, недаром ходят они обнявшись: «обоим нужно было вздохнуть».

Пущин все рассказал. Просто мы ждали другого рассказа.

Поэт не присоединен, но посвящен. И ему понятен смысл секретной миссии друга, смысл врученного ему рылеевского письма, которое Ю.Г.Оксман называл «конспиративным мандатом»:

Рылеев обращается к Пушкину не просто как собрат по перу... а как вождь тайной организации, имеющий тем самым право рекомендовать... определенную линию политического и литературного поведения. <...> Многозначительная строка «Пушин познакомит нас короче» не оставляет никаких сомнений, что именно Пушин должен был информировать Пушкина. <...> Без этой дополнительной устной информации самая тональность письма... была бы исключительно бестактной...

Сохранив независимость, поэт должен за это заплатить. И он в конце разговора «...просил, обнявши крепко Рылеева, благодарить его за патриотические “Думы”».

С точки зрения поэзии «Думы» — «дрянь».

Но как гражданин Пушкин душой не покривил.

Полемическая переписка Пушкина и Рылеева вспыхнет сразу после пушинского отъезда. Рылеев требует декабристской гражданственности, Пушкин последовательно отстаивает право поэта писать под диктовку музыки. И когда Рылеев удивится, почему Пушкину из «Наливайки» понравилась не агитационная «Исповедь», а лирическая «Смерть Чигиринского старосты», тот ответит: «Об *Исповеди Наливайки* скажу, что мудро что-нибудь у нас напечатать истинно хорошего в этом роде». И впрямь, хорошая прокламация не может пройти цензуру, как не могли пройти ее многие пушкинские стихи. А плохая прокламация не нужна ни поэзии, ни Обществу.

И тут же Четвертая глава «Онегина» наполняется скрытым от невнимательного глаза спором с Рылеевым.

Под XXIII строфой дата — «1 января 1825». Дату XXX строфы примерно можно установить, сопоставив строки «Толстого кистью чудотворной / Иль Баратынского пером...» с двумя письмами брату: «Что, если б волшебная кисть Ф. Толстого...» (15 марта). «Уведомь о Баратынском — свечку поставлю за Закревского, если он его выручит» (14 марта). В тот же день в письме: «Элегии мои переписаны», а в двух следующих строфах речь об элегиях, а потом полемика с Кюхельбекером, продолжающаяся и в XXXIII строфе.

Но вот пришли в Михайловское письма от Бестужева и Рылеева (написанные 9 и 10 марта), а в них — атака на первую песнь «Онегина». И, спеша оправдать собственный вопрос в письме к Бестужеву (24 марта): «Где у меня сатира? <...> Дождись других песен...», поэт контратакует издателей «Полярной звезды».

XXXIV строфа начинается так:

Поклонник славы и свободы,
В волненьи бурных дум своих
Владимир и писал бы оды...

Два года назад Пушкин иронизировал в письме брату: «...*тревожных дум* — слово, употребляемое знаменитым Рылеевым, но которое по-русски ничего не значит». Это Пушкин прочел в «Поплярной звезде» свои стихи с рылеевской правкой (вместо «моих привычных дум» — «моих тревожных дум»).

Для Пушкина «дума» — синоним спокойного размышления. А рылеевские думы — всегда тревожные, волнующие, кипящие.

Дума «Державин»: «И, мрачною тревожим думой...» (И тут же, что важно для нас: «Томяся жаждой чистой славы...», «Поклонник пламенный добра».)

«Видение»: «Волнуют в нем и кровь и ум <...> Огонь славолюбивых дум». И ниже: «Настанет век борений бурных».

Дума «Богдан Хмельницкий». В первой же строфе: «В нем мрачные кипели думы». (Тут же и «полуденный луч денницы», который еще блеснет в предсмертных стихах Ленского.)

Итак, в XXXIV строфе Пушкин впервые, до восстания, но уже после приезда Пуштина и после атаки Рылеева и Бестужева на Первую главу романа, дает Ленскому пародийно-рылеевскую характеристику, составляя две собственные строки из рылеевских штампов.

Это именно характеристика, указание для узкого круга посвященных на параллель Ленский — Рылеев, как раньше другие реминисценции указывали на параллель Ленский — Кюхельбекер, выявленную в свое время Юрием Тыняновым. И каждое слово — штрих к шаржу на Рылеева. А особенно к месту «бурные» его «Думы», вышедшие, кстати, отдельным изданием и посланные по просьбе Рылеева Пуштинным Пушкину 12-го числа того же марта.

Пройдет два года, и Кюхельбекер, уже прочитавший Четвертую главу «Онегина», напишет стихи «Тень Рылеева», где, вторя Пушкину, скажет в третьем лице не о Рылееве, а о себе:

...Певец, поклонник пламенной свободы,
Отторжен, отлучен от всей природы,
Он в вольных думах счастья искал...

Он просто не понял, что именно с упоминания о «бурных думах» параллель Ленский — Кюхельбекер сменилась параллелью Ленский — Рылеев. Но стихи-то написал именно о Рылееве, который с того света приходит в камеру Кюхельбекера. Значит — пушкинский сигнал все же сработал.

Всмотримся в строфы, в контексте которых произнесена рыевская характеристика Ленского, и убедимся, что они (XXXIII—XXXIX) — полемика с Рылеевым. Но Рылеев — объект полемики, а материалом для нее оказалось рыевское стихотворное послание «Пустыня», опубликованное еще в 1821 году.

«Пустыня» — подражание «Моим пенатам» Батюшкова и лицейскому стихотворению Пушкина «Городок». В «Пустыне» упомянут и Пушкин. Да еще как упомянут: «...Пушкин своенравный, / Парнасский наш шалун...»! Читаем концовку «Пустыни»:

Для пылого поэта
Как больно, тяжело
В триумфе видеть зло...

И в перечислении прочего:

Досужих журналистов,
Которые тогда,
Как вспыхнула война
На Юге за свободу,
О срам! о времена!
Поссорились за оду!..

После того как в «Мнемозине» за 1824 год появилась статья Кюхельбекера «О направлении нашей поэзии...», где автор восстал против элегического тона поэзии и горячо призывал российских поэтов слагать оды, эти рыевские стихи, опубликованные тремя годами ранее, превратились в ответ Кюхельбекеру.

И вот Пушкин, в XXXII и XXXIII строфах пародийно пересказав читателю статью из «Мнемозины», отвечает обоим в последних строчках XXXIII строфы: «...Тут бы можно / Поспорить нам, но я молчу: / Два века ссорить не хочу».

Кюхельбекер только что не назван по имени: «...Критик строгий / Повелевает сбросить нам / Элегии венок убогий...» Рылеевская тема вводится посредством гражданственной характеристики (она прозвучит сразу вслед за «ссорить не хочу»): «Поклонник славы и свободы...» А в следующем стихе появляется и маркирующий эпитет «В волнении бурных дум своих...»

Как две предыдущие строфы полемизируют со статьей Кюхельбекера, так пять следующих — с «Пустыней» и с самим Рылеевым.

Рылеев, описывая приятелю деревенскую жизнь «в тиши уединенной», меланхолически сообщает: «Твой друг, молодой поэт, / Вдруг стал анахорет...»

Пушкин признается в письме Вяземскому, что тоже повествует о своей жизни в деревне. Но не пишет, что делает это с подачи Рылеева: «уединенье, тишина», «Онегин жил анахоретом».

Ни в «Моих пенатах», ни в «Городке» слово «анахорет» не встречается. За него-то и цепляется Пушкин, «переписывая» и этим еще больше пародируя условно-романтическое изображение жития молодого помещика в пустыне, то бишь в собственном имении.

Рылеев утверждает, что ведет жизнь святого отшельника, что ему вода заменила вино и что он «спит на одиноком ложе». Обед у него «скромный». Но тут же и проговаривается: «Приятный фи-миам / От сочных яств курится...» И Пушкин этого не спускает. У анахорета Онегина на столе «Обед довольно прихотливый. / Бутылка светлого вина...»

А двумя строчками раньше — нечто ну уж никак не рифмующееся со званием анахорета: «младой и свежий поцелуй» черноокой беланки. Потому до пародийности комичен пушкинский вывод: «Вот жизнь Онегина святая». Та жизнь, которой анахорет предается «в беспечной неге». И если Рылеев перефразировал стих из пушкинского «Городка» «Душистый пью чаек» и о себе сказал: «Пью ароматный чай», то Пушкин милостиво дарит чай автору «Пустыни» и усугубляет грехи анахорета: «Потом свой кофе выпивал...»

Для патриархально воспитанного русского человека кофе и в начале XIX века ни с чем хорошим ассоциироваться не мог.

Даже невинное сообщение про то, что Онегин встает летом «в седьмом часу» — полемика с «Пустыней», ведь герой Рылеева встает, «зарю предупреждая».

Это летом-то, когда, как известно, «одна заря сменить другую...»? Надо понимать, что часа в два ночи?

Рылеев традиционно долго перечисляет круг своего чтения, начиная его как раз с «парнасского шалуна». «Шалун» отрезает:

«Плохой журнал перебирая...»

Рылеев в «легком сне» видит приятелей-певцов и сообщает: «Они все в Петрополе». Пушкин в этот круг, очевидно, не входит (сослан за год до публикации «Пустыни»). Потому-то он в первой строке XXXIV строфы передразнивает «сон глубокий» (конечно, аж до седьмого часа утра!), а в двух последних стихах замечает даже раздраженно: «Забыв и город, и друзей, / И скуку праздничных затей».

Он обещал Бестужеву сатиру в «следующих песнях Онегина», ну и исполняет обещанное.

Пародируется Пушкиным и жанр, вернее — длина стихотворных посланий в духе «Моих пенатов». Это еще и самопародия, ведь у Батюшкова и Рылеева на живописание их бытия в «уединении» ушло по триста стихов трехстопного ямба, а у Пушкина в «Городке» — более четырехсот. В «Онегине» поэт предупреждает:

...Кстати, братья!
Терпенья вашего прошу:
Его вседневные занятия
Я вам подробно опишу.

Предупреждает... и укладывается в три строфы, одну из которых к тому же выпускает, обозначая лишь номером.

Но и это еще не все.

Рылеев «грозно» отправляется на охоту («Иду с ружьем на бой / Иль с зайцами, иль с дичью!») и, вернувшись, встречает зашедшего к нему в гости соседа-майора. Здесь тоже сказывается влияние Пушкина, ведь рылеевский сосед в том же чине, что и сосед из пушкинского «Городка». Но — о ужас! — майор Рылеева «Поэзию ругает. / И приступом Парнас / Взять с бою обещает...»

«Парнасский шалун», как мы уже убедились, оставшийся за кругом «приятелей-певцов» Кондратия Федоровича, видимо, внимательно перечитал «Пустыню» летом 1825 года. Он сопоставил и увидел (думал ли Рылеев, что так выходит?): майор намерен атаковать именно Пушкина... А коли так...

И вот в «Онегине» появляется сосед (но уже статский), и Пушкин его «душит трагедией в углу», т. е. чтением «Годунова».

Александр Сергеевич, как известно по крестьянским воспоминаниям, сам на охоту никогда не ходил, хотя, прогуливаясь у озера, мог напугать случайного прохожего тем, что размахивал руками и громко читал сам себе «на разные голоса».

Это и описано в XXXV строфе:

Или (но это кроме шуток),
Тоской и рифмами томим,
Бродя над озером моим,
Пугаю стадо диких уток:
Вняв пенью сладкозвучных строф,
Они слетают с берегов.

«Невинное» описание сельской прогулки продолжается в изъятый из окончательного текста полного «Онегина» XXXVI строфе. Что же стоит за четырнадцатью строчками точек?

Уж их далече взор мой ищет...
А лесом кравшийся стрелок
Поэзию клянет и свищет,
Спуская бережно курок.
У всякого своя охота,
Своя любимая забота:
Кто целит в уток из ружья,
Кто бредит рифмами, как я,
Кто бьет хлопушкой мух нахальных,
Кто правит в замыслах толпой,
Кто забавляется войной,
Кто в чувствах нежится печальных,
Кто занимается вином:
И благо смешано со злом.

В.В.Набоков в своей комментарии к «Онегину» называет это место «исключительно бедной строфой», «набором ущербных образов». Действительно, без ключа «Пустыни» и двух мартовских писем от Рылеева и Бестужева можно лишь развести руками: что за странное, бессистемное перечисление?

Бестужев Пушкину 9 марта:

...убить в высоте орла, надобно много искусства, и хорошее ружье. Ружье — талант, птица — предмет — для чего же из пушки (какой неаккуратный каламбур, это же Пушкину пишется! — А. Ч.) стрелять в бабочку? <...> Дал ли ты Онегину поэтические формы, кроме стихов?

Рылеев Пушкину 10 марта:

Не знаю, что будет Онегин далее... чем дальше в лес, тем больше дров; но теперь он ниже Бахчисарайского фонтана и Кавказского пленника. Я готов спорить об этом до второго пришествия.

Итак, Пушкин защищается в «Онегине» от нападок на «Онегина». Рылеев-охотник, грозно ходивший на бой с дичью, и Бестужев с его сомнительным каламбуром про ружье/пушку и птицу/бабочку превращаются в тексте в одного стрелка.

А теперь обратимся к черновику поэта, который, по словам Т.Г.Цявловской, есть «...кладезь драгоценностей, так часто помогающий понять намеки, выраженные в беловике более общо».

Что мы находим вместо «Кто бредит рифмами, как я, / Кто бьет хлопущей мух нахальных»?

Кто травит рифмами, как я
Исподтишка зверьков журнальных...

И еще ближе к печатному тексту:

Кто бьет хлопущей мух журнальных...

Не пушкой — хлопущей... Потому что артиллерии более крупного калибра «журнальные зверьки» пока не заслужили.

Это пишется за несколько месяцев до восстания на Сенатской. Готовя главу к печати уже после последнего довода императора (*Ultima ratio Regis* писали на артиллерийских стволах того времени), Пушкин откажется от «журнальных мух», а потом, видимо, по соображениям нравственным (Рылеев казнен, Бестужев на каторге), снимет всю строфу. Но летом 1825-го эти строки еще жаждут поразить тех, в кого они направлены. Это не плод минутного раздражения, а принципиальный поединок и ответ на «Пустыню», где рылеевский сосед-майор обещает взять Парнас приступом.

Поэтому пушкинский стрелок «Поэзию клянет и свищет».

А в вариантах и того яснее: «Стихи мои клянет и свищет».

Что же, «у всякого своя охота». И пять следующих строк прозрачно намекают: Пушкин знает, с кем он спорит.

«Кто целит в уток из ружья». Это почти цитата из апрельского письма Пушкина Жуковскому: «Ты спрашиваешь, какая цель у “Цыганов”? Вот та! Цель поэзии — поэзия <...> Думы Рылеева и целят, и все невпапад». (Невпапад — как и сам Кондратий Рылеев в Александра Пушкина.)

«Кто правит в замыслах толпой». Заметим: не в мыслях, в замыслах. Такая характеристика может быть дана лишь тому, кто сам метит в Пугачевы, Робеспьеры или Наполеоны.

«Кто забавляется войной» — см. концовку «Пустыни».

«Кто в чувствах нежится печальных». Прозрачный намек на эпистолярную полемику с Бестужевым о влиянии поэзии Жуковского (и печальной, и нежной) на дух российской поэзии.

И сколь красноречивы строки письма к брату от 14 марта: «У вас ересь. Говорят, что в стихах — стихи не главное <...> должно заранее истребить это гонением, кнутом, колыями...»

Заранее — до чего? До того как это станет модой? чумой? официальной идеологией?

Приговором революционного конвента?

Недобрые предчувствия клубятся в этой, напечатанной сначала в загримированном варианте, а в конце концов и вовсе выпущенной строфе. Когда она писалась? Видимо, в конце марта или в апреле. Во всяком случае, вряд ли позже. Даты «параллельных» цитат из переписки с издателями «Полярной звезды» подтверждают, что мы имеем дело с чем-то вроде тайного лирического дневника Пушкина. Уместно тут вспомнить и эпиграмму «Совет», относящуюся тоже к весне—лету 1825 года:

Поверь, когда и мух, и комаров
Вокруг тебя летает рой журнальный...

Противоречие поэтик — противоречие мировоззрений. И это несмотря на общность гражданских позиций. Но то, что кажется близким из нынешнего дня, вовсе не было бесцветно-скудной однородностью чувства и мысли. Чтобы стала ясна вся резкость спора,

кажущегося по переписке вполне деликатным, приведем рылеевские стихи того же лета:

Хоть Пушкин суд мне строгий произнес
И слабый дар, как недруг тайный, взвесил;
Но от того, Бестужев, еще нос
Я недругам в угоду не повесил.

Рылеев раним не меньше Пушкина. И ему уже чудится, что михайловский ссыльный — тайный недруг.

А Пушкин отдает себе отчет: спорить с заговорщиками едва ли не опасней, чем с царями.

Только в контексте полемики с идеологами декабризма можно объяснить, почему весной или в начале лета того же 1825 года Пушкин пишет длинное стихотворение «Андрей Шенье». Поэт понимает, что его судьба может по воле северян «срифмоваться» с судьбой французского поэта. Сравнить себя с Шенье — бросить вызов петербургским «якобинцам». Но де-факто вызов уже брошен, и в первой половине июня Рылеев парирует: «Ты сделался аристократом; это меня рассмешило. Тебе ли чваниться пятисотлетним дворянством? И тут вижу маленькое подражание Байрону. Будь, ради бога, Пушкиным. Ты сам по себе молодец».

Вернемся к XXXVII строфе, где каждая строка — полемика:

Онегин жил анахоретом;
В седьмом часу вставал он летом
И отправлялся налегке
К бегущей под горой реке;
Певцу Гюльнары подражая,
Сей Геллеспонт переплывал,
Потом свой кофе выпивал,
Плохой журнал перебирая,
И одевался...

В следующей строфе поэт отвечает на рылеевское письмо: вот мой аристократизм — русская рубаха и татарский армяк (он и впрямь иногда являлся на народе в таком виде), вот мое подражание Байрону: мой герой, конечно, и речку переплывает из подражания тому,

кто переплыл Дарданеллы ровно 15 лет назад. И пусть огорчаются «безнравственным и безрассудным» поведением Онегина неизвестно кем приставленная следить за его нравственностью «псковская дама Дурина» и ее друг, манерный «Мизинчиков», — «своих обыкновенный» ни поэт, ни его герой в угоду им не изменят.

Почему Дурина? А потому что рылеевские «“Думы” дрянь и название сие происходит от немецкого dum...», то есть дурной, глупый (см. майское письмо П.А.Вяземскому и Л.С.Пушкину).

Петербургским Дуриной и Мизинчикову такого сорта свободолюбие (как и такого рода дразнилки) не пришлись бы по душе.

После приезда Пушкина и его запоздалой попытки завербовать поэта в ряды русских карбонариев, а, тем более, после рылеевского предписания сотворить поэму про задущенную псковскую свободу, Пушкин многое передумал и многое понял. О том же говорит нам и страница рабочей тетради, где к «наполеоновскому» портрету Пестеля поэт красноречиво подверстывает обращенные к Бестужеву и Рылееву стихи: «Напрасно ахнула Европа...» Мол, знаю, кто у вас за главного на юге, а кто в Питере. (См. вклейку, с. XXV.)

Но 30 ноября 1825 года за две недели до восстания на Сенатской он пишет последнее свое письмо Бестужеву: «Кланяюсь планщику Рылееву, как говаривал покойник Платов, но я, право, более люблю стихи без плана, чем план без стихов. Желаю вам, друзья, здоровья и вдохновения». Так все-таки друзья?..

В конце 70-х мой товарищ Ян Сидоров, рано ушедший из жизни талантливый историк литературы, заметил, что ироническое «планщик» — здесь не просто «штабной», а вынашивающий планы восстания вождь заговора. Ну а Пушкин — предпочитающий действовать по наитию вольный казак (отсюда и платовское словечко).

Да, Рылеев жаловался Пушкину, что план новой его поэмы готов, а сама она не идет... И формально «планщик» — об этом. Однако догадка Яна Сидорова была подтверждена неожиданным календарным сближением: известно, что именно 30 ноября до Пушкина дошла весть о смерти царя. А поскольку поэт догадывается и о планах декабристов выступить при смене монарха, и о роли в заговоре Рылеева, который лишь парюю недель раньше наставлял его словами «будь Поэт и Гражданин», смысл приветов планщикам прост: действуйте, друзья, и пусть вам хватит и сил, и вдохновенья, ведь оно в революции требуется не менее, чем в поэзии или математике.

Пушкин угадал: «в то роковое утро», когда план восстания рухнет, нехватка деятельного вдохновения приведет их к гибели.

Он почему-то понимает это уже 30 ноября. И 1 (или 2) декабря (по Тарховой), или, что вероятней, 11-12 декабря (по Соболевскому) выезжает в Петербург. Выезжает, но возвращается...

В XLV строфе Четвертой главы поэт поминает Александра I, сообщая, что отдавал за шампанское «Последний бедный лепт», то есть грош. Как показал Ю.М.Лотман, это иронический намек на стих из послания Жуковского «Императору Александру»: «Последний бедный лепт» отдавался у Жуковского за царский портрет. В следующей строфе «шумной пене» шампанского противопоставлено *благоразумное* «Бордо» (у Пушкина оно мужского рода):

Но ты, «Бордо», подобен другу,
Который в горе и в беде,
Товарищ завсегда, везде,
Готов нам оказать услугу,
Иль тихий разделить досуг.
Да здравствует «Бордо», наш друг!

После этой строфы в беловой рукописи помета «Смотр. X».

Десятая строфа? Она ни при чем. Очевидно, перед нами еще одно упоминание о сожженной X главе, указывающее на пушкинское посещение Михайловского. Сопоставим строки послания к Пушкину (вкупе с «19 октября» 1825 года) с этим местом романа:

Пушкин мой; мой друг — Наш друг
Ты день изгнания, день печальный — Ты в день унынья и в беде
С другом разделил — Разделить досуг
Да озарит — Да здравствует
Но ты счастлив — Неизменяющему в счастье

Это значит, что приезд Ленского к Онегину — воспоминание о другом зимнем визите «на тройке чалых лошадей». В дни междоусобия михайловский ссыльный готовит побег, получив условленное письмо от Пушкина (послано из Москвы в последних числах ноября или до 4 декабря): мол, еду в Питер и очень бы желал тебя там встретить.

Позволю себе привести здесь выписку из работы Ирины Сурат «Кто из богов мне возвратил...» («Новый мир», 1994, № 9):

Свой рассказ о встрече с Пушкиным Пушкин завершает словами, над которыми стоит задуматься: «Мы крепко обнялись в надежде, может быть, скоро свидеться в Москве. Шаткая эта надежда облегчила расставание после так отраднo промелькнувшего дня». Какие были у них основания надеяться, пусть и шатко, на скорую встречу? Пушкина уже почти пять лет как не пускали в столицы — отчего бы пустили теперь? Очевидно, что-то осталось у Пушкина недосказанным, что-то он утаил, боясь повредить памяти друга (мемуары писались в 1858 году).

Судя по всему, недомолвка Пушкина связана с загадочным эпизодом пушкинской биографии, известным по пересказам Адама Мицкевича, С.А.Соболевского, П.А.Вяземского, В.И.Даля, М.П.Погодина, М.И.Осиповой. Их версии в чем-то расходятся, но совпадают в главном: в декабре 1825 года, в разгар политической смуты, Пушкин предпринял попытку выехать из Михайловского в Петербург, но передумал, вернулся с дороги. С.А.Соболевский, один из близких друзей Пушкина, утверждает, что не раз слышал от него эту историю при посторонних лицах, и приводит такой пушкинский рассказ: «Известие о кончине императора Александра Павловича и о происходивших вследствие оной колебаний по вопросу о престолонаследии дошло до Михайловского около 10 декабря. Пушкину давно хотелось увидаться с его петербургскими приятелями. Рассчитывая, что при таких важных обстоятельствах не обратят строгого внимания на его непослушание, он решился отправиться туда; но как быть? В гостинице остановиться нельзя — потребуют паспорта; у великосветских друзей тоже опасно — огласится тайный проезд ссыльного. Он положил заехать сперва на квартиру к Рылееву, который вел жизнь не светскую, и от него запастись сведениями. Итак, Пушкин приказывает готовить повозку, а слуге собираться с ним в Питер; сам же едет проститься с тригорскими соседками. Но вот, на пути в Тригорское, заяц перебегает через дорогу; на возвратном пути из Тригорского в Михайловское — еще заяц! Пушкин в досаде приезжает домой; ему докладывают, что слуга, назначенный с ним ехать, заболел вдруг белою горячкой. Распоряжение поручается другому. Наконец повозка заложена, трогаются от подъезда. Глядь — в воротах встречается священник, который шел проститься с отъезжающим барином. Всех этих встреч — не под силу суеверному Пушкину; он возвращается от ворот домой и остается у себя в деревне. «А вот каковы бы были последствия моей поездки, — прибавлял Пушкин. — Я рассчитывал приехать в Петербург поздно вечером, чтоб не огласился слишком скоро мой проезд, и, следовательно, попал бы к Рылееву прямо на совещание 13 декабря. Меня приняли бы с восторгом; вероятно, я забыл бы о Вейсгаупте, попал бы с прочими на Сенатскую площадь и не сидел бы теперь с вами, мои милые!» Примерно так запомнил рассказ и Вяземский со слов самого Пушкина: «Но, сколько помнится, двух зайцев не было, а только один. А главное, что он бухнулся бы в самый кипяток мятеха у Рылеева в ночь

13-го на 14 декабря: совершенно верно». В.И. Даль сохранил в своей памяти те же детали (зайцы) и к тому же, что очень ценно, смог более внятно объяснить мотивы поездки: «Пушкин жил в 1825 году в псковской деревне, и ему запрещено было из нее выезжать. Вдруг доходят до него темные и несвязанные слухи о кончине императора, потом об отречении от престола цесаревича; подобные события проникают молнией в сердце каждого, и мудрено ли, что в смятении и волнении чувств участие и любопытство деревенского жителя неподалеку от столицы возросло до неодолимой степени? Пушкин хотел узнать положительно, сколько правды в носящихся разнородных слухах, что делается у нас и что будет; он вдруг решился выехать тайно из деревни, рассчитав время так, чтобы прибыть в Петербург поздно вечером и потом через сутки же возвратиться».

Описав эту историю в несохранившемся письме из Михайловского брату Льву, Пушкин через брата запустил ее в круг своих друзей, а впоследствии сам сделал из нее эффектную устную новеллу, которую любил рассказывать в обществе. <...> Трудно сказать, выезжал ли поэт действительно из Михайловского, но можно точно сказать, что замысел такой у него был и что он готовился к его осуществлению. В 1933 году в руки пушкинистов попал удивительный документ, который здесь приводим полностью:

Билет

Сей дан села Тригорского людям: Алексею Хохлову, росту 2 арш. 4 вер., волосы темно-русые, глаза голубые, бороду бреет, лет 29, да Архипу Курочкину, росту 2 ар. 3 1/2 в., волосы светло-русые, брови густые, глазом крив, ряб, лет 45, в удостоверение, что они точно посланы от меня в С.Петербург по собственным моим надобностям, и потому прошу господ командующих на заставах чинить им свободный пропуск.

Сего 1825 года, Ноября 29 дня.

Село Тригорское, что в Опоческом уезде.

Статская Советница

Прасковья Осипова.

Л.Б.Модзалевский установил, что вся эта бумага, или, по-нашему говоря, «въездная виза» в Петербург, от начала до конца искусно подделана Пушкиным. Текст «билета» он вывел писарским почерком, за соседку свою П.А.Осипову подписался другим пером и другим почерком — женским, ровным — и поставил внизу свою печать.

В приметах Алексея Хохлова пушкинисты разгадали черты внешности самого Пушкина, только он чуть занизил себе рост да прибавил три года, считая, что выйдет старше своих двадцати шести. Только что закончив «Бориса Годунова», Пушкин перенес в собственную жизнь сцену в корчме на литовской границе, где читают царский указ с приметами Гришки Отрепьева и тотчас узнают его по приметам: «А ростом он мал, грудь широкая, одна рука короче другой, глаза голубые, волосы рыжие, на щеке бородавка, на лбу другая». Свой портрет Пушкин составил в той же поэтике, разыграв найденный драматургический прием. А может быть, и наоборот, игра была вначале придумана для жизни (ведь

мысль бежать из ссылки и раньше приходила Пушкину) и уж потом вошла в сюжет трагедии.

Второй персонаж поддельного пропуска, Архип Курочкин — лицо реальное, упоминаемое в переписке Пушкина, в воспоминаниях М.И.Осиповой (младшей дочери П.А.Осиповой), в записанных рассказах пушкинского кучера Петра. В описи села Михайловского по ревизии 1833 и 1838 годов значится в списке крестьян и дворовых некто Архип Кириллов, то есть Кириллов сын — по старинке указано отчество вместо фамилии. В 1833 году этому Архипу было 54 года, в 1838-м — 58 (Пушкина он пережил), так что в конце 1825 года ему как раз было 45, как Архипу Курочкину в пропуске.

Всего этого, кажется, достаточно, чтобы убедиться, что Пушкин действительно собирался тогда в столицу — инкогнито, в сопровождении своего дворового Архипа.

Осторожность исследователя в данном случае понятна: вроде бы все так, однако кто знает, как оно было в действительности?

Но Пушкин, как природа, не производит на свет избыточных сущностей. «Станных сближений» на его век хватит, и исходным материалом для поэтической ткани становится то нить Парки, то нить Ариадны.

Был и монах (вполне конкретный батюшка, приглядывавший за Пушкиным по поручению властей), был, надо полагать, и случайный заяц... Были, потому что в насквозь автобиографическом и даже дневниковом «Онегине» два этих персонажа друг за другом мелькают всего лишь спустя три недели после попытки Пушкина посетить Питер с подложною подорожной.

Вот VI строфа Пятой главы. Речь о Татьяне:

...Она дрожала и бледнела.
 Когда ж падучая звезда
 По небу темному летела
 И рассыпалась, — тогда
 В смятеньи Таня торопилась,
 Пока звезда еще катилась,
 Желанье сердца ей шепнуть.
 Когда случалось где-нибудь
 Ей встретить черного монаха,
 Иль быстрый заяц меж полей
 Перебегал дорогу ей,
 Не зная, что начать со страха,

Предчувствий горестных полна,
Ждала несчастья уж она.

Татьяна суеверна не более, чем Пушкин. Но: «Так суеверные приметы / Согласны с чувствами души». Если душа ждет несчастья, то приметы сами объявятся... А если приметы будут врать, то душа, ничего плохого впереди не ощущающая, их просто не заметит.

Об этой строфе мы еще будем говорить. Но предуведомим: в этих четырнадцати строках прямых аллюзий тех страшных дней середины декабря 1825-го и начала января 1826-го куда больше, чем можно даже вообразить. И, видимо, «заячий тулупчик», подаренный Путачеву Петрушей Гриневым, сшит из шкурки того же михайловского зайца: тема русского бунта уже никогда не отпустит Пушкина.

3 января 1826 года, заканчивая Четвертую главу, Пушкин думает о Пущине. Попыткой объяснения и звучит апелляция к «бедному лепту». Обращаясь «Помните ль, друзья?», поэт напоминает сразу о двух своих стихотворениях.

Первое — «В.А.Давыдову» — написано в 1821 года. Это там Пушкин приветствовал революцию. Это там «И за бутылками аи / Сидят Раевские мои», а поэт бравирует: «...Что Бог простит мои грехи. / Как государь мой стихи». (Вот он, «лепт»!) Это там аи бьет «беспенной мерзлой струею» за *тех* и *ту* — за карбонариев и добытую в революционной горячке свободу.

Однако народы уже хотят только тишины...

Но нет! — мы счастьем насладимся,
Кровавой чашей причастимся...

Второе — те же стихи «19 октября». Тут за два месяца до восстания поэт отказался от «кровавой чаши», процитировав собственный стих из послания «В.А.Давыдову»: «До дна, до капли выпивайте»... но уже не за «тех» и «ту»... «Но за кого? о други, угадайте... / Ура, наш царь! так! выпьем за царя. / Он человек...»

И если в стихах «В.А.Давыдову» желудок поэта не варит причастия, то в этом месте «Онегина» простывшее аи изменяет его желудку шумной пеной. Он отказался от «кровавой чаши» в пользу дружбы. Потому и тяжело: не приехал, когда друзья позвали, и вместо этого 14 декабря писал антидекабристского (по поэтике)

«Графа Нулина». Вновь перед глазами Пушкин и две заснеженные бутылки шампанского в его руках.

Подтверждением тому черновик:

Да, да, ты зван на именины
Татьяны — Оленька и мать
Велели звать — и нет причины
Тебе со мной не приезжать
— Но куча будет там народу —
И всякого такого сброду —
— И! никого — уверен я —
Ну кто? — одна своя семья.—
Поедем, сделай одолжение —
В четверг — Согласен — Как ты мил —
При сих словах он осушил
Стакан — дружбе приношение
Накинув синюю шинель
И
Салфетку бросил
и ускакал

Незарифмованная и тут же замаранная концовка замечательно совпадает с записками Пушкина:

...Мы еще чокнулись стаканами, но грустно пилося: как будто чувствовалось, что в последний раз вместе пьем и пьем на вечную разлуку! Молча я набросил на плечи шубу и убежал в сени.

В дорогу шубы надевались поверх шинели. Синими были шинели лицеистов. На Сенатскую Пушкин выйдет в плаще деда-адмирала: карточь изрешетит плащ, но Пушкин останется невредим.

Один из исследователей не так давно упрекнул Пушкина: больше не увиделись, и потому через тридцать лет кажется, что оба предчувствовали, что разлука станет вечной. Однако Пушкин вступает за друга в следующей же строфе: «Но жалок тот, кто все предвидел». Эта горькая в контексте первых январских дней строка прожигала черновик.

Это кто же предвидел? Ленский? Онегин?

Поэт правит: «Но жалок тот, кто все предвидит». Это о себе.

«Одна своя семья...», «Велели звать — и нет причины...» Пушкин, как мы уже знаем, должен был приехать именно на квартиру Рылеева. Запомненные Пушкиным слова Пущина о том, что у Рылеева «не бывает посторонних», трактовать следует так, что поэт понимал, к кому он едет. И когда осенью царь спросит его, где бы поэт был, если б 14 декабря оказался в Петербурге, он ответит, что на Сенатской: «Там были мои друзья...»

В последний момент он очнулся и отказался от поездки. А вот Онегин поехал, встретив в доме Лариных всю округу в придачу к «полковой музыке». Следствием была злость на Ленского, флирт с Ольгой, убийство друга, замужество Татьяны...

Много написано о том, как помнил и чтит Пушкин разного рода годовщины. Но ведь он провожал Пущина в 3 часа ночи 12 января, то есть в Татьянин день.

Недаром и в романе Татьянин день начинается «пародией известных стихов Ломоносова». Пушкин не только спародировал хрестоматийные строки, но и сам указал на это в примечании. И вот в журнале «Атеней» в 1828 году появился донос: «Так, кажется, старик начинает Оду свою на день восшествия на Престол Императрицы Елизаветы».

Помянув пародией на Жуковского отошедшего царя, Пушкин встречает его преемника пародией на Ломоносова («Заря багряною рукою...»), а ответ утра на Сенатской с первой же строки ложится на «веселый праздник именин».

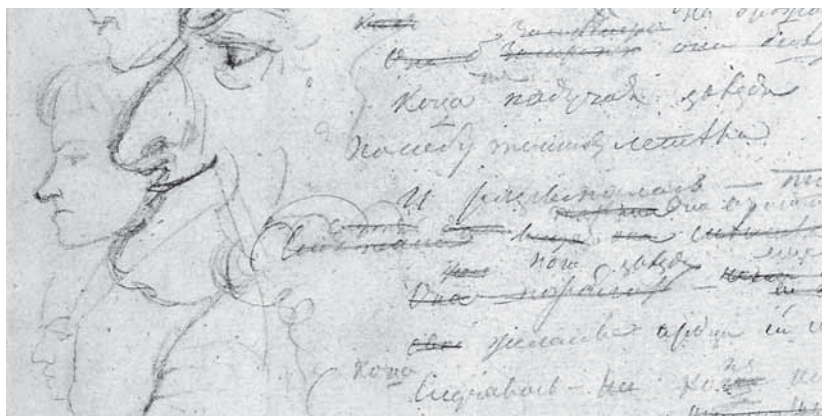
И вновь — «онегинский» черновик:

Когда падучая звезда
По небу тихому летела...
.
.
.
.
.
.
.
.
.
.
Предчувствий горестных полна,
Ждала беды себе она...

Варианты: «Она предвидела беду», «Беду предвидела».

На ум приходит написанное только что «Но жалок тот, кто все предвидел», ведь вся строфа с монахом и зайцем автобиографична.

Против стиха «Когда падучая звезда...» — первый пушкинский профиль Рылеева (правее его — профиль Мирабо).

Рылеев (погрудно)

Черновик «Евгения Онегина». Пятая глава, VI строфа.

Начало января 1826 года. ПД 835. Л. 80 об.

Ни «Полярная звезда», ни «Звездочка» (приложение к ней) никогда уже в свет не выйдут. А в «Звездочке» шел «Ночной разговор Татьяны с ее няней».

Еще один профиль Рылеева — внизу следующего листа.

Перевернув этот лист, чтобы начать сон Татьяны, поэт, видимо, вспомнил прочитанный им недавно «Сон Жолкевского» — пророческий сон из «Наливайки»: там герою снилась собственная казнь.

Опубликованный в 1825 году «Сон Жолкевского» начинался так: «Над ним летает чудный сон...» Сон Татьяны: «И снится чудный сон Татьяне...» А вот параллели сна Татьяны и первой встречи Миллера с Войнаровским, представшим перед путешественником в зимней тайге да еще почти в медвежьем обличье: «Окутанный дохою черной / И в длинношерстном чебаке»:

Убежать — Вбежал

Лес — Лес

Сосны — Сосны

Их ветви — Ветви их

Сквозь вершины... луч (лиственный лес зимой) — Непроницаемым шатром (тайга зимой)

Дороги нет — Не видно... дороги

Кусты, стремнины метелью... — Хворост, кочки и снега

Занесены — Несется
Бежит — Быстрый бег
Упала в снег — На снег... упадет
Кругом все глушь — Кругом все дичь; в глуши
Шалаш убогий — Заимка скудная
Здесь... погрейся у него — Там... ты отдохнешь

Замечательна точная текстовая последовательность этих параллелей.

И еще: пушкинские стихи «Кругом все глушь, отвсюду он / Пустынным снегом занесен» составлены из рылеевских «Кругом все дичь», «Пушистым снегом занесло». (Это последний стих поэмы: мертвый Войнаровский на могиле жены.)

Пушкин: «И что же видит...» Рылеев: «И что же видит...»

Остановимся. И так уже ясно, что Мартын Задека не решит сомнений Тани: надо бы ей листать Рылеева...

В этом случае Ахматова сказала бы, что Пушкин вновь пишет поверх рылеевского черновика.

Перейдем к Шестой главе «Онегина». Под предпоследней строфой дата — 10 августа. Две недели назад Пушкин узнал о казни декабристов. И уже эпитаф из Петрарки указывает на события 14 декабря: «Там, где дни облачны и кратки, рождается племя, которому не больно умереть». (Именно «умереть», а не «умирать», как обычно переводят.) Вспомним «Исповедь Наливайки»:

Погибну я за край родной,—
Я это чувствую, я знаю...
Но радостно, отец святой,
Свой жребий я благословляю!

«Племя...» Да разве Ленский — племя? Разве ему, гибнущему от ненависти и ревности, не больно? Мглистый шпиль Петропавловского собора поднимается из-за строки «Там, где дни облачны и кратки», но Пушкин усиливает намек внешне невинным сокращением. Он подписывает эпитаф «Petr.», и это читается как Петроград, Петрополь. Здесь та же игра, что и в другом «онегинском» эпитафе: «O rus!.. *Ног.* О Русь!» Действительно, целый хор вторит Горацию! Бьюсь об заклад, что ссылка на Горация никогда бы не

появилась, если б не уваровская триада «Православие. Самодержавие. Народность». В начале 20-х, в александровскую эпоху, придворный хор еще не вторил «О деревня!.. О Русь!» В начале 30-х без каламбура *Нор* — хор Пушкин уже обойтись не может. Ведь и Наталье Николаевне в Аничкове приходится танцевать в наряде русской крестьянки.

Эпиграфы к остальным главам подписываются полностью.

Есть, правда, ироническое «Ба<ратынский>» на титуле беловой рукописи «Онегина», но этот эпиграф Пушкин снял.

Что можно извлечь из подписи под эпиграфом, кроме, разумеется, указания на его автора?

Просмотрев все пушкинское собрание, убеждаюсь, что всякий раз, когда подпись сокращена, возникает новый неожиданный смысл.

Еще пример: Пушкин пишет в «Литературной газете» статью о Булгарине, мол, Булгарин, как известно, не знает латыни, но не этому же незнанию обязан он своей бессмертной славе... А эпиграф к статье именно латинский и, конечно, без перевода.

Что будет после, нетрудно угадать. Булгарин прибежит к Гречу (тот как раз и делал для Булгарина латинские подстрочники):

— Из кого эпиграф?..

— Из Цицерона.

— Меня поносит?

— Да нет, эпиграф-то благородный: «Я вышел на арену вместе с равным мне...»

Булгарин не может верить своим ушам:

— Значит, ровней меня признаёт...

— А ты погоди радоваться. Цицерон — злостный республиканец. Да и подписано тут не Цицерон, а «Цыц.»!

— Как «цыц»?

— Ну как, — латиницей.

А в беловой рукописи к «Домику в Коломне» эпиграф из Овидия: «То мужчина, то женщина». Подписано «Ов». (По-русски в данном контексте звучало бы «Муд.».) Многие годы я был уверен, что Пушкин снял эпиграф из-за «неблагопристойности». Каковым же было мое удивление, когда именно этот эпиграф и именно в таком виде я обнаружил в пушкинском «Современнике».

Там он поставлен аккуратно к «Запискам кавалерист-девицы Надежды Дуровой».

Однако возвратимся к «Онегину».

В строфах гибели Ленского Пушкин оплакал Рылеева:

Недвижим он лежал, и странен
Был томный мир его чела.
Под грудь он был навывлет ранен,
Дымясь из раны кровь текла.

Рылеев о Войнаровском:

Лежал я мрачный и унылый,
Катился градом пот с чела,
Из раны кровь ручьем текла...

Известно, что Рылеев подражал Пушкину, например, заимствовал целый стих «Погасло дневное светило» и запросто включил его в свою поэму. Пушкин не подражает: его «заимствования» правят, полемизируют, «шифруют».

В Седьмой главе «Онегина» замешенная на стихах Рылеева пушкинская тайнопись особенно густа. Ключ к ней — не публиковавшийся при жизни Рылеева и Пушкина отрывок из «Наливайки» — «Весна». Видимо, уже после казни декабристов Пушкин прочел его в списке (надо полагать, что в гостях у дружившего с Рылеевым Дельвига).

Рылеев:

Пестреет степь, цветет долина.
Одеся лес, стада бегут...

Пушкин:

Долины сохнут и пестреют;
Стада шумят...

Эти строки похожи лишь внешне, ведь Рылеев просто перечисляет приметы весны, и степь противопоставлена у него долине, а стада бегут... сквозь лес.

Полемика и в самом восприятии весны. Для Рылеева весна — пробуждение. Для Пушкина — болезнь и сон.

Рылеев о Наливайке:

Один в степи пустынной бродит
Нередко он по целым дням:
Ему отрадно, сладко там,
Он грусть душевную отводит...

Строки о Татьяне явственно спорят:

Как тень она без цели бродит,
То смотрит в опустелый сад...
Нигде, ни в чем ей нет отрад
И облегченья не находит...

Жизнь куда трагичней романтического ее перевода. И полемика
вновь перерастает в тайнопись.

Рылеев:

Быть может, я еще могу
Дать руку личному врагу;
Но вековые оскорбленья
Тиранам родины прощать
И стыд обиды оставлять
Без справедливого отмщенья —
Не в силах я: один лишь раб
Так может быть и подл и слаб.
Могу ли равнодушно видеть
Порабощенных земляков?..
Нет, нет! Мой жребий: ненавидеть
Равно тиранов и рабов.

А вот записанные Модестом Корфом слова Николая I:

На мой вопрос, переменялся ли его образ мыслей и дает ли он мне слово
думать и действовать иначе, если я пущу его на волю, он <...> только
после длительного молчания протянул руку...

Сам протянул руку тирану, что царя надолго уязвило. Сколь же
страшен был потом рылеевский укор с того света... И вот ответ
Рылееву (Татьяна про Онегина, а Пушкин про себя и царя):

Она его не может видеть,
Она должна в нем ненавидеть
Убийцу брата своего.
Поэт погиб — но уж его
Никто не знает...

О Ленском так сказать нельзя, он и напечатать-то, видимо, ничего не успел. Найдено более просторное: «никто не помнит».

...уж другому
Его невеста отдалась.
Поэта память пронеслась
Как дым по небу голубому —
О нем два сердца, может быть,
Еще грустят... На что грустить?..

Два сердца: Татьяна о Ленском. Пушкин о Рылееве.

Беловые рукописи Седьмой главы нам практически неизвестны, но в черновиках мы находим две из трех замененных номерами строфы. Уже вернувшись в Петербург, Пушкин узнает о тяжбе вокруг рылеевского имения (за право владеть «Петродаром» с вдовой Кондратия Федоровича стала бороться молодая тетка покойного, но царь вмешался и сам решил дело в пользу вдовы, поэтому история стала известна всему Петербургу).

Концовка XI строфы Седьмой главы:

Так! Равнодушное забвенье
За гробом ожидает нас.
Врагов, друзей, любовниц глас
Вдруг молкнет. Про одно именье
Наследников сердитый хор
Заводит непристойный спор.

Наверняка здесь не случайно упоминание не только о друзьях и врагах, но и «любовницах». Однако есть сюжеты, которых не хочется касаться и через двести лет. И мы не станем это делать хотя бы потому, что занявшись пропущенными строфами VIII—X (сохранились первые две), мы вынуждены будем окунуться в нечистоту непроверенных слухов и сплетен позапрошлого столетия.

«Шиш потомству!» — как заповедовал нам в этом случае Пушкин.

Начавшись с Четвертой главы, параллель Ленский — Рылеев тянулась так долго, что должна была разрешиться именем.

И действительно, по публикации Я.К.Грота (с копии В.Ф.Одоевского) мы знаем пропущенную в печатном тексте романа, но не исключенную, а помеченную номером строфу, в которой нам предстоит не Ленский-поэт, а Ленский-воин и Ленский-политик:

Исполня жизнь свою отравой,
Не сделав многого добра,
Увы, он мог бессмертной славой
Газет наполнить нумера.
Уча людей, мороча братьий,
При громе плесков иль проклятий
Он совершить мог грозный путь,
Дабы последний раз дохнуть
В виду торжественных трофеев,
Как наш Кутузов иль Нельсон,
Иль в ссылке, как Наполеон,
Иль быть повешен, как Рылеев.

.

«Отрав» — это яд государственного или антигосударственного поприща. Это политика вместо поэтики, и как результат — смерть таланта и просто смерть.

* * *

6 декабря 1827 года петербургские литераторы отмечали именины Н.И.Греча. М.П.Алексеев пишет: «Об этом праздновании и участии в нем Пушкина сохранилась записка в секретном архиве М.Я. фон Фока, управлявшего в то время III отделением и, по словам Б.Л.Модзалевского, “сосредоточившего в своих опытных руках все нити жандармского сыска и тайной агентуры”»*.

* Алексеев М. П. Заметки на полях. (Заметка третья.) Забытое воспоминание о Пушкине Н. И. Греча // Временник Пушкинской комиссии. 1974. Вып. 12. Л., 1977. С. 109—113; Модзалевский Б. Л. Пушкин под тайным надзором. СПб., 1922. С. 40.

Полагают, что записку сочинил Булгарин.

Приведу ту ее часть, которая вошла в вересаевский сборник «Пушкин в жизни» и по понятным причинам (жалко Пушкина!) не попала в заметку М.П.Алексеева:

В день св. Николая журналист Николай Греч давал обед для празднования своих именин и благополучного окончания грамматики. <...> Под конец стола один из собеседников, взяв бокал в руки, пропел следующие забавные куплеты, относящиеся к положению Греча и его грамматики:

В отчаяньи уж Греч наш был,
Граматику чуть-чуть не съели:
Но царь эгидой осенил,
И все педанты присмирели.
Итак, молитву сотворя,
Во-первых, здравие царя!

<...> Пушкин был в восторге и беспрестанно напевал, прохаживаясь:

И так, молитву сотворя,
Во-первых, здравие царя!

Он списал эти куплеты и повез к Карамзиной...

Судя по тону, доносчик удивлен таким усердием поэта.

Так чему же радовался Пушкин?

А тому, что благонамеренный пиит Александр Измайлов невольно «зашифровал» в своем панегирике вот что:

А молитву сотворя, —
Третий нож — на царя.

Пройдут годы, и эта песня Рылеева и Бестужева будет опубликована по списку, хранящемуся у Вяземского.

Фон Фок и Бенкендорф ее тоже знали: два года назад Бестужев, спасая Рылеева, на следствии взял авторство этой песни на себя. Но у главных жандармов империи *много дел* и слишком много стихов, которые приходится читать по службе. Всех не упомнишь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

МНИМАЯ СМЕРТЬ КЮХЕЛЬБЕКЕРА

репетиция реквиема

«Вероятно, погиб во время дела...»

В Петербурге публикуют списки мятежников. Среди них много друзей. Из лицейстов в крепости Пущин («первый» и «бесценный»). А Кюхля, конечно, мог погибнуть. Это на него похоже.

Приготовился к худшему и принял худшее как данность.

Заметил слово «вероятно», но оговорке не поверил.

Это сейчас мы знаем, что Кюхельбекера не нашли, потому что он, целивший на площади в великого князя Михаила, единственный из всех «северян» после поражения не впал в оцепенение, пытался хоть как-то действовать — бежал в Варшаву.

Пушкин этого не знает.

Газетное объявление о поисках Кюхельбекера опубликовано 30 декабря.

Арестуют его 19 января в варшавском предместье.

Пушкин жжет рукописи и готовится к аресту. Что-то, как, скажем, «Записки», летит в огонь целиком, что-то — самыми опасными страницами или их лоскутами.

Жжет и пишет новое.

Дописывает Четвертую и начинает Пятую главу «Онегина».

...До Татьяны ли ему сейчас?

До Татьяны. Потому что еще до Флобера («Бовари — это я!») Кюхля в Сибири скажет: «Татьяна — это Пушкин».

В последних строках Четвертой главы он проговаривается: «Но жалок тот, кто все предвидел...» Что «всё»? И то, что Кюхлю убьют? Раз тело не найдено, значит, бросился к Неве, а картечь лупила по льду, и даже на первых линиях Васильевского окна побиты. Не найден, значит, утонул в ледяной воронке.

Приходится строку править: «...предвидит».

Текст романа наполняется страхами и гаданиями. Если ни о чем другом думать не может, так о чем же еще писать?

Вот тут-то против строки «Когда падающая звезда...» и появляется первый портрет Кондратия Рылеева. Напомним: Рылеев с Бестужевым издавали «Полярную звезду», а в «Звездочке», приложении к ней, как раз должен был выйти «Ночной разговор Татьяны с няней».

Пушкин не знает, что альманах уже набран, вот только тираж после 14 декабря пойдет под нож, ведь в крепости оба его издателя.

«Звездочка» закатилась. Оказалась падачей.

Лист черновика сверху донизу покрывается профилями. Рисунков ровно тринадцать: Пестель, молодой Пущин, Рылеев в паре с самим Пушкиным (два профиля один рядом с другим, как на медали; чтоб не сглазить или не жертвовать лист огню камина, густо зачеркнул обоих), вновь Пущин (уже постаревший), Дельвиг в близоруких своих очках...

С ним-то что? В заговоре или, как всегда, поленился?

Это потом Пушкин услышит анекдот:

— Дельвиг, а почему ты не вышел на Сенатскую?

— Слишком рано надо было вставать.

Внизу листа — пять изображений Кюхли. Вот он совсем мальчишка, то улыбается, то серьезен, и, кажется, слушает стихи. А вот такой, каким был бы сегодня... Печальное лицо, усики (надо же как-то состарить портрет, ведь лет шесть не виделись).

Слева — профиль девы в глухом платке: голова наклонена, глаза закрыты. Но черты лица явно кюхлины. Видимо, вспомнил о сестре Кюхельбекера — каково ей? Впрочем, у Кюхли две сестры — Юстина и Юлия...

Справа — вновь Рылеев. Потому что Пушкин догадывается, кто принял в Общество сумасбродного его друга, и тем погубил.

Пушкин не однажды посвящал стихи Кюхельбекеру. Аукался с ним и сам с собой. Если перед самым выпуском из лицея он писал другу «В последний раз в тиши уединенья...», то в «19 октября 1825 года» сам и отыграл: «Сокроем жизнь под сень уединенья...»

Заклинал... Как знал, что вблизи от Рылеева «лицейской жизни милый брат» лицейского брата не послушает.

Значит, надо писать элегию на смерть брата.

И он пишет.

Сверху вниз: Пестель, Пушкин (в юности), зачекнутые профили Пушкина и Рыльева, Пушкин, Дельвиг, символическое изображение скорби (одна из сестер Кюхельбекера?), пять профилей Кюхельбекера, Рылеев
Черновик «Евгения Онегина». Пятая глава, IX–X строфы.
Начало января 1826 года. ПД 835. Л. 81 об.

Пушкинисты датировали этот черновик 1825 годом. Но, скорее, это первые дни нового 1826-го:

Под каким созвездием,
Под какой планетою
Ты родился, юноша?
Ближнего Меркурия,
Иль Сатурна дальнего,
Марсовой, Кипридиной?

Уродился юноша
Под звездой безвестною,
Под звездой падучею,
Миг один блеснувшей
В тишине небес.

Вот и отыграл — и свое «в тиши уединенья», и «падучую звезду» Рылеева (но тот-то жив, хотя и в каземате).

Смотрим черновик: «Звездочка ль Кипридина, / Золотая ль звездочка...» И еще трижды «звездочка»...

Так, может, стихи все же о Рылееве?

Нет, о Кюхельбекере. Вот другой черновик, традиционно, но неверно датированный тем же 1825 годом (надо 1826-м). На нем стоит шифрованное посвящение: «КХЛБКР»:

Да сохранит тебя твой добрый гений
В не————— тишине.

Какая тишина? Ну, конечно, «небесная», ибо и так и в предыдущих стихах: «...в тишине небес».

И тут вновь аллюзия из предвыпускных стихов Кюхельбекеру: «...хранимый тайным небом».

Еще вариант:

Да радует тебя твой добрый гений
Да пр————— в тишине

Вообще-то за смертной чертой гений уже бессилён.

Что же произошло с сюжетом стихотворения?

В академическом собрании это «пр-» расшифровано как «про-несет». Очень смешной глагол, если вспомнить по какой причине Пушкину однажды было «и кюхельбекерно, и тошно»! Но расшифровка неверна по иным соображениям. Вот в тех же обращенных к Кюхле предвыпускных лицейских стихах:

И дни твои полетом сновиденья
Да пролетят в счастливой тишине...

Неужели мертвому можно желать счастья?
Да никакому уже не мертвому. Кюхля воскрес. Пусть и в кандалах. (И это на него также похоже!)
Но желать счастья узнику не принято. И вот:

Да сохранит тебя твой добрый гений
Под бурями и в тишине...

Тоже, кстати, парафраз, но уже из стихов Кюхли к Пушкину (1822 г.):

Когда средь бурь мятежной жизни
В святой мы встретимся отчизне,
Пусть буду узнан я тобой...

Напророчил...
Как и когда им теперь встретиться в этой «святой» отчизне?
Стихов на воскресение друга Пушкин не закончил. Не задались. Да и если б и выдавил их из себя, что писать на конверте? В Петропавловскую крепость, что против Зимнего дворца?

Остались всего две строчки, а в них — рецепт, как Кюхле выжить «под бурями» рока и «в тишине» каземата.

Кюхельбекер любил поэтическое клише «Небесный Гений» (и еще «мой Гений») и не раз его адресовал сам себе. Гений этот — Феб, то есть Аполлон, то есть сама поэзия. (У Жуковского это «гений чистой красоты» и «Дарователь песнопений».) Значит, Пушкин призывает друга в тюрьме заняться любимым делом — стихами.

Кюхля тем и будет спасаться в долгом своем одиночном заключении. Он будто бы услышал совет друга. Уже в тридцатых годах сестры Вильгельма Карловича станут посредницами между двумя поэтами в издании сочинений ссыльного декабриста.

А может, все же стихи на воскресение Кюхли были не только дописаны, но и переданы? Скажет же Кюхельбекер, оплакивая не мнимую, но самую настоящую гибель друга:

Мне ангел песней рай в темнице душевной
Когда-то созидал из снов златых...

И совсем уже по-пушкински:

На небо отлетел твой гений...

Вроде бы не может Вильгельм Карлович знать недописанные стихи, в пушкинском черновике помеченные шифром «КХЛБКР»...

Но почему мы решили, что стихотворение так и не состоялось? Да, мы знаем только черновой набросок, но мало ли пушкинских стихов до нас не дошло? Впрочем, стиховое эхо, как и эхо природное, может быть обманчиво, и на основании одного-единственного сближения никаких выводов делать нельзя.

* * *

...На почтовой станции Залазы они встретились в 1827-м как раз накануне очередной лицейской годовщины. И Пушкин исполнил завет: узнал-таки посреди несвятой отчизны в заросшем бородой арестанте лицейского брата. И кинулся к нему. И они, пока не растащили их жандармы, успели обняться в последний раз.

Кюхле из Залаз — в Динабург.

Пушкину — в Петербург, где через несколько дней он выдохнет самое короткое свое «19 октября»:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море
И в мрачных пропастях земли.

Лицейский директор Е.А.Энгельгарт пришлет эти стихи Пушкину. Как и когда их прочитает другой их адресат — мы не знаем. Но будем считать, что это и есть стихи на воскресение Кюхли.

* * *

...Дальше — только заочные приветы да письма с оказией.

А то, что они были, — можно не сомневаться. Об этом говорит пушкинский портрет Лунина с простецкой стрижкой и казацкими усами (см. вклейку, с. XXIV). Так его нарисует в 1836 году Николай Бестужев, и такие же усы (даже еще длиннее) видим на сибирском автопортрете Лунина, вложенном в письмо к его сестре (см. на вклейке в книге Натана Эйдельмана «Лунин» в серии ЖЗЛ).

В редакционной статье «Литературной газеты» № 3 Дельвига и Пушкина заявлено, что газета была необходима «не столько для публики, сколько для некоторого числа писателей, не могших по разным отношениям являться под своим именем ни в одном из петербургских или московских журналов» (текст Пушкина). У этого пассажа два смысла. Первый в том, что в России нет приличных журналов, и честному человеку стыдно печататься под своим именем. Но Булгарин поймает и второй смысл. И тут же осведомится в «Северной пчеле», что же это, интересно, за литераторы такие?.. Отвечаем: 1830-м Пушкин и Дельвиг печатают Кюхельбекера, Одоевского, иркутские заметки Николая Бестужева. И тоже пытаются передавать приветы в Сибирь. Публикуя в 43 номере (среда, 30 июля; то есть дни пятилетнего «юбилея» кронверкской казни) неподписанный «Арион», Пушкин здесь же обещает напечатать собрание своих эпиграмм. При этом Дельвиг сверстает газетную полосу так, что внизу будет стоять отрывок из «Биографии славного актера Кина», изданной в Париже в роковом для России 1825 году. Эпиграф с державинско-радищевским мотивом: «Смотрите, он и царь, и раб, и монах, и жид, перемените на нем только платье». И если, задумавшись или над этим эпиграфом, или над смыслом «Ариона», читатель отложит газету, ближайшей к нему строкой окажется дата-подсказка: «...1825 г.»*.

* Подробнее этот сюжет см.: Чернов А. «И прорывался в мир...»: Декабристы на страницах пушкинской «Литературной газеты» // Московский комсомолец. 14 декабря 1975.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПОСЛАНИЕ ИЗ СИБИРИ

вновь поединок, и вновь с поэтом

У Сергея Муравьева-Апостола есть написанные по-французски стихи. Приведу их в своем переводе:

Земным путем сойти до срока,
Мечтательно и одиноко,
Неузнанным при свете дня;
Но там, где небо тьмой одето,
В конце пути по вспышке света
Вы опознаете меня.

Сказано не о себе. Но и о себе тоже. В подлиннике: «...в конце моего пути, мир, внезапно озаренный, познает, кого он лишился». (Филолог Нина Аршакуни заметила, что здесь есть и самопророчество: *saпгiège* — путь, но еще и яма, каменоломня, котлован.)

Натан Эйдельман сокрушался, полагая, что Пушкин на свое «Послание в Сибирь» так и не получил ответа Александра Одоевского. Иначе он «хотя бы в замаскированном виде» дал понять, что ответ до него дошел (см. Знание — сила. № 11. 1978).

Отдадим должное интуиции историка.

Именно так Пушкин и поступил.

В сожженной главе «Онегина» рассказ о декабристском заговоре начинался с третьего стиха XII строфы: «Но искра пламени инова...» Это вполне внятно аукается со строкой Одоевского: «Из искры возгорится пламя». (У декабриста существительное «пламя» употреблено здесь дважды, а уже в первом стихе — ссылка на «пламенные звуки» юной пушкинской музыки.)

Оба послания восходят к языковским стихам на смерть Рылеева, написанным в 1826 году: «Не вы ль, убранство наших дней, / Свободы искры огневые...» Но у Языкова «огневые искры», а у Одоевского и Пушкина *искра*, рождающая *пламя*. И поскольку первая строка ответа Одоевского «Струн вещей пламенные звуки...», то вероятность простого совпадения ничтожна.

Исследователи не обратили внимания на эту переключку, ведь текст Десятой главы мы знаем только по разрозненным отрывкам, а в этом фрагменте лишь четыре строки, обрывающихся, как водится, на самом интересном месте:

Россия пристрамила снова,
И пуще царь пошел кутить,
Но искра пламени инова
Уже издавна, может быть...

.

Ясно однако, что речь о предшествовавших заговору речах и стихах, но в первую очередь о ранних стихах самого Пушкина, ведь именно их следователи обнаружат в бумагах многих декабристов.

Подтверждение — донос Фаддея Булгарина, датированный второй половиной 1820-х. Пушкинодомец Сергей Фомичев обратил внимание на одно любопытное место в этом документе. Вспоминая события десятилетней давности, Булгарин информирует:

Сие общество составляли люди, из коих... почти все были... дети членов новиковской мартинистской секты <...> Дух времени истребил мистику, но либерализм цвел во всей красе! Вскоре это общество («Арзамас». — А.Ч.) сообщило свой дух большей части юношества и, покровительствуя Пушкина и других лицейских юношей, раздувало без умысла искры и превратило их в пламень*.

Тот же ряд: Пушкин — стихи-искры — декабристский пламень. Пересказывая Одоевского, Булгарин расшифровывает недоступный начальству смысл и верно вычисляет адресата послания. Перехваченный сокровенный текст, показанный понятно в каком ведомстве, становится поводом к облаченному в форму аналитической записки доносу на Пушкина.

* Цитирую по статье С.А.Фомичева «Десятая глава «Евгения Онегина»: Проблемы реконструктивного анализа» в журнале «Русская литература» (№ 3. 2003. С. 83).

Согласимся с Булгариным: декабризм и впрямь начинался со стихов. Чудесно спасенный Арион стихами ту эпоху и отпел.

В книге «Служенье муз: О лирике Пушкина» (СПб., 2001) С.А.Фомичев высказывает предположение об обратной последовательности посланий Пушкина и Одоевского (основание — противоречия в воспоминаниях декабристов). Исследователь пытается доказать, что стихи «Струн вещей пламенные звуки...» — ответ на пушкинское стихотворение «Мой первый друг, мой друг бесценный...», а «Во глубине сибирских руд...» — ответ Одоевскому:

«Главное заключается в том, что И.И.Пушкин в своих воспоминаниях о Пушкине не разделяет версии, будто бы “Послание” привезла в Читу А.Г.Муравьева...» — пишет С.А.Фомичев.

В том же духе высказывался и М.К.Азадовский (см. его статью «Во глубине сибирских руд» в книге «Страницы истории декабризма. Кн. 2. Иркутск, 1992): «...рассказ М.Н.Волконской и сообщение П.И.Бартенева противоречат рассказу И.И.Пушкина».

Александр ПУШКИН

Александр ОДОЕВСКИЙ

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Струн вещей пламенные звуки
До слуха нашего дошли,
К мечам рванулись наши руки,
И — лишь оковы обрели.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Но будь покоен, бард! — цепями,
Своей судьбой гордимся мы,
И за затворами тюрьмы
В душе смеемся над царями.

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Наш скорбный труд не пропадет,
Из искры возгорится пламя,
И просвещенный наш народ
Сберется под святое знамя.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

Мечи скуем мы из цепей
И пламя вновь зажжем свободы.
Она нагрянет на царей —
И радостно вздохнут народы!

Однако Иван Иванович Пущин сообщает только о том, что 5 января 1828 года в день его приезда в Читу Муравьева передала ему копию стихотворения «Мой первый друг...» Ситуация прозрачна: личное послание Пушкина лично и передано адресату. Это так же естественно, как то, что «Послание узникам» Александра Григорьевна Муравьева почти за год до перевода Пущина в Читу должна была отдать своему мужу Никите Михайловичу.

28 января 1827 года в Читинский острог прибыли декабристы.

Муравьева из Москвы выехала в Сибирь 2 января, была в Иркутске 3 февраля, а 23 февраля появилась в Читинском остроге.

До приезда Пущина еще год, а вот Одоевский прибудет довольно скоро — 30 марта 1827 года.

По воспоминаниям М.Н.Волконской, свое «Послание» Пушкин хотел передать с ней на вечере у Зинаиды Волконской 26 декабря 1826 года. Но Волконская, по ее словам, уехала «в ту же ночь», и Пушкин вручил текст Муравьевой. (На то, что «Послание в Сибирь» привезла именно Муравьева, указывает и В.П.Гаевский.)

Значит, у нас нет оснований датировать «Послание в Сибирь» 1827 годом. Это текст 1826 года, как и указано на трех списках, сохранившихся в бумагах Николая Васильевича Путяты, в то время адъютанта генерал-лейтенанта (а с 1828 г. и министра внутренних дел) А.А.Закревского.

Путяте мы можем довериться: он — один из немногих, кто видел казнь декабристов, и с подробностями, в том числе и топографическими, рассказал о ней Пушкину. А познакомил их в сентябре 1826 года Баратынский (Путята и Баратынский были женаты на родных сестрах). Общались в Москве, в Петербурге, сблизились, поэт читал Путяте новые стихи и даже тут же записывал их на память новому своему приятелю (см.: *Черейский Л.А.* Пушкин и его окружение. Л., 1989. С. 348).

Поскольку мы располагаем свидетельствами первых действующих лиц, нас не должны смущать противоречия в воспоминаниях тех современников, которые сами не были участниками сибирской почтовой цепочки. Ошибки памяти — рутина мемуарного жанра.

Н.В.Басаргин сообщает, что пушкинское послание пришло в Читу не раньше, чем был построен новый острог (осень 1827 г.). Но это означает лишь то, что в новом остроге, где декабристы соединились и смогли общаться каждый день, тема послания обсуждалась. Пушкин

для Басаргина не авторитет: познакомились в Тульчине и виделись в Одессе, но поэт декабристу не понравился. В своих «Записках» Басаргин осуждает Пушкина за «бретерство» и «самодовольство», «желание осмеять, уколоть других». Понятно, почему пушкинское «Послание узникам» не стало для него событием в начале 1827 года.

И если Н.И.Лорер (с Пушкиным лично не знакомый) сообщает, что «Послание» прислано Пушкиным в 1827 году Муравьевой «через неизвестного купца», то верить надо не ему, а Волконской и Муравьевой. И забывчивость декабриста объяснима: с «купцом» декабристы должны были переслать в Москву ответ Одоевского.

Александра Григорьевна умерла в Сибири в 1832 году.

Но в передаче И.Д.Якушкина сохранился ее рассказ: отдав стихи, Пушкин посетовал, мол, «я очень понимаю, почему эти господа не хотели принять меня в свое общество; я не стоил этой чести». Те же слова («я этой чести не стою») припомнит Пушкин, повествуя о своем приезде в Михайловское. Потому мы можем взять их на веру. Как и то, что при прощании с Муравьевой Пушкин «так сжал ее руку, что она не могла продолжать письмо, которое писала» (сочинять такие подробности мог позволить себе Завалишин, но не Якушкин).

Предположение С.А.Фомичева о том, что Одоевский написал ответ на обращенные к Пушкину стихи «Мой первый друг...», вряд ли найдет сторонников. Гимн «лучу лицейских ясных дней» не мог воспламенить Одоевского, ибо мало о чем мог ему сказать. Стихи к Пушкину (13 декабря 1826 г.), — сугубо частное послание*. Тут даже строка «И я судьбу благословил...» (с ударением не на «судьбу», а на «я») — видимо, эхо слов самого Пушкина, брошенных в Михайловском в Татьянин день 1825 года то ли при встрече, то ли уже при прощании. (Что-то вроде: «Пушкин, я должен благословить судьбу за этот подарок!»). Послание Пушкину — все, что угодно, только не «пламенные звуки».

Кроме того, если прав С.А.Фомичев, то мы должны поверить, что Пушкин строфа за строфой копирует интонацию и даже строчки Одоевского. Но это нонсенс. А потому последовательность этих текстов может быть лишь такой, какая принята еще со времен первой их публикации в «Полярной звезде» А.И.Герцена (1856 г.).

* Начальный набросок этих стихов сделан над профилем Пушкина (см. с. 9 наст. изд.). В измененном виде эта строка вошла в стихотворение «На холмах Грузии...»

При обратном порядке диалогическая связь текстов рвется: совершенно непонятно, почему Пушкин оказался столь глух к смыслу стихов Одоевского и стал утешать декабристов («Надежда в мрачном подземелье / Разбудит бодрость и веселье...»), не заметив именно горделивой бодрости и «веселья» стихов Одоевского, сформулированных яснее ясного: «В душе смеемся над царями...»

Но противоречия не будет, если оба послания положить в традиционном порядке... Ты желаешь нам веселья?.. А мы и так веселы, и будить нашу бодрость не надо — ты сам разбудил ее когда-то ранними своими стихами. Заклинаешь, чтобы мы «хранили гордое терпенье»? Зачем? Мы своей судьбой гордимся, как Рылеев гордился цепями («Тюрьма мне в честь, не в укоризну / За дело правое я в ней, / И мне ль стыдиться сих цепей...»). Оставшиеся на воле братья должны вернуть нам меч? Не стоит беспокоиться — наши шпаги преломлены у нас над головами, но мы из наших цепей сами скуем новые мечи и сами, не дожидаясь помощи, зажжем пламя свободы, ибо она внутри нас, а не «у входа», и уж тем более не в Петербурге.

Этой резкой, хотя и вежливой из уважения к прежним пушкинским заслугам полемикой, и можно объяснить, почему пушкинское послание оценили не декабристы (они весьма скупы и редко вспоминают о нем), а декабристки — Волконская и Муравьева.

М.К.Азадовский разыскал в ЦГАОРе упрек Пушкину, сделанный уже на старости лет декабристом М.И.Муравьевым-Апостолом: «Послание Пушкина обращено к его лицейским товарищам, еще бы он забыл их тогда? Пушкин воспел Занда; о наших святых мучениках нигде ни слова...» Исследователь резюмирует: «Смысл упоминания М.И.Муравьева-Апостола о Пушкине сводится к тому, что поэт не выполнил своего долга по отношению к декабристам».

Вслед за А.Е.Розеном Азадовский склонен датировать стихи 1828 годом, считая их стихами к очередной лицейской годовщине.

Разный взгляд — разные мерки. Прочитанные в Петербурге или Москве пушкинские стихи были бы потрясением основ и крамолой. А вот в «каторжных норах» они звучат слишком смиренно, вызывая, кажется, даже некоторую неловкость за поэта. Потому Одоевский и напоминает, что декабризм начинался со стихов самого Пушкина. (Якушкин писал, что в начале 1820-х «не было сколько-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть».)

Те «пламенные звуки», а не «Послание в Сибирь» и тем более не «Мой первый друг...» когда-то дошли до слуха молодых офицеров. И их руки рванулись к мечам... Так понял первую строфу Одоевского сам Пушкин. А поняв, что политические каторжники видят в нем не только Бояна, но и начального своего вдохновителя, принимает это как исторический факт и в Десятой главе вторит декабристу: «Но искра пламени иного / Уже издавна, может быть...» И сам ставит себя в их ряд: «Читал свои Ноэли Пушкин...»

Прочсть «Во глубине сибирских руд» Одоевский мог лишь после 30 марта. Если ответ был написан тут же (а на подобные послания отвечают или сразу, или никогда) и ушел с оказией в первой половине апреля, Пушкин мог получить его еще в Москве.

Но всяко выходит, что созданный уже в Петербурге «Арион» (16 июля 1827 г.) — ответ Одоевскому. Пушкин согласился с Одоевским и признал свою роль в декабристском движении: да, он был их Арионом. А на упрек в ренегатстве возразил одним стихом: «Я гимны прежние пою...» При этом в «Послании в Сибирь» Пушкин уповает не на революцию (так принято было считать в советское время, исходя из концепции Пушкин — декабрист), а на прощенье декабристов и реализацию их социальных программ, без которых просто невозможны реформы, наконец, на силу «любви и дружества». И потому нет никакого противоречия между «Посланием в Сибирь» и «Стансами» («В надежде славы и добра...»). Здесь и там речь о будущей свободной и просвещенной России, речь о реабилитации тех идей, за которые декабристы пошли в Сибирь.

У них не получилось. Но, как полагает поэт в конце 1826 и начале 1827 годов, их реформы придется проводить царю.

Одоевский спорит с Пушкиным. Ему представляется, что не царское прощение (после которого братья вернут братьям «мечи», то есть их шпаги), а народная революция и восстание самих узников («мечи скуем мы из цепей») смогут освободить Россию.

Время рассудило. Оба оказались неправы. И правы.

Николай I отказался от реформ и привел страну к катастрофе Крымской кампании. Декабристов (не всех, а выживших) освободили не их братья, но воспитанный Жуковским Александр II.

Революция, которой грезил Одоевский, опоздала на столетье и известно чем обернулась.

ГЛАВА ПЯТАЯ

СОЖЖЕННАЯ ПЕСНЬ «ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»

опыт реконструкции формы

КОММЕНТАРИЙ ОТ МИСТИФИКАТОРА

Предлагаемый читателю текст сожженной главы «Евгения Онегина» обнаружен нами в тайнике одного из петербургских особняков (так называемом «Доме Лукини») в 1980 году.

Начальная его расшифровка была опубликована в первой книжке журнала «Знамя» за 1987 год. Предисловие к этой публикации написал Давид Самойлов. Следующий, несколько уточненный вариант главы, появился в одном из номеров полуподпольной демократической газеты «Невский курьер» (Ленинград, 19 марта 1990 г.). Третий, существенно отличающийся от предыдущих, издан уже в Петербурге (№ 4 журнала «Русская виза», осень 1994 г.). Четвертый — в московской «Новой газете» (№ 22) летом 1998 года. Пятая (я наивно полагал, что окончательная) редакция вышла отдельной книжкой в Иркутске в 1999 году.

Строки и слова, выделенные полужирным шрифтом, дошли в виде пушкинского шифра или в черновых записях и известны российскому читателю уже около века. Курсивом выделены стихи, заимствованные из других стихотворных произведений Пушкина.

Седьмой и восьмой стихи IV строфы прочтены по моей просьбе Давидом Самойловым, пятый и шестой стихи V строфы — Александром Анно, а седьмой стих XI строфы — Олегом Хлебниковым. Седьмой стих X строфы «Ты, А. холоп» традиционно расшифровывается «Ты, Александровский холоп», но если речь здесь о народе, то, очевидно, читать надо «Ты, Аракчеевский холоп». Четвертый стих XIII строфы был угадан историком Д.Н.Альшицем еще в середине XX века. В строфе XVI третье слово десятого стиха и первое слово тринадцатого стиха разобраны по ранее известному черновику Пушкина.

Еще справка: «Дом Лукини» — Институт русской литературы РАН (Пушкинский Дом). Тайник в нем — комната-сейф, бывшая золотая кладовая таможни, для которой архитектор И.Ф.Лукини в пушкинское еще время и возвел это здание на Малой Неве у стрелки Васильевского острова. Здесь до недавнего времени хранились пушкинские рукописи (теперь они переведены в отдельный флигель во дворе Пушкинского Дома).

В этой комнате в советское время рифмы сами лезли на ум.

...Таким могло быть предисловие, если б мы поставили себе целью изготовить подделку, или, как говорили в позапрошлом веке, — пастиш X главы «Евгения Онегина».

ДЕСЯТАЯ ПЕСНЬ

I

**Властитель слабый и лукавый,
Плешивый щеголь, враг труда,
Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.**

*К противочувствию привычен,
А разуменьем ограничен,
Лозой отеческой крещен
И барабаном просвещен, —
Он как противник изуверства
Смягчил старинный произвол
И перестройку произвел:
Ввел эполеты, министерства,
Тьму комитетов учредил,
А фран-масонов запретил.*

II

**Его мы очень смирным знали,
Когда не наши повара
Орла двуглавого щипали
У Государева шатра,**

И чашу бранного позора
При окропленьи договора
Царь на глазах Европы всей
Пил за своих учителей.
Бесчестья мутная година,
Бессильной злости пелена —
Тильзит! — тобой затенена
Громов Полтавских годовщина.
Ужель француз неуязвим,
И мы спасуем перед ним?

III

Гроза Двенадцатого года
Настала. Кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима, иль Русский бог?
Ревнивый ропот ополченья
(Пример общественного мнения)?
Моления монастырей?
Пожар Москвы? Еппи* степей?
Иль неуступчивый Кутузов,
Стерпевший при Бородине,
Чтоб наконец к Березине
По-свойски проводить французов,
Хотя казалось им — вот-вот
Колосс качнувшийся падет.

IV

Но Бог помог. Стал ропот ниже.
И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
А русский царь — главой царей.
И что ж? Мятёжная столица
Не почернела, как вдовица.

* Тоска (фр.)

Не сокрушили алтари
Российские богатыри.
Обозов не обременяя,
Чредою триумфальных врат
Несли натруженный булат,
Освобождение предвкушая,
И милость царскую потом
Заели барским пирогом.

V

И чем жирнее, тем тяжеле.
О русский глупый наш народ,
Скажи, зачем ты в самом деле
И впрямь свободен без свобод?²
Где были русские палатки, —
Там будут русские порядки,
Куда ж влачишь ты свой ярем
От бунта к бунту? И зачем?²
Ответь, каким еще кумирам
Незнаемым — под плеть и нож
Приплод обильный принесешь?²
Что движет православным миром,
Вертя несмазанную ось?²
И точно эхо донеслось:

VI

Авось!.. О Шиболет народный,
Тебе б я оду посвятил,
Но стихоплет великородный
Меня уже предупредил.
Вернулась Франция к Бурбону;
Моря достались Албиону,
Свобода — ляху. Ну а нам —
Восторг провинциальных дам
Да дидактические оды.
Авось, когда-нибудь потом

Вослед иным и мы войдем
Под свод пленительной свободы,
И просвещения венец
На нас натянут наконец.

VII

**Авось, аренды забывая,
Ханжа запретя в монастырь;
Авось, по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь**
Кого по случаю представят;
Авось, дороги нам исправят;
Авось, цензуре надоест
Охота к перемене мест;
Авось, раба возлюбит барин;
Авось, газетный патриот
Сам за собою подотрет;
Булгарин будет невульгарен...
Авось, — про то слышали вы —
Не тронет матушки-Москвы

VIII

**Сей муж судьбы, сей странник бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей всадник, Папою венчаный,
Исчезнувший, как тень зари.**
**Измучен казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,**
Встречая пенные валы
Рукоплесканий и хулы,
Наперсник Марса, а не Феба,
Угас, прикованный к скале,
Как тот, кто даровал земле
Огонь, похищенный у неба.
Времен минувших Робинзон,
Он слушал гул иных времен.

IX

Тряслися грозно Пиреней,
Волкан Неаполя пылал,
Безрукий князь друзьям Морей
Из Кишинева уж мигал.
Бурбон сменил обивку трона.
Кинжал Лувеля, тень Бертон,
Кортесов каверзных картечь —
Могли бы нас и остеречь...

.
.
.
.
.
.

X

— **Я всех уйму с моим народом! —**
Наш царь в Конгрессе говорил,
Но был обижен мимоходом
И восвояси укатил.
Дивись, народ! Монарх кочует,
А про тебя и в ус не дует.
Ты, Аракчеевский холоп,
Стал попечителем Европ.
В Литве, Эстляндии и Польше
Ты чуткий страж чужих свобод,
Законодатель зимних мод...
А зимы русские все дольше.
Уймешь Варшаву и Париж,
Но Царство Божие проспишь.

XI

Потешный полк Петра Титана,
Дружина старых усачей,

**Предавших некогда тирана
Свирепой шайке палачей,
Жестокосердного паяца
Изгнав с Семеновского плаца,
Не погуляли от души —
Вложили в ножны палаши.
В молчании за ротой рта
Они отхлынувшей волной
Сошли, и сами за собой
Прикрыли скорбные ворота.
И приказали запирасть.
Своих Бастилий нам не брать.**

XII

**Россия присмирела снова,
И пуще царь пошел кутить,
Но искра пламени инова
Уже издавна, может быть,
Под пеплом вольности роптала,
Воображенье распаляла,
Выстреливая угольком —
То каламбуром, то стихом.
Заря гражданского пожара
Всходила с запада не вдруг:
Тиран забыл про свой испуг,
Гонимых публицистов пара
В срок растолкала школяра,
Тот — воина... Et cetera.**

XIII

**У них свои бывали сходки.
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки
Судили труд Карамзина
С патриотических позиций.
Славянский Брут румянолицый
Залог спасения страны**

Искал в преданьях старины.
И находя немало смысла
В устройстве древнем, вечевом,
Он славил Новгород, а в нем
Не Рюрика, но Гостомысла.
А боле прочих был любим
Поборник вольности Вадим.

XIV

**Витийством резким знамениты
Сбирались члены сей семьи
У беспокойного Никиты,
У осторожного Ильи.**
И в рассуждении свободном
Об управлении народном
Они ценили выше слов
Резон отточенных штыков,
Но Робеспьерово наследство
Их не смущало — потому,
Что просвещенному уму
Дано ж избрать и цель, и средство...
И русских правд неверный рой
Уже кружился над Невой.

XV

**Друг Марса, Вакха и Венеры,
Им дерзко Лунин предлагал
Свои решительные меры
И вдохновенно бормотал.**
Читал свои Ноэли Пушкин.
Меланхолический Якушкин,
Казалось, молча обнажал
Цареубийственный кинжал.
Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал,
И цепи рабства ненавидя,

**Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.**

XVI

**Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель медлил, выжидая,
И рать Раевский набирал,
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
Напором дерзости и сил
Минуто вспышки торопил.**

XVII

**Сначала эти заговоры
Между Лафитом и Клико
Лишь были дружеские споры,
И не входила глубоко
В сердца мятежная наука.
Все это было только скука,
Безделье молодых умов,
Забавы взрослых шалунов.
Но рок над ветряной Украиной,
Казалось, в пику шалунам
Уже вязал узлы к узлам,
И постепенно сетью тайной
Мятеж Россию оплетал.
Наш царь дремал...**

*1829(?)–1830;
1980–2007*

ПАРАДОКСЫ «СЛАВНОЙ ХРОНИКИ»

В конце тысячелетия мистифицировать читателя было и скучно, и глупо. И, значит, теперь надо рассказать, как появилась эта странная (для меня самого) и кощунственная (как оказалось после — для многих) идея реконструкции не дотла сожженной Десятой главы «Евгения Онегина». Но сначала — о пушкинской рукописи.

Вопрос, зачем потребовалось шифровать текст и сжигать его беловик, первым поставил С.А.Фомичев. (Произошло это только в 2003 г.) И сам же на него убедительно ответил. Десятая глава писалась в окруженном холерными карантинами Болдине, а по опыту кавказской поездки Пушкин знал, что почту у господ проезжающих в таких случаях изымают, прокалывают и обкуривают (значит, могут вскрыть и в целях профилактики прочитать).

Болдинские рукописи не проколоты, а следовательно, и не обкурены. Но поэт предпочел перестраховаться — накормить тайными листами деревенский камин, а неудобочитаемую шифровку спрятать среди черновиков.

О Десятой главе мы знаем и много, и мало.

Декабрист М.В.Юзефович вспоминал, что в 1829 году Пушкин на Кавказе в походной палатке «...объяснял нам довольно подробно все, что входило в первоначальный замысел, по которому, между прочим, Онегин должен был или погибнуть на Кавказе, или попасть в число декабристов».

Понятно, что речь шла об уже оставленном замысле. (Потому-то декабрист и называет его «первоначальным».)

19 декабря 1830 года Вяземский помечает в дневнике:

Третьего дня был у нас Пушкин. Он много написал в деревне: привел в порядок и 9 главу Онегина. Ею и кончает; из 10-й предполагаемой, читал мне строфы о 1812 годе и следующих. Славная хроника... У вдохновенного Никиты, У осторожного Ильи...

«Третьего дня» — это через день после пятой годовщины восстания на Сенатской. Осторожность дневниковой записи Вяземского выдает пишущего: у Пушкина полоса политических неприятностей, не хватает, чтобы до правительства дошло *это*.

Еще мы знаем несколько фраз Александра Ивановича Тургенева, брошенных им вместе с шестью стихами из «славной хроники»

в письме к брату Николаю Ивановичу. Письмо шло из Мюнхена в Лондон, так что перлюстрации вроде бы можно было и не бояться. (И все же, как мы увидим, по русской привычке осторожничали впрок.) Прибавим сюда лаконичную помету («19 окт<ября> сожж<ена> X песнь») в датированной 20 октября 1830 года рукописи «Метели» и другую («в X песнь») на полях черновика «Путешествия Онегина» против стихов:

Уж он Европу ненавидит
С ее политикой сухой —

и обратим внимание на пропущенную исследователями маргиналию в белой рукописи Четвертой главы. Под XLVI строфой читаем: «Смотр. X». (Конец Четвертой главы писался как раз в конце рокового 1825 и в первых числах января 1826-го.)

До нас дошли три черновых, не отделанных строфы (по ныне принятой нумерации XV—XVII, писанные на бумаге болдинского периода) да зашифрованный лист с шестьюдесятью тремя стихами. (Он вместе с другими пушкинскими бумагами был пожертвован в Академию наук вдовой Л.Н.Майкова в 1904 г.) Ключом к порядку этих, казалось бы, бессвязных стихов стали симметрично расположенные на листе строки с вольной самоцитатой из стихотворения «Герой», написанного в Москве 29 сентября того же 1830 года. В «Герое» эти строки звучат так:

Все он, все он — пришлец сей бранный,
Пред кем унизились цари,
Сей ратник, вольностью венчанный,
Исчезнувший, как тень зари.

И еще одна (чуть измененная) строка из этих стихов попала в онегинский текст: «Измучен казнию покоя». В «Герое»:

...Не там, где на скалу свою
Сев, мучим казнию покоя,
Осмеян прозвищем героя,
Он угасает недвижим,
Плащом закрывшись боевым...

Авось, аренды забывая,
Ханжа запретя в монастырь;
Авось, по манью Николая
Семействам возвратит Сибирь...
.
Авось, дороги нам исправят...

Восстановим последовательность пушкинской шифровки.

Шифровка и дешифровка — вещи *прямо обратные*. Авторы, писавшие о расшифровке Десятой главы, как правило, сообщали, как надо пользоваться этим шифром. Но даже когда под руками есть факсимильное воспроизведение, разобраться в этом не так-то просто. Вот как выглядит инструкция по пользованию онегинским шифром под пером Юрия Михайловича Лотмана (*Лотман Ю.М.* Роман А.С.Пушкина «Евгений Онегин» / *Александр Пушкин.* «Евгений Онегин». СПб., 2002. С. 607):

Но все как раз наоборот: брать надо сначала верхний стих из правого столбца, потом верхний стих из его продолжения (ниже

проведенной поэтом горизонтальной черты). Увы, непосредственно с пушкинскими рукописями Лотман не работал, а пересказ чужих слов всегда чреват неточностями.

После открытия П.О.Морозова (1910 г.) нам, впрочем, не столь важно, как этот лист расшифровывается. Но важно, как он шифровался. Оказывается, что, исходя из текстологических особенностей и графики шифрованного текста, мы можем это проследить. Как ни странно, но такая работа не была сделана, что и породило ряд текстологически неоправданных гипотез.

Шифруя, поэт начал с верха правой страницы и последовательно выписал в столбик все первые стихи шестнадцати строф «славной хроники». Сделаем то же самое, предварительно пронумеровав строки (в данном случае римская цифра будет обозначать номер строфы, арабская — номер стиха):

I-1	Вл. слабый и лукавый
II-1	Его мы очень смирен знали
III-1	Гроза 12 года
IV-1	Но бог помог — стал ропот ниже
V-1	И чем жирнее тем тяжеле
VI-1	Авось, о Шиболет народный
VII-1	Авось аренды забывая
VIII-1	Сей муж судьбы, сей странник бранный
IX-1	Тряслися грозно Пиринеи —
X-1	Я всех уйму с моим народом
XI-1	Потешный полк Петра Титана
XII-1	РР— снова присм—
XIII-1	У них свои бывали сходки
XIV-1	Витийством резким знамениты
XV-1	Друг Марса, Вакха и Венеры
XVI-1	Так было над Невою льдистой

Пушкин пишет крупно и размашисто. Он торопится, и потому мысль обгоняет перо. Вместо последней строки начинает было писать: «Но т...» Спыхватывается. Зачеркивает, ибо «Но там где ранее весна» — это уже второй стих шестнадцатой строфы. Просматривает список и обнаруживает ошибку в строке XII-1 (надо не «снова присмирела», а «присмирела снова»). Над словом «снова»

поэт ставит цифру «2» (то есть «Р. присмирела снова») и машинально дублирует первую букву слова Р<оссия>. Получается:

2
РР— снова присм—*

Чем-то ему не угодил стих XIII-1. Зачеркнул слова «свои бывали». (Видимо, потому что здесь «свои» — род ритмической за- тычки, и строка получается несколько аморфной**.)

Подытожил список горизонтальной чертой.

Но оказалось, что шестнадцать строк заняли сверху вниз три четверти страницы. Поэт начнет писать почти бисерным почерком ниже черты, но уместятся лишь девять строк:

I-2	Плешивый щеголь враг труда
II-2	Когда ненаши повара
III-2	Наст— ктотут нам помог?
IV-2	Искоро сило вещей
V-2	ОР глуп наш на—
VI-2	Тебеб яду посвятил
VII-2	Ханжа запретс в монастырь
VIII-2	Пред кем унизились Э
IX-2	Волкан Неапол— пылал

Тут Пушкину придется повернуть лист боком и перейти на поля. Писать он будет в две колонки.

В левой читаем:

X-2	Наш Э в конгр говорил
XI-2	Дружина старых усачей
XII-2	И пуще Э пошел кутить
XIII-2	Они за чашею вина

* Это ошибкой продублированное при правке строки «Р» читают: «Ребята», «Народы» (от английского People), «Роб Рои», «Эр-Эры» (т. е. «Русские Рыцари»), «Масоны» (т. е. каменщики от французского «riège» — камень).

** Заметим, что в данном случае перед нами уникальное в пушкинской практике зачеркивание — не одной горизонтальной чертой, а восемью вертикальными штрихами (что позволяет прочесть зачеркнутую строку и при этом совпадает с числом слогов в строке четырехстопного ямба с мужской клаузулой).

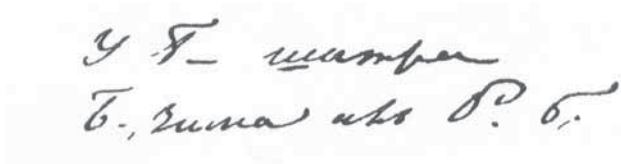
В правой:

- XIV-2 Сбирались члены сей семьи
 XV-2 Тут Л. дерзко предлагал
 XVI-2 Но там где ране весна

Пушкин переходит на левую страницу. Начал с левой колонки:

- I-3 Нечаянно пригретый славой
 II-3 Орла двуглавого щипали
 III-3 Остервенение народа
 IV-3 Мы очутились в П—
 V-3 Скажи за чем ты в самдел
 VI-3 Но стихоплет Великородный
 VII-3 Авось по манью —
 VIII-3 Сей всадник Папо— венчанн—
 IX-3 Безруки К. друзьям Мореи
 X-? А про тебя ив ус недует
 XI-3 Предавших некогда —
 XII-3 Но искра пламе— инова
 XIII-3 Они за рюмкой русской водки
 XIV-3 У беспокойного Никиты
 XV-3 Свои решительные меры
 XVI-3 Блестит над К. тенистой
 I-4 Над нами Э—вал тогда
 II-4 У Г— шатра*
 III-4 Б., зима иль Р. Б.
 IV-4 А Р. Э. главой Э.
 V-4 *стих пропущен, но интервала нет*
 VI-4 Меня уже предупредил
 VII-4 Семействам возвратит С
 VIII-4 Исчезнувший как тень зари
 IX-4 Из К. уж мигал
 X-? Ты А. холоп
 XI-4 Свирепой шайке палаче—
 XII-4 Уже издавна может быть

* В шифре: «У Г— шатра» («У Государева...»), а принято чтение «У Б— шатра» («У Бонапартова...»). С.А.Фомичев показал, что это ошибка.

Стихи «У Г— шатра» и «Б., зима иль Р. Б.»

Во всем этом столбце межстрочные интервалы на удивление равны. Это говорит о том, что Пушкин вслед за третьими тут же стал выписывать четвертые стихи всех шестнадцати строф.

На месте стихов X-3 и X-4 записаны стихи X-6 и X-7. Ошибка позволяет увидеть, как именно Пушкин составлял свой шифр. Набоков прав: Пушкин шифровал по памяти. Разве что первые шестнадцать начальных стихов каждой строфы он выписал из беловика (иначе надо было проборматывать каждую строфу целиком).

Если б он сверялся с беловиком, то не начал бы выписывать вместо первого стиха XVI строфы второй, не пропустил бы четвертый стих V строфы и, главное, не продублировал бы собственную ошибку в шифре X строфы. При повторном обращении к рукописи эти погрешности тут же бы обнаружились. Очевидно, что поэт работал «из головы», сверяясь только с самим шифром: он прочитывал стих в верхней части колонки и по памяти записывал в нижнюю часть следующий за ним. Потому-то однажды заменив X-3 на X-6, он должен был и вместо X-4 записать X-7.

Четвертые стихи строф XIII—XVI Пушкин пропустил. Перейдя в правую колонку той же страницы и внес еще четыре стиха:

VI-6 (5?)	Моря достались Албиону
VII-6 (5?)	Авось дороги нам испр.
VIII-5 (6?)	Измучен казнию покоя
IX-6 (5?)	Кинжал Л тень Б

Считается, что дошел только первый лист шифра, а два (или даже три) последующих пошли в клетку к попугаям, ибо пушкинские наследники не понимали, зачем надо хранить всю эту галиматью из разрозненных и явно бессмысленных строк. Но второго и третьего листа не было (иначе ведь поэт должен был дописать четыре недостающих четвертых стиха четырех последних строф).

А он выписывает в новый столбец шестые (или, как предположил С.А.Фомичев, пятые) стихи VI–IX строф.

Это означает, что система порушена самим шифровальщиком. И дальше шифровать уже невозможно. Поэт устал заниматься криптографией, делом для него явно не творческим.

Он понадеялся на собственную память. И, кажется, не ошибся: во всяком случае Вяземский, Тургенев, Катенин и, надо полагать, Жуковский «славную хронику» все-таки услышали.

Согнутый пополам лист толстой желтоватой бумаги, на обороте которого отпечатались чернила от другого, некогда положенного под него, но утраченного, не давал покоя историку Натану Эйдельману: «Ну ведь читают же криминалисты по одним лишь продавам на бумаге!»

Увы, бумага пушкинского времени груба и толста, а гусиное перо слишком нежный инструмент. Но, как я понимаю сегодня, если мы когда-то по продавам или зеркальному оттиску и прочитаем тот лист, который был подложен под лист с онегинским шифром, текст Десятой главы мы здесь вряд ли обнаружим. Впрочем, об этом позже.

* * *

Валентин Берестов заметил, что «свободный роман» начинается и заканчивается одним и тем же словом: «Мой дядя...» — «...как я с Онегиным моим». Подобным образом окольцована и Десятая глава. Она начинается и заканчивается Александром I. И последняя строчка отсылает нас к четырем первым: «Наш царь дремал...» — «Властитель слабый и лукавый <...> над нами царствовал тогда...» Личное сменилось общественным, и в обратной перспективе Десятой главы местоимение первого лица, поменяв число, стало множественным.

Если поверить свидетельству Вяземского, то в декабре 1830 года (то есть уже после зашифровки текста и сожжения беловика) Десятая глава состояла лишь из «славной хроники», из которой мы знаем фрагментами шестнадцать строф и лишь одну целиком. Семнадцать строф — это сопоставимо с опубликованными Пушкиным «Отрывками из путешествия Онегина» (там лишь на две строфы больше).

В сожженной главе не могло быть ни Онегина, ни Татьяны.

Роман своих героев Пушкин дописал до точки их отношений. Да и сюжет исчерпан, хотя автор-повествователь, лукавый двойник

поэта, будет убеждать публику, что Пушкин расстался с главным героем неожиданно, «вдруг».

Один из лучших русских читателей проницательно подметил, что произошло:

С колен поднимется Евгений,
Но удаляется поэт...

Удаляется не Татьяна, а сам Пушкин. С Татьяной поэт как раз и забывает проститься, словно хочет оставить себе возможность написать когда-нибудь роман-продолжение, который назовет, ну, к примеру, «Татьяна Ларина». Но, увы, мы невнимательны, а потому не слышим, что несчастного своего главного героя поэт оставляет «навсегда».

Мы просто оказались не готовы к такому повороту сюжета. Вслед за Татьяной мы успели полюбить Онегина (поневоле разделяя ее, а не его страдания).

Впрочем, есть и иная причина:

...И все же слух не может сразу
Расстаться с музыкой, рассказу
Дать замереть...

До Владимира Набокова только Лев Толстой, стихов не жаловавший, столь же внимательно прочитал «Онегина». И когда он станет извлекать из «Войны и мира» философские свои отступления и переносить их в конец эпопеи, то будет следовать канону онегинской композиции.

Отказавшись от замысла завершить роман «славной хроникой», Пушкин вынужден был отказаться от деления романа на три части, включавших в себя по первоначальному плану девять полноценных глав (плюс X главу).

Уничтожив Десятую главу, поэт «по причинам важным для себя, а не для публики», должен будет изъять из романа Восьмую главу, а восьмой сделать девятой.

Что же это за «важные причины»? И в чем логика столь хитрых изъятий и перестановок?

Чтобы ответить, достаточно лишь взглянуть на то, чем же на самом деле заканчивается «свободный роман». А заканчивается он

не последним (и уже окончательным) расставанием героев, не появлением мужа-генерала и даже не прощанием поэта с Евгением. Заканчивается — идущими после авторских примечаний «Отрывками из путешествия Онегина». Они-то и заняли место той рамы к живописному полотну романа, на роль которой Пушкин сначала определял «славную хронику».

Подчеркнем: поэт изъял из романа Десятую главу по сугубо цензурным соображениям.

Он сжег беловую рукопись, но вовсе не собирался уничтожать сам текст «славной хроники». (Доказательство — листок с шифром Десятой главы, и то, что, как установил С.М.Бонди, Пушкин продолжал править уже написанные строфы «славной хроники» и в середине 1830-х.)

Поэту необходим был некий исторический фон, на котором развивался бы онегинский сюжет.

Таков авторский замысел.

Когда стало ясно, что напечатать Десятую главу не удастся, он, пожертвовав ею, демонтировал и восьмую, чтобы изъять из нее необходимые для обрамления свободного романа отрывки со скитаниями Онегина по России.

География Десятой главы расширяла географию «Онегина» до мировой — остров Святой Елены, Аустерлиц, Тильзит, Париж, Испания, Италия, Греция, Петербург, Украина...

Не получилось.

И *невыездной* Пушкин строит другой, уже сугубо российский ряд: Нижний Новгород, Астрахань, Кавказ, Таврида, Одесса...

В границах географического треугольника Питер — деревня — Москва ему тесно и душно. Ему, как и Онегину, нужна ну хотя бы вся Россия.

И что бы ни говорил Пушкин на Кавказе ссыльным декабристам, в Восьмой главе действие происходит уже после декабрьского восстания. Это сумел показать смоленский литературовед Вадим Баевский; см. его примечания к комментарию Ю.М.Лотмана по изданию «Евгения Онегина», выпущенному петербургским издательством «Вита Нова» в 2002 г.

Иначе, к примеру, Татьяна Ларина не могла бы беседовать на балу с испанским послом (дипломатические отношения с Испанией были установлены после 1825 года).

Как ни грустно, но Татьяна — жена николаевского генерала. И как ни горько (но, впрочем, вполне закономерно), Онегин свою Сенатскую прогулял.

Но если роман дописан до точки самим Пушкиным, зачем же нам понадобилось его досочинять? Ведь все попытки что-то дописать за Пушкина (Майков, Брюсов, Ходасевич, Набоков) оказались лишь добротным чистописанием, и, может быть, лучшее, что есть, скажем, в набоковском продолжении «Русалки», — заключительная ремарка: «Пушкин пожимает плечами».

Да затем, что версификация — такой же метод текстологического исследования, как и любой другой. И еще затем, что стихотворец конца XX века уже знает то, что Пушкин только угадывает.

Значит, если не ставить задачей изваять тупую стилизацию и отказать от еще более тупой попытки угадать, а что же такого тут мог нарифмовать Пушкин, можно не алгеброй, но самой историей поверить пушкинскую мысль.

* * *

В конце 70-х со стихотворцем П. и мэтрствующей поэтессой М. мы возвращались с окраины Москвы, где навещали лежавшего в больнице поэта Аркадия Акимовича Штейнберга. Заговорили о пушкинской легкости, и бес меня попутал в тесноте наемного «москвича» предложить поэтессе игру: а сможете продолжить три пушкинских строки четвертой?

У них свои бывали сходки.
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки
та-та-та-та-та-та-на...

Что?.. Какое-нибудь «Засиживались до темна?..» Гадость... Беседовали вполпьяна?.. Еще хуже...

(В те годы я не знал крепкого, но одновременно и плоского набоковского варианта: «Освобождали племена».)

Поэтесса задумалась.

А когда пауза в салоне стала затягиваться, цветаевская челка взметнулась над ахматовским профилем, и почти шалашинский бас оглушил пассажиров полночного левака:

— Вы не поэт!.. И никогда им не станете! Только непоэт может ставить такие вопросы!..

Откуда мне было знать, что недостающую в этом четверостишии строку еще в конце сороковых нашел ленинградский историк Даниил Натанович Альшиц. В лагере на основе фрагментов «славной хроники» он сочинил собственное произведение и пустил слух, что его посадили за открытие пушкинского текста.

Подделка Альшица была неподражаема:

Пылал Каховский ярче лавы,
Одним желанием горя,
Своей рукой забить царя...

Впрочем, маститый советский литературовед Т. на том основании, что «забить можно только скотину», находил эти строки по-пушкински гениальными.

А вот что в демьянобедрновском духе сообщал мистификатор о Наполеоне:

Чинов британских сворой гадкой
Он схвачен был бульдожьей хваткой
И похоронен был живьем
На душном острове своем.

В лагере мистификатору поверили, потому что его произведение, не неся ни гранулы крамолы, говорило языком времени. Видимо, крамольным было уже то, что у канонического, пусть и изодранного в клочья текста, может быть хоть какое-то развитие.

В середине пятидесятых зеки — бывшие библиотекари да инженеры — вынесли Десятую главу на волю. А после один минский профессор ее украл и напечатал как свое открытие сохраненного народом шедевра. Мол, народ и запомнил сожженный текст.

На вопрос: «Какой народ?» профессор запросто отвечал: «Весь. Вот хотя бы мои студенты».

Но одну строку, ту, которую я столь опрометчиво загадывал поэтессе М., Пушкин, снизойдя, все же кинул с небес лукавому стихотворцу:

У них свои бывали сходки.
Они за чашею вина,
Они за рюмкой русской водки
Судили труд Карамзина...

Как историк (отменный специалист по смутному времени) мистификатор знал о полемике в декабристских кружках по поводу карамзинской «Истории государства Российского». («Русские завтраки» Рылеева под водку и капустку из Батова вошли в моду несколько позже.) И потому угадал рифму. На все остальное в стихе оставалось лишь четыре слога, которыми мистификатор распорядился весьма рачительно: «Судили труд...»

По своему опыту я знаю, как пушкинский текст отторгает трансплантированный орган: ночью кажется, что нашел строку («...ай да сукин сын!»), а утром, едва продрав глаза, видишь — ну да, действительно сукин... То, что в момент находки казалось шедевром, за ночь скукожилось и распалось.

Но когда удастся обнаружить иной смысл у вроде бы прозрачной строки, вспышка на миг и освещает ближайшие окрестности текста.

...Иду с электрички на дачу и пытаюсь продолжить два стиха из той же Десятой главы. Только вот стихи-то какие-то непушкинские, или, как в таких случаях говорил Маршак, «с немецким акцентом»:

— Я всех уйму с моим народом! —
Наш царь в конгрессе говорил...

Громко читаю сам себе. Очень плохие стихи...

Читаю еще громче. (Я же в лесу один!) И когда перехожу на крик, вдруг понимаю, что строка-то не только русская, но и матерная: «Я все-х уй-му...» Продолжение и придумывать не надо, оно лезет само: «И на Европу мимоходом / Лорнет ревнивый навел...» И долго буду радоваться этой пустяшной находке, пока вслед за Ю.М.Лотманом* не пойму, что в данном случае речь идет о конгрессе Священного Союза в Троппау, на котором Россия,

* Лотман Ю. М., Лотман Мих. Ю. Вокруг Десятой главы «Евгения Онегина» // Пушкин: Исследования и материалы. Л., 1986. Т. 12. С. 124–151.

Австрия и Пруссия постановили давить революции в из зародыше, и где в ноябре 1820 года Александр I, утверждавший, что в России все было и будет спокойно, услышал от Меттерниха о восстании Семеновского полка. Что ж, таков «русский стиль» наших правителей. Вспомним хотя бы хрестоматийное ленинское «говно!» или хрущевскую «кузькину мать» (вкупе с гуляющим по трибуне ООН генсековским полуботинком).

* * *

Загадки Десятой главы начинаются с первого ее стиха:

Вл. слабый и лукавый...

Поскольку «властелин» не укладывается в ритмический рисунок ямба, обычно читают «властитель». Владимир Набоков, сетовавший на эвфоническую несовершенство такого чтения, вслед за Н.Л.Бродским (но без ссылки на оного) предположил читать «владыка». Эту версию поддержал и С.А.Фомичев.

Однако в «Словаре языка А.С.Пушкина» можно найти несколько примеров, подтверждающих чтение «владыка», но еще больше традиционное чтение «властитель». И даже не в том дело, что пушкинская эвфония первых двух стихов как раз голосует за «властителя»: «властитель **Л** слабый и лукавый, / плЕшивый щего**Л**, враг труда...», но в том, что «слабый владыка» — просто унылая констатация, а «слабый властитель» — веселый парадокс. (Как, скажем, «несамостоятельный самодержец».)

А вот другой пример новейшего чтения: С.А.Фомичев предлагает вместо прочитанных П.О.Морозовым строк «А про тебя и в ус не дует, / Ты, А. холоп...» читать «А кто тебе и в ус не дует...», поскольку «идеоматическое выражение в значении “пренебрегает, ставит ни во что” требовало в ту пору не родительного, а дательного падежа».

Исследователь ссылается на «Горе от ума»:

Ведь столбовые все; в ус никому не дуют...

Однако заглянем в семнадцатитомный словарь Современного русского литературного языка (М.; Л., 1950–1965), где приводятся две иллюстрации этого выражения:

1. В ус не дуть кому. Устар. Не бояться кого. «Чуб не без тайного удовольствия видел, как кузнец, который никому на селе в ус не дул, <...> тот самый кузнец лежал теперь у ног его». Гоголь. «Ночь перед Рождеством».

2. (И) в ус (себе) не дуть (*разг.*). Ничем не смущаться, не обращать ни на что внимания. «Я чувствовал себя до такой степени счастливым, что, как говорится, в ус не дул и в грош не ставил ничьих насмешек и ничьих косых взглядов». Тургенев. «Первая любовь». (Следовательно, вывод С. А. Фомичева некорректен.)

В словаре Владимира Даля читаем: «Не чужой кус, и не дую в ус». (Очевидно, что это калька с более известной поговорки «На чужой каравай рот не разевай», поэтому у Даля если не опечатка, то следующая производная народного присловья, которое изначально должно было звучать: «На чужой кус и не дуй в ус».)

Значит, в соответствии со вторым примером из семнадцатитомного словаря, у Пушкина именно: «А про тебя и в ус (себе) не дует.

Кто же этот *ты*?

Из первых двух строк этой строфы «—Я всех уйму с моим народом... / Наш царь в конгрессе говорил...» ясно, что речь тут о народе. Но тогда «Ты А. холоп» не может расшифровываться как «Ты, Александровский холоп» (ни в смысле народ, ни в смысле Аракчеев). Сказать о народе «Ты, Александровский холоп» — ничего не сказать (кроме того, в 1830 г. народ был уже холопом не «Александровским», а «Николаевским»). И поскольку официально русский царь — земной наместник Бога, то и «Александровский холоп» — не более обидно, чем, скажем, выражение «раб Божий».

А если «Ты, Александровский холоп» — это про Аракчеева, то при чем же тут «А про тебя и в ус не дует»?

«Холоп венчанного солдата» — это, конечно, Аракчеев. Но почему мы решили, что Пушкин столь благоговейно относится к своим стихам, что не в состоянии их переиначить и переадресовать? (Пушкин — вовсе не пушкинист и почтения к своему наследию испытывать не обязан.) С.А.Фомичев предлагает чтение «Архипасторский холоп», ссылаясь на набожность и мистицизм самого царя, и видит в этом холопе Александра I. Поскольку тут речь не о пасторах, а о пастыре, надо бы исправить на «Архипастырский», но, увы, и это ничего не дает, ведь заглавной буквой (с точкой после нее, как

в этом случае, или без оной) Пушкин шифровал имена собственные. Остается одно: «Ты, Аракчеевский холоп» (то есть народ, которым за отсутствием разъездного царя управляет Аракчеев).

* * *

В эстетике черепков есть поэзия. Но ведь и археолог попытается стыковать два керамических осколка, чтобы восстановить не сам сосуд, а утраченный рукотворный его изгиб. Если же черепков несколько десятков, реставратор разведет ганч — черную массу из гипса и глины — и, заполнив утраты, воссоздаст начальную форму.

Культура мало похожа на коллекционирование окаменелостей, пусть даже и законсервированных по всем культурологическим правилам. Вырви стих из контекста, и авторская интонация улетучится: тот же стих, а уже почему-то *не звучит*. По россыпи пушкинских осколков мы составляем заведомо превратное представление об интонации и, следовательно, смысле Десятой главы. Значит, надо замесить стиховой ганч. Обратимся к известной по черновику XVI строфе:

Так было над Невою льдистой,
Но там, где ранее весна
Блестит над Каменкой тенистой
И над холмами Тульчина,
Где Витгенштейновы дружины
Днепром подмытые равнины
И степи Буга облегли,
Дела иные уж пошли.
Там Пестель...
И рать набирал,
Холоднокровный генерал,
И Муравьев, его склоняя,
Напором дерзости и сил
Минуто вспышки торопил.

Пушкинист Петр Осипович Морозов, в 1910 году нашедший ключ к шифру, стих «И Муравь<ев> его скло<няя>...» читал «И лучшее его село...» «По петелькам», иначе и не прочтешь.

Начало 13-го стиха читали «Исполнен...» или «И полон...»

Напором

Последние строки XVI строфы Десятой главы. Слово «Напоромъ»

Увеличив этот фрагмент, прошу аудиенцию у Сергея Михайловича Бонди, который еще студентом в начале двадцатых понял, что расшифрованные отрывки — осколки Десятой главы «Онегина».

Бонди принял меня 26 апреля 1983 года. Я сохранил черновик письма, в котором описывал свой визит в его теснящую от книг двухтомнатную хрущобу на Фрунзенской:

Ему 92 года. Старик совершенно живой, хотя и говорит:

— Считайте, что Бонди умер, а это другой. Моя болезнь в том, что я стал многое забывать. Правда, вспомнил то, что не помнил — песенку, которую в четыре года я пел одной девочке... Вам я вряд ли чем могу быть полезен... Мне умирать пора. Я им всем (домашним. — А.Ч.) в тягость...

Я показал ему переснятое с пушкинского черновика слово «напором».

Он (внимательно изучив):

— Я могу вам только сказать, что такое чтение очень вероятно...

Прочитал ему свою X главу.

Он (тоном заговорщика):

— Ох, и начнут вас так и эдак за это...

Бонди как в воду глядел. После публикации в «Знамени» (1987, № 1) первой своей версии Десятой главы я (помимо разного прочего) прочитаю в «Вопросах литературы» (1987, № 5) гневную статью Бенедикта Сарнова «Ганч или кич?» (так! — А.Ч.). Засяду за ответ, но обнаружу, что это мой стих «Резон отточенных штыков» критик принял за образец пушкинской строки и на ее примере объясняет читателю, что в поэзии хорошо, а что отвратительно.

Лето 1983-го было для Бонди последним. И я не успел показать ему одну пушкинскую цитату из совсем других стихов:

Сильна ли Русь? Война и мор,
И Бунт, и внешних бурь напор,
Ее беснуясь потрясали...

Нас подвел языковой штамп: «полон сил» — это идиома. Но для поэта не вывернутая наизнанку идиома — пошлость.

* * *

...Начнешь расшифровывать, и слово, цепляясь за звук, само ведет по неведомой дорожке смысла:

И рать та-та-та набирал
Холоднокровный генерал...

Кто? Юшневский? Он был генерал-интендантом. В делах южан мало что решал, хотя соглашался почти со всеми самыми радикальными проектами. Кроме того, при чтении здесь фамилии Юшневого возникает малоприятное сращение: «И ратью Шневский...»

Ермолов? Он знает, что «без него не обойдутся», но ребячьими глупостями заниматься на старости лет не намерен.

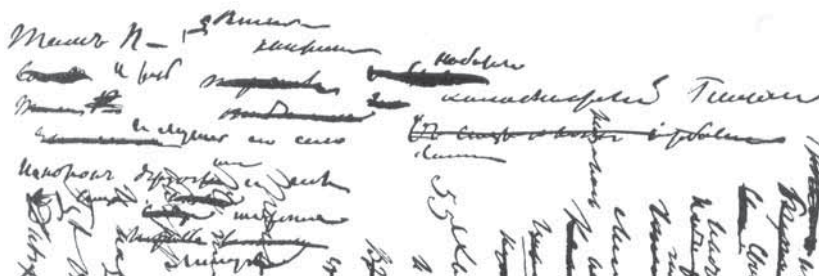
Это Рылеев, когда началась Этерия, мог призвать: «Ермолов, поспеши спасти сынов Эллады!» Ермолов и бровью не повел.

Он знал «цену вопроса». Цитирую по БСЭ:

На Веронском конгрессе (1822), последнем конгрессе Священного Союза, было принято решение о вооруженном вмешательстве в испанские дела (в 1823 французская армия вторглась в Испанию, восстановив в ней абсолютизм). Конгресс осудил восстание против турецкого господства в Греции и отказался принять греческую делегацию, приехавшую за помощью в Верону.

Для того чтобы утверждать, что у Ермолова были какие-то отношения с декабристами (кроме их упований на ермоловскую поддержку и участие его во временном правительстве), требуются аргументы. Но нам неизвестны даже слухи об участии Ермолова в заговоре. Волконский?.. Он был и храбрым, и деятельным, но только не «холоднокровным». Те вожди заговоров, к которым и впрямь применим этот эпитет, не влюбляются и не сватаются накануне восстания. И все же большинство современных пушкинистов читают «И рать Волконский...»

Строкам о холоднокровном генерале параллелен набросок стиха: «Там (зачеркнуто) Р. (зачеркнуто) отдалил». Если б строка начиналась «Там Р...», поэт зачеркнул бы оба слова в один прием. Но линий на черновике две. Значит, первый вариант этого стиха звучал «Там та-та-та-та отдалил», а второй «Р. та-та-та-та отдалил». И потому Бестужев-Рюмин не лезет в ритмическую схему ямба.

- | дв<и>жим—
 9. Там П— кинжал—
 10-А. И рать набирал
 [вербовал]
 10. [Союз] [торопил] 11-А. холоднокровный Генерал
 [Его]
 11. [Там] [Р—] [отдалил]
 12. И Муравь<ев> его скло<нил> 11-Б. [В Союз сорат] [вербовал]
 [Его склоняя] Спасен<ья>
 ти
 13. Напором дерзос[ти] и сил
 14. [С] Союза [Союза]
 [Союз] торопил
 [Порывы] [вспышки]
 Минуты

9—14 строки черногового наброска XVI строфы Десятой главы
 Новое прочтение

Да он, впрочем, ничего и не отдалял. Михаила Бестужева-Рюмина казнят за то, что вдвоем с Сергеем Муравьевым-Апостолом они будут торопить «минуты вспышки», или, как сказано в вариантах этого стиха — «порыв Союза».

А после поднимут восстание Черниговского полка.

Эти двое — близнецы-братья декабристского нетерпения. Они «торопили», а, значит, должны были «склонять» колеблющихся. Отдалил выступление тот, кого и нужно было «склонять». И когда бы уговаривать пришлось Бестужева-Рюмина, он не заслужил бы пенькового венца. Да и не был юный Бестужев-Рюмин ни генералом, ни «холоднокровным».

Где же следует искать этого загадочного генерала с фамилией, начинающейся на «Р»? Разумеется, там, где Пушкин и указал шестью стихами выше — в Каменке.

Каменка и Тульчин названы в смежных (третьем и четвертом) стихах этой строфы. Но Тульчин — вотчина Пестеля, и о Пестеле речь идет в девятом стихе, а уже в следующем, десятом, буквой «Р» зашифрована фамилия легендарного хозяина Каменки — Николая Николаевича Раевского. В имении Каменка он жил вместе со своим сводным братом, цареубийцей без цареубийства Василием Львовичем Давыдовым.

Если верить Якушкину, в Каменке в присутствии Раевского (то ли генерала, то ли его сына Александра) декабристы однажды жестоко разыграли Пушкина — пригласили на пирушку, а сделали вид, что идет учреждение тайного общества. Двадцатилетний Пушкин, вообразив, что ему не доверяют, резюмировал:

Я никогда не был так несчастлив, как теперь. Я уже видел жизнь свою облагороженною и высшую цель перед собой, и все это было только злая шутка*.

Позже он сам вспомнит об этих своих слезах:

Друзьям иным душой предался нежной,
Но горек был небратский их привет.

Декабристскую главу «Онегина» поэт обдумывал в 1829-м, а писал в 1830-м. Только что умер генерал Раевский, и Пушкин в «Литературной газете» в рецензии на некролог, сочиненный зятем Раевского декабристом Михаилом Федоровичем Орловым, пенял, дескать, тот «...не упомянул о двух отроках, приведенных отцом на поля сражения в кровавом 1812-м году!..» Второго такого «холодно-кровавого», как Николай Николаевич Раевский, и впрямь не найти. Это он во время тотального отступления русской армии к Москве, взяв малолетних детей за руки (младшему всего семь!), повел их в атаку на неожиданно ударивших с фланга французов.

Его, конечно, обгонят, прикроют. Да и сам он будет после кивать на поэта Жуковского, мол, это тот все выдумал, а дети во время боя

* Записки, статьи, письма декабриста И. Д. Якушкина. М., 1951. С. 43.

собирали ягоды. Но историки знают, что после того боя Александру и Николеньке Раевским будут «через чин» присвоены внеочередные воинские звания. Чего, как изволил выразиться один знаток русской истории, не произошло, даже если б Николай Николаевич Раевский-младший собрал под пулями целое лукошко земляники.

Но самое удивительное, что пушкинский эпитет к легендарному генералу взят не откуда-нибудь, а со слов самого Николая Николаевича Раевского-старшего. В Table-talk читаем:

Генерал Раевский был насмешлив и желчен. Он... сказывал мне, что Каменский был трус и не мог хладнокровно слышать ядра...

А теперь откроем «Бородинскую годовщину» Жуковского.

Как и в «Певце во стане русских воинов», речь там идет и о Раевском. Но какая странная речь...

Два года как убит Пушкин, а Жуковский внятно и горячо спорит с сожженной главой «Онегина». Спор этот столь явственен, что впо-ру задуматься, а не Жуковский ли убедил Пушкина бросить главу...

Неподкупный, неизменный,
Хладный вождь в грозе военной,
Жаркий сам подчас боец,
В дни спокойствия мудрец,
Где Раевский?..

Кто же это в своем отечестве пытался «подкупить» легендарного генерала? И кому это он «не изменил», и зачем на это указывать, если уже забылись слухи о принадлежности легендарного героя к заговору? Да, конечно, оба зятя — декабристы, адъютанты — заговорщики, даже сводный брат — несостоявшийся цареубийца. И весь Второй корпус (что для властей не секрет) насквозь источен крамолой. Да и детей Раевского арестуют, хотя после и отпустят с «очистительными аттестатами». (То ли милость, то ли справедливость, то ли тонкий царский расчет.) И откуда в одной-единственной строке сразу два образа из сожженной главы, если Жуковский эту главу не видел? Разве «хладный вождь» не отсылка к «хладнокровному генералу», а «военная гроза» к пушкинской «грозе Двенадцатого года»? И почему Жуковский решил отступить от композиции «Певца во стане...», разведя в «Бородинской

годовщине» убитого Каховским Милорадовича и невыявленного заговорщика Раевского? Случайно ли возникла между ними строфа о нейтральном в политическом отношении атамане Платове?

Десятую главу Пушкин обдумывает на Кавказе, куда он своевольно удрал, не спросив у государя. И Бенкендорфу доносят, что там, в действующей армии, поэт общается с сосланными декабристами и о чем-то беседует ночами в палатке с Николенькой Раевским, ныне тоже уже генералом.

«Фамилия Раевских, кажется, вся принадлежит к заговору», — вывод, сделанный следователями, но оставленный царем «без последствий». Пытаясь представить выступление декабристов «бунтом фрачников», Николай I должен был закрыть глаза на приобщенность к Обществу Раевского-старшего. (Его имя в показаниях тоже звучало.) О причастности генерала к заговору ведал и Александр I, вынужденный после нескольких доносов отправить Н.Н.Раевского в отставку в 1825 году, уже почти накануне восстания.

Собственными гражданскими сомнениями (а после и царской опалой) отдалил холонокровный генерал выступление южан.

И Александр Сергеевич Пушкин, и Александр Павлович Романов знали, какую звезду на революционном европейском небосклоне так подозрительно напоминает славная комета генерала Раевского. За три года до опалы Раевского был казнен в Пуатье (разумеется, гильотина) ровесник русского «хладного вождя» Жан Баптист Бертон. Герой испанской кампании, бригадный генерал и, как сказал о нем Владимир Набоков, — «французский декабрист», он был отстранен от должности за либеральные убеждения и поднял восстание против нового Бурбона, но Франция за ним не пошла.

Набоков сумел прочесть его имя в шестом стихе IX строфы Десятой главы: «Кинжал Л., тень Б.» — «Кинжал Лувеля, тень Бертон», сопоставив это место с пушкинской прозаической строкой «...и безумец Лувель, и мятежник Бертон». («О записках Самсона».)

Тот, кто когда-то был склоняем Муравьевым, но склонен не был (будущего зятя Михаила Орлова он даже просил перед его женитьбой выйти из Общества), скоро проводит дочь в Сибирь, похоронит младенца-внука (Пушкин напишет по этому случаю эпитафию, в последней строке помянув гражданский подвиг Марии Николаевны, и напомнив об участии отца-каторжанина) и сам умрет в сентябре 1829-го.

Да, формально «холоднокровный генерал» в заговорщиках не числился.

Так что Пушкин не зря уже в черновике отверг вариант:

Холоднокровный генерал
В Союз [сорат—] вербовал.

Он окружил себя бунтовщиками. А потому и можно сказать, что эту рать набирал именно Раевский: к нему, легенде Двенадцатого года и реальному спасителю отечества, они тянулись и под его защитой гнездились. Он был в курсе заговора, он и Ермолов, если верить Пушкину, выжидали: «без нас не обойдутся».

Летом 1829 года Пушкин знал, где найдет материалы для «славной хроники». Ему нужны декабристы, но до Сибири он доехать не может. Остается Кавказ.

По дороге на юг поэт завернет к Ермолову, а на обратном пути узнает о смерти старого Раевского.

В том же году генерала Н.Н.Раевского-младшего за потворство ссыльным декабристам и, надо полагать, за пушкинский к нему визит, Николай I отправит в отставку. Государев приказ будет подписан четырнадцатым декабря, то есть эту бумагу царь подмахнет не абы когда, а в очередную годовщину петербургской трагедии.

Итак, все указано самим Пушкиным — Каменка, ее хозяин — «холоднокровный генерал», первая буква его фамилии, и то, что его «склоняли», и то, что именно он «отдалил». Просто Пушкин почерпнул свои сведения из кавказских бесед с информированным сыном опального командующего, а историки и пушкинисты, ничего о тех разговорах в генеральской палатке не знающие, вынуждены были поверить следственной комиссии там, где она сама себе не верила.

...А если смущает, что имя Раевского-старшего стоит в следующей строчке за фамилией Пестеля, напомним, что и предлагавший восстание Никита Муравьев, и «осторожный», то есть резко протестовавший против этого Илья Долгоруков, тоже названы в соседних стихах.

Мы вынуждены ориентироваться на «Роспись государственных преступников» и на составленные Сперанским разряды. (Сперанского заговорщики считали претендентом в будущие правители России, за что царь и определил его сочинять реестр декабристской

вины.) И при этом мы не замечаем, что для оправдания казни пятерых декабристов Сперанский сначала ссылается на отмененный Екатериной Великой петровский Военский Артикул, а после — на... прецедент. То есть ссылается на норму английского права. (Того самого, которое так нравилось Николаю Тургеневу.) А «прецедент» — это казнь в Москве на Болотной площади Пугачева и четверых его товарищей.

Другими словами, если бы Екатерина казнила в Москве десятерых, виселицу на кронверкском валу пришлось бы строить вдвое длинней. (Благо вал на кронверке это позволяет.)

Николаевская «Роспись» — документ официальный, а потому и тенденциозный. И Пушкин с ней спорит. Он знает больше следователей, а, главное, он смотрит на трагедию «глазами Шекспира» — глазами историка и поэта. И, включив себя в состав петербургских заговорщиков («Читал свои Ноэли Пушкин»), готов отвечать за свои слова.

Да, в 1820-м он был очень близок к этим людям. Проще — был одним из них.

Беспокойный Никита, Осторожный Илья, Резкий Лунин, Меланхолический Якушкин, Хромой Тургенев... А еще — Павел Пестель и Сергей Муравьев-Апостол.

В конце 80-х, готовясь к первой московской конференции по пушкинской графике, я вот так же выписал себе на листок эти имена из трех соседних онегинских строф и от неожиданности опешил: передо мною был список лиц, которые собрались вместе лишь однажды и только в одном месте — «над Невою льдистой». Это было в январе 1820 года на том самом совещании Коренной Думы Союза Благоденствия, на котором и начался раскол, приведший позднее к самороспуску Союза.

Известны два заседания: у Федора Глинки и Ивана Шипова. На первом Никита Муравьев прочитал доклад «О средствах ввести в России народное правление». Средства — восстание и цареубийство.

«Беспокойному» возражал «осторожный». Илья Долгоруков поссорился там с Никитой Муравьевым, на второе заседание уже не пришел и связь с заговорщиками оборвал.

Планы цареубийства так и остались «резким витийством» и «дерзкими (вариант — «резкими») предложениями» Михаила Лунина.

Не упомянуты у Пушкина лишь трое из известных нам участников того совещания — Шипов, Глинка и Федор Толстой. Можно допустить, что их имена были в не дошедших до нас строках, но, скорее всего, о них, тихо отошедших от Общества (не то, что Долгоруков!), поэт мог и не вспомнить.

Следователи до многого не докопались.

Известно, что Якушкин приезжал в Петербург именно в январе 1820 года. Там он и познакомился с Пушкиным у Чаадаева. И вывод, сделанный М.В.Нечкиной об участии Якушкина в «цареубийственном» совещании, подтверждается строками «славной хроники», то есть поэтическим свидетельством не последнего очевидца тех бедний — Александром Сергеевичем Пушкиным.

Нет, разумеется, он не был ни на первом (у Глинки), ни на втором (у Шипова) заседаниях. Но таких заседаний было, вероятно, не одно и не два. Во всяком случае, Пушкин называет еще два адреса — у Никиты и у Ильи. У кого-то из них он и читал свои «Нозэли» и, если верить пушкинскому признанию в черновике (неотправленного, впрочем) Александру I письма, сам вынашивал цареубийственные замыслы.

Не став декабристом в 1825-м, он в 1820-м фактически был им.

Впрочем, позволю себе пространную цитату из комментария Ю.М.Лотмана к XIV строфе:

Строфа посвящена не заседанию Северного общества, а собранию менее конспиративного Союза Благоденствия. Как свидетельствует опубликованное в 1953 г. М.В.Нечкиной показание декабриста Горсткина, Пушкин на таких заседаниях бывал и, действительно, выступал там с чтением своих «нозелей».

И.Н.Горсткин показал на следствии: «Потом стали у некоторых собираться сначала охотно, потом с трудом соберется человек десять, я был раза два-три у к.<нязя> Ильи Долгорукого, который был, кажется, одним из главных в то время, у него Пушкин читывал свои стихи, все восхищались остротой, рассказывали всякий вздор, читали, иные шептали, и все тут; общего разговора никогда нигде не бывало <...> бывал я на вечерах у Никиты Муравьева, тут встречал частенько лица, отнюдь не принадлежавшие обществу.

Словом, — «забавы взрослых шалунов».

Горсткин неумело, но весьма эффективно оправдывается перед следователями, мол, у Долгорукова и Муравьева собирались не одни заговорщики.

Логика тут примерно такая: мы ничего не украли, потому что среди нас были те, кто о нашей краже и не знал.

Но из показаний Горсткина становится очевиден не только факт знакомства Пушкина с Ильей Долгоруковым, но и деятельного участия поэта в ранних декабристских сходках.

Значит, Пушкин описывает не то, что он знает с чужих слов, но то, чему он сам был свидетелем. И это дает право поставить себя в предпоследней строфе «славной хроники» между «цареубийцами» — Луниным и Якушкиным.

Мы знаем, что лунинский план цареубийства («обреченный отряд» или «партия в масках») относится к 1816 году, а предложение Якушкина к 1818-му. Так установило следствие. Знавший цену исторической подробности Пушкин уточняет: «резкие» предложения были подтверждены Луниным и Якушкиным в январе 1820 года, когда Никита Муравьев прямо назвал те «средства», которыми, по его разумению, только и можно ввести в России республику.

Мы сами придумали, что строка «Они за рюмкой русской водки...» — это про 1825 год, про «русские завтраки» Рылеева.

Но, во-первых, — декабристы пили русскую водку (а какую еще?) и до того, как Иван Пущин принял в Общество Кондратия Федоровича (да и на самих «русских завтраках» Пушкин по причине своей ссылки в Михайловское не бывал).

А во-вторых, — поэт не хроникер, у него своя логика и своя поэтическая мотивация событий.

При этом в Десятой главе, как и в пушкинской жизни, «льдистую Неву» действительно сменяет «тенистая Каменка»: в мае Пушкина посылают на юг, в ноябре он гостит у генерала Раевского, а потом попадает в Тульчин, где и общается с Пестелем.

Параллелизм петербургской и украинской строфы налицо: там «беспокойному Никите» не удалось убедить «осторожного Илью», здесь Муравьев не сумел склонить генерала Раевского.

Да, конечно, на юге у заговорщиков «дела иные».

И не только потому, что северяне «умереннее». В октябре того же 1820 года для них полной неожиданностью станет восстановление Семеновского полка. Шанс на бескровную, как сказали бы теперь, бархатную революцию будущими декабристами был упущен. Роспуск Союза Благоденствия был не только избавлением от «негорючего» балласта. Появление двух «обществ»

(Северного и Южного) знаменовало собой новый, глубоко конспиративный этап заговора.

Хотя южане и были радикальней северян, *иные дела* с этого времени пошли не только на русском юге.

В дневнике 1821 года Пушкин запишет:

О<рлов> говорил в 1820 г.: революция в Испании, революция в Италии, конституция здесь, конституция там... Господа государи, вы сделали глупость, свергнув Наполеона.

Попав на юг после семеновского восстания, Сергей Муравьев-Апостол станет всерьез «торопить» события. И... поднимет Черниговский полк спустя две недели после картечи на Сенатской, но это будет уже не революция, а выступление — акт личного отчаяния и мужества.

Иная позиция у Пестеля. Он медлит, ибо выжидает.

Но домедлится до того, что даст себя арестовать накануне 14 декабря. За что ему-то петля? За его «Русскую правду» или за то, что он и внешне казался похож на Наполеона? (Этого сходства боялись и власти, и друзья-заговорщики.)

* * *

Вяземский, назвавший X главу «славной хроникой», все же не вполне прав. Перед нами не просто «хроника», но пушкинский анализ европейского исторического процесса первой четверти XIX столетия.

По Пушкину, декабризм порожден и внутренними причинами и социальными катаклизмами, прокатившимися по Европе после Французской революции. Наполеоновские войны и Двенадцатый год — такие же звенья всевропейской тектоники, как пиренейская революционная тряска, незримое извержение «вулкана Неаполя» и революция в Греции. А заканчивается эта эпоха Сенатской площадью. Вот логика развития Десятой главы:

I — ироническая характеристика Александра I.

II — поражение под Аустерлицем в 1805-м (на поле сражения пал «государев шатер») и позорный Тильзитский мир в 1807-м.

III — 1812 год.

IV — взятие Парижа. Русский монарх становится первым лицом Европы.

V — русское рабство и надежды на модернизацию режима.

VI — русский народный пароль «авось» и передел сфер влияния после падения Наполеона.

VII — надежда на «авось» и отсутствие надежды на перемены в России, в том числе и «по манью Николая». (Пушкин спорит и со своими юношескими надеждами на «...рабство падшее по манию царя».)

VIII — деяния Наполеона, умершего на острове Святой Елены в 1821 году.

IX — испанская и неаполитанская революции 1820 года, переход через Прут офицера русской службы Александра Ипсиланти на помощь восставшим в 1821 году грекам; убийство ремесленником Лувелем наследника французского престола герцога Берийского (1820) и мятеж генерала Бертон (1822).

X — угроза русского царя подавить европейские революции. Конгрессы Священного союза 1820 и 1822 годов. После заявления царя в Тропшау о том, что в России все было и будет спокойно, Меттерних сообщает тому о восстании Семеновского полка. Меньше всего царь думает о благе «Аракчеевского холопа», то есть собственного народа.

XI — в октябре 1820 года в Петербурге бескровное восстание Семеновского полка, выступившего против зверств полковника Шварца.

XII — поражение европейских революций и первая характеристика российской политической оппозиции, взятая, очевидно, из стихов Одоевского.

XIII — атмосфера первых декабристских кружков.

XIV — собрания заговорщиков в Петербурге в 1820 году.

XV — виды северян на восстание, цареубийство и освобождение крестьян.

XVI — два центра южных заговорщиков: Каменка, хозяин имени Раевский-старший, и Тульчин, вотчина Пестеля.

XVII — динамика заговора от интеллектуально-гражданских шалостей до «тайной сети». Бездействие знающего о заговоре императора.

Гений, как и сама история, — друг парадоксов. Победителем *мужа судьбы* Наполеона оказывается *слабый и лукавый* русский царь. Верх берет тот, кто, не вняв Кутузову, в конце 1805 года принял план австрийского генерала Ф. Вейротера, и, перебросив войска

из Ольмюца к Аустерлицу, сам едва не попал в плен к французам. (Пушкин: «Под Австерлицем он бежал...») Императоры Франц и Александр бежали с поля битвы, когда свитские генералы вдруг исчезли и с русским царем остались только лейб-медик да два казака. Произошло, как пишут историки, фактическое уничтожение русско-австрийской армии, «бросившей весь свой колоссальный обоз, все боевые запасы, огромные массы провианта». Ну, и, конечно, по-византийски пышный государев шатер.

Поэтому придуманный Морозовым звучный стих «У Бонапартова шатра» — бессмыслица. Речь не о Тильзите. Гвардия Наполеона ощипала царского орла не у палатки Наполеона, а у пустого шатра русского государя.

Мы не знаем, вошло ли в текст Десятой главы чуть измененное двустипие из того же «Героя»: «Измучен казнию покоя, / Осмеян прозвищем героя», но в 1830 году для Пушкина оно, видимо, является ключом к образу Бонапарта. «Прозвищем героя» нельзя осмеять смертного. Но речь не о человеке, а о «муже судьбы», о титане, даровавшем человечеству огонь, то есть о том, чей подвиг носит даже не цивилизационный, а культурообразующий характер, и потому заведомо выше любого героического поступка. И архетип мученической «казни покоя» — вечная пытка прикованного Прометея. Разница лишь в том, что Прометея через тридцать тысяч лет с кавказской скалы освободил Геракл, а Наполеон на своей скале так и не дождался избавителя.

В 1830 году для Пушкина Наполеон — не просто титан, как, скажем, Петр I (см. первый стих XI строфы), но — Первый Титан новейшего времени. Того самого времени, которое окончательно выдохнется лишь через полтора века. (Вспомним байку о советском цензоре, который в 70-х годах XX века вычеркнул из газеты фразу «Маркс — титан мысли», ибо титан — стратегический металл.)

Цепочка парадоксов, построенных на онегинском противоединстве воды и камня, а льда с пламенем, прошивает Десятую главу:

Прометей украл с Олимпа небесный огонь и подарил его человечеству. Наполеон, первоначально титан и даритель священного огня свободы, не придумал ничего лучшего, как сжечь Москву. Освободив Европу от тирана, русские могут надеяться лишь на «авось»: они были и остаются рабами в собственной стране. Их царь становится главой европейской реакции, а падший и заточенный на Святой Елене тиран завещает народам свободу. Александр I на конгрессе

Священного Союза грозит унять Европу русскими штыками, но во время заседания получает известие о восстании в Петербурге его любимого Семеновского полка. Восставшие отправляются в Петропавловскую крепость и сами себя арестовывают. Европейская смута отпенилась и остепенилась, а в России горстка дворян начинает бредить «искрой пламени иного», вынашивая революционные планы и желая освободить крепостных. При этом дворяне готовят бунт и цареубийство, а русский царь, все зная, только «кутит» и «дремлет».

Из парадоксов состоит вся стиховая ткань «славной хроники». И не даром в Лондоне декабрист Николай Тургенев свирепо обиделся на Пушкина, когда брат Александр прислал ему в августе 1832 года из Мюнхена несколько строк из той строфы, в которой упоминался сам Николай Иванович. А.И.Тургенев писал:

Есть тебе и еще несколько бессмертных строк о тебе. Александр Пушкин не мог издать одной части своего Онегина, где он описывает путешествие его по России, возмущение 1825 года и упоминает между прочим и о тебе:

Одну Россию в мире видя,
Преследуя свой идеал,
Хромой Тургенев им внимал,
И плети рабства ненавида,
Предвидел в сей толпе дворян
Освободителей крестьян.

В этой части есть прелестные характеристики русских и России, но она останется надолго под спудом. Он читал мне в Москве только отрывки.

Пушкин и Александр Тургенев встречались в декабре 1831 года. Следовательно, тогда и состоялось чтение.

Тургенев утверждает, что строфы «славной хроники» вместе с путешествием Онегина входили в одну главу. Но он слышал «только отрывки», а это значит, что и единого текста, объединяющего путешествие Онегина и строфы «славной хроники», все же не было. Против стиха «...им внимал» Александр Иванович на всякий случай приписывает:

т. е. заговорщикам; я сказал ему, что ты и не внимал им, и не знал их.

Мало ли в какие руки это может попасть... Письмо А.И.Тургенева послано 11 августа, а уже 20-го брат отвечает:

Сообщаемые вами стихи о мне Пушкина заставили меня пожать плечами. Судьи меня и других осудившие делали свое дело: дело варваров, лишенных всякого света гражданственности, цивилизации. Это в натуре вещей. Но вот являются другие судьи. Можно иметь талант для поэзии, много ума, воображения, но при этом быть варваром. А Пушкин и все русские, конечно, варвары...

Почему разгневался Николай Иванович, будет понятно, если вообразить, как именно преследовал свой идеал «хромой Тургенев». Ирония истории в том, что Тургенев — это единственный из осужденных Верховным судом заговорщиков, который во время восстания оказался вне России и избежал ареста. То есть, говоря по-русски, — *унес ноги*.

Сохранился рассказ о том, как Александр Иванович Тургенев, улучив случай, спросил царя, надо ли его брату возвращаться? Николай I ответил, мол, если спрашиваешь меня как императора, скажу — да, надо, а если как частное лицо, — лучше бы ему не возвращаться.

А.И.Тургенев, а вслед за ним и многие историки, умилены ответом царя. И лишь один человек, тот, которого сам Николай I назвал «умнейшим мужем России», мог растолковать другу, в чем же истинный смысл николаевского высказывания.

Как «частное лицо» Николай Павлович, может быть, и хотел бы своими руками задушить единственного оказавшегося недоступным ему заговорщика. Но как государь Николай I не может не понимать, что, если в некий прекрасный день по сходням с английского корабля проковыляет заочно осужденный Верховным судом Николай Тургенев, случится конфуз. Ибо в этом случае неизвестно, где ставить знаменитую запятую во фразе «казнить нельзя помиловать».

Простить — создать прецедент и дать надежду на прощение тех, кто томится в Сибири. Судить во второй раз — невозможно. Заточить в крепость без суда — выказать свое жестокосердие и нецивилизованность.

Живые противоречия человеческой психологии и роковой «силы вещей» увлекают поэта. Ну разве не парадоксально, что на царевубийство вызываются и «меланхолический Якушкин», и «вдохновенно бормочущий» трезвый Лунин?

Значит, и портреты их должны быть парадоксальными.

В рукописях поэта С.М.Бонди обнаружил набросок начала IX строфы, сделанный году в 1834-м:

Царя любовные затеи
 демон поджигал
 Тряслися <грозно Пиренеи
 Волкан Неаполя пылал>

Современники знали, что речь идет о любовнице Александра I (а по совместительству австрийской шпионке). Пушкин — не Лев Толстой. Он полагает, что любовная тряска в одной, отдельно взятой монаршей постели, может привести не только к раскачиванию тронов, но и к таким последствиям, рядом с которыми даже извержение Везувия — сущая ерунда.

Двусмысленны и строки о «склоняющем» старого генерала и «напором дерзости и сил» торопящем «минуту вспышки» Муравьева-Апостоле (если б тот не был казнен, наверняка тоже попенял бы Пушкину), а «меланхолический Якушкин» с его «цареубийственным кинжалом» — очень напоминает себялюбивого подростка.

Другое дело — «друг Марса, Вакха и Венеры».

В характеристике Михаила Лунина поэт пародирует одну из державинских од. У Державина Потемкин назван «Друг честности и друг Минервы». Но то царедворец и друг царицы (впрочем, отчасти также по департаменту Венеры), а тут — гвардейский офицер, намеревающийся решительными мерами укоротить жизнь того, кому Державин и посвятил «Оду Решемыслу», — Александра I.

ПАРАДОКСЫ ПУШКИНИСТИКИ

Тарту дорог как город утрат
Палиндромон Ильи Фонакова

За рабочим столом Модзалевского держу в руках желтый толстый лист с шифром Десятой главы. С обратной стороны на нем отпечатались какие-то строки. Хочется думать, что это оттиск второго листа шифра... И в голову не приходит, что сырой второй лист может оказаться под первым только в том случае, когда он же и последний. Но поскольку должен быть еще и третий листок, пока тот будет заполняться, второй высохнет.

В середине 80-х Натан Эйдельман попросил меня связаться с криминалистами и узнать, есть ли способы прочесть то, что было написано на этом втором листе?

Криминалисты тогда лишь развели руками: это пока не в наших силах. И журналист Павел Гутинтов свел меня с учеными, работавшими в оборонке. Ученые, еще вполне молодые люди, осведомились о составе пушкинских чернил и пообещали вырастить некую биокультуру, которая будет питаться только орешковыми чернилами. («Если хочешь, можем сделать так, что она будет фосфоресцировать...») Эту культуру оборонщики и предложили нанести на обратную сторону листа с шифром.

— А потом ваш «грибок» переползет на другие рукописи и, съев Пушкина, примется за Толстого?

Условились, что подождем, когда возможно будет получить информацию бесконтактным методом.

С тех пор всякий раз, как я слышал об изысканиях астрономов, установивших по спектрограмме химический состав еще одной дальней звезды, перед моими глазами вставала оборотная сторона листа с онегинским шифром, такая безнадежно пустая и в то же время столь явно заполненная зеркальным отражением поэтической тайны.

И только через много лет я понял: даже если наши потомки (году эдак в 2057-м) при помощи самых современных для их эпохи методов смогут считать информацию с оборотной стороны этого листа, новых строк из сожженной главы они там не обнаружат.

Потому что в данном случае лист с шифром был только один: поэту слишком быстро надоело заниматься столь странным и нудным делом. Его не хватило даже на то, чтобы зашифровать все первые четверостишия первых шестнадцати строф «славной хроники».

Поняв в тот болдинский день, что из шифра выходит пшик, Пушкин прервал неудавшуюся свою попытку ради новых дум и иных строчек*.

Я уже ссылался на исследование Юрия Михайловича и Михаила Юрьевича Лотманов, в котором разоблачалась опубликованная впервые в Минске**, а потом и в Москве*** подделка

* Наиболее полное исследование истории текста Десятой главы «Евгения Онегина» см. в статье Б. Томашевского (*Томашевский Б. Десятая глава «Евгения Онегина»: История разгадки // Александр Пушкин. М. 1934. (Литературное наследство. Т. 16/18). 1934. С. 379–420.*

** Гуторов И. В. О десятой главе «Евгения Онегина» А. С. Пушкина // Ученые записки Белорус. гос. ун-та. Сер. филолог. 1956. Вып. XXVII. С. 3–37.

*** Тимофеев Л. И., Черкасский Вяч. Апокриф?.. Или... // Прометей. М., 1983. Т. 13. С. 110–127.

Десятой главы (см. сноску на с. 87 наст. изд.). Это весьма обстоятельная и серьезная работа. Но от частного замечания все же не удержусь. В качестве одного из критериев определения подлинности текста авторы-структуралисты предлагали построение графика по длине словоформ. И выяснялось, что у Пушкина в сохранившихся фрагментах Десятой главы «Евгения Онегина» этот график принимает вид Эвереста:

Кривая распределения длин словоформ в П10 (пушкинском тексте Десятой главы. — А.Ч.) характеризуется ярко выраженным пиком на пятибуквенных словах (17,8%).

А у мистификатора это сгнивший сарай с провалившейся крышей. Смущало, однако, что гармоническую картину (по сумме распределения слогов и даже букв) дал не цельный текст, а его осколки.

Я поставил контрольный опыт.

И оказалось, что если б в точно таких фрагментах дошла не Десятая, а Восьмая глава, график получился бы еще более руинированным, чем у мистификатора.

P. S.

* * *

Зачем онегинской строфою
Его тетрадку заполнять,
Пугать читателя собою
И пушкиниста искушать?
Зрачок зеленый или карий
(См. об этом комментарий) —
Не суть... Не видел — не спеши,
У Лотмана перепиши.
Там, где Цявловский сопоставил
И где Дубровский уточнил,
Поверх орешковых чернил
Лить воду надо в рамках правил.
Ах, *наше всё*.. Глагол времен —
Пушкиноведенья канон.

II

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СКОРБНЫЙ ОСТРОВ ГОНОРОПУЛО

путешествие

Над вашими телами надругавшись,
В безвестную могилу их зарыли
И над могилой выровняли землю,
Чтоб не было ни знака, ни отметы,
Где тлеют ваши кости без гробов,
Чтоб самый след прекрасной жизни вашей
Изгладился...

*Михаил Михайлов, «Пятеро»
1861 или 1862*

«СТРЕМЛЮСЬ ПРИВЫЧНОЮ МЕЧТОЮ...»

На берегу Кронверки не раз настигало меня это щемящее наваждение. Особенно весной, когда невский лед уже сошел, а ладожский еще на подходе. Точно некий образ, наглядно материализованный в пейзаже, должен что-то сообщить, о чем-то напомнить.

Почему-то мешали мосты. Они загромождали пространство, пресекали узнавание.

Мы не приучены сердечной силой пробуждать мечту. И я не сразу понял: отсюда чудится, что Большая Нева, огибая крепостную стену, втекает в Малую, а Кронверка — накрест — в Большую Неву. Дело в небесном перекрестье реки, лежащем на снежном полотнище застроенных берегов. Дело в этих плывущих навстречу друг другу стрелках двух островов — Заячьего и Васильевского. Дело, наконец, в законах перспективы, уравнивавших невеликую речку Кронверку с Невой.

Открылось ли это Петру, когда в 1704 году синяя крестовина на белом поле стала флагом русского флота, — кто знает?

Луч собора и луч стального клинка. Усмирение Невы и смиренный бунт 14 декабря. Политика и поэтика. Декабристы и Пушкин. Все — на распятом полотнище Андреевского флага.

Наша экспедиция «Огонька» объединила в рамках пушкинистики не только филологов и историков, но и археологов, геологов, топографов, химиков, криминалистов, специалистов по фотографии, архитекторов, художников и математиков. Мы не выдвигали никаких «версий», мы только прочитали по Пушкину и Ахматовой ряд исторических свидетельств. И в поиске могилы казненных четырежды пришли к одной географической точке на берегу острова Декабристов (Голодая). В первый раз — по путеводителю из повести «Уединенный домик на Васильевском» и «Подробному плану столичного города Санкт-Петербурга, снятому по масштабу 1:4200 под начальством генерал-майора Шуберта». Потом по рисункам поэта. Потом — по пушкинской тайной записи в тетради ПД 833. И только после, собрав свидетельства современников, убедились, что можно было обойтись и без Пушкина.

Однако не обошлись. И голодаевскую тайну раскрыли нам не анонимный помощник квартального, не обер-полицмейстер Княжнин, а Пушкин и Ахматова. Не из «первых рук» могильщиков, а из рук двух великих русских поэтов приняли мы это печальное знание.

СИМПАТИЧЕСКАЯ ЗАПИСЬ В ПД 833*

В Третьей кишиневской тетради на листе 88 (жандармская пагинация 66) французская строка в правом верхнем углу страницы почти сливается с голубым фоном бумаги (см. вклейку, с. XX).

Судя по заполнению этой части тетради, запись сделана в июле или августе 1827 года, в Петербурге или Михайловском. Лист 88 — оборотная сторона первой страницы тетради, если тетрадь перевернуть и начать ее заполнение с обратной стороны. (Что Пушкин и

* В основе этой главы моя заметка во «Временнике Пушкинской комиссии» (вып. 26. СПб., 1995). Новый виток полемики см. на с. 197 наст. изд. Справка по исследованию данной записи, сделанная во Всесоюзном научно-криминалистическом центре МВД СССР, передана в рукописный отдел Пушкинского Дома в начале 1990 г.

сделал летом 1827 г.) На этой же странице, чуть ниже, — еще две французские дневниковые записи, помеченные вторым и четвертым августа того же года. На соседней странице начинается пространный выписка из «Беральда Савойского», выполненная разбавленными до лимонной желтизны чернилами. К какому времени она относится?

А.Н.Вульф, рассказав в дневнике о своем посещении Пушкина в Михайловском 15 сентября 1827 года, описал рабочий стол поэта: на нем тогда лежал французский сборник XVIII века «Bibliothèque de sampragne...», откуда Пушкин и сделал выписку из Беральда*.

Но если эта выписка поддается прочтению, то строка на л. 88 едва видна. И другого примера столь бледных записей мы у Пушкина не знаем. Когда б у нас под руками был спектрографический каталог пушкинских чернил, вероятно, мы смогли бы ответить на вопрос, сделана ли верхняя запись на л. 88 теми же чернилами, что и строки из «Беральда Савойского». Но каталога нет, и остается лишь гадать, что перед нами: потухшие чернила, или чернила «симпатические», разбавленные до предела (либо же просто чай).

М.А.Цвяловский и Т.Г.Цвяловская**, уточняя чтение В.Е.Якушкина, разобравшего начало записи «14 juillet 1826...», три первые буквы последнего слова прочли как «Гон», предположив, что это может быть фамилия португальско-бразильского поэта Т.-А.Гонзаги, чье стихотворение Пушкин однажды перевел. Впрочем, исследователи на своем предположении не настаивали, а такую расшифровку сочли возможным поместить лишь в примечаниях.

Через полвека историк Г.А.Невелев*** обнаружил, что дата в этой записи совпадает с датой тайного погребения на Голодае пяти декабристов, казненных накануне на кронверке Петропавловской крепости. И поскольку зашифрованные заглавными буквами имена Рылеева и Пестеля, видимо, упоминаются на той же тетрадной странице (в третьей записи), трудночитаемое слово Невелев категорично предложил читать как «Goloday». Впрочем, исследователь, работавший, надо думать, не с оригиналами, а с фотокопией, решил, что запись сделана карандашом и что жирное пятно, перекрывшее третью и четвертую буквы в последнем слове этой записи, не масляное,

* Майков Л. Н. Пушкин: Биографические материалы и историко-литературные очерки. СПб., 1899. С. 170.

** Рукою Пушкина. М.; Л., 1935. С. 307–311.

*** Невелев Г. А. «Истина сильнее царя...» М., 1985. С. 142.

а чернильное. (Края тетради обильно залиты жирной жидкостью, очевидно, лампадным маслом, и одна капля попала на эту строку.)

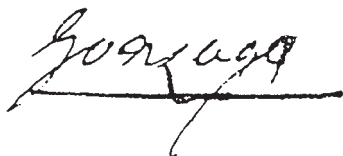
В конце 1988 и начале 1989 года по моей просьбе в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР Д.П.Эрастовым и Л.Г.Мазуновой было произведено фотографирование этой записи и ее наиболее интересных фрагментов в отраженных ультрафиолетовых лучах. Третья и четвертая буква последнего слова снимались под микроскопом, а масляное пятно ослаблялось люминесцентным методом. Для выявления особенностей фактуры бумаги была сделана фотосъемка с трех разных углов в косых синих лучах.

При фотографировании записи целиком масштаб оказался недостаточным для различения перьевого штриха от чернильных разводов внутри масляного пятна. На снимках виден ряд причудливых мнимых штрихов, создающих впечатление того, что внутри пятна буквы зачеркнуты. Лишь при макросъемке самого пятна была получена фотография, позволившая приступить к анализу попавших под пятно букв.

Перьевая линия при ультрафиолетовой съемке и увеличении в десять (и более) раз ясно отличается от аморфной и хаотичной графики чернильных разводов (а также от механических включений в бумажном тесте). Перо оставляет два параллельных продава на поверхности бумаги. В них чернильная масса гуще, а значит, и темнее, чем в сердцевине двойной перьевой линии. При слитном написании слова контур перьевой линии позволяет проследить путь пера по бумаге от первой до последней буквы. Но задача усложняется, если перо пересыхает, и пишущий вынужден отрывать от бумаги перо, чтобы макнуть его в чернильницу.

Снимки свидетельствуют, что при написании последнего слова этой записи Пушкин дважды отправлял кончик пера за новой порцией чернил. И если слово «juillet» написано на одном дыхании, то на слове «Гоп...» чернила закончились, когда поэт выписывал верхнюю (начальную) петельку первой, заглавной буквы. Это ясно видно по тому, как раздваивается хвостик незамкнутой петли, а в центре перьевой линии в этом месте появляется, все больше расширяясь, неокрашенный зазор. Пожалуй, на эту подробность мы никогда не обратили бы внимания, если бы сотрудник Пушкинского Дома В.Д.Рак, проведя исследование графики заглавных «Г» (на большой выборке из рабочих тетрадей поэта), не доказал нам, что верхнюю петельку этой буквы Пушкин обычно писал против часовой стрелки. И хотя нам удалось обнаружить ряд аномальных написаний заглавных букв в пушкинских

тетрадах (см., например, в ПД 840, л. 91, где прописное французское «Е» /Еп раувге.../ написано как русское «З»), мы вынуждены были признать правоту В.Д.Рака. Если бы верхняя петля первой буквы последнего слова этой записи и впрямь была бы закручена по часовой стрелке, скорее всего, перед нами была бы другая латинская буква: не «G», а «Z».

Фамилия бразильского поэта Томаса Антониу Гонзаги

Наблюдение В.Д.Рака позволило разглядеть то, на что не обратили внимания криминалисты ВНИИ МВД, изучавшие не первую, а третью и четвертую (попавшие под пятно) буквы недописанного слова: «G» написана в два приема, и головка ее и впрямь закручена против часовой стрелки. Это понятно при взгляде на фотографию. При написании начальной петельки штрих становился все бледней и бледней: чернила кончались (см. на вклейке, с. XX).

Отправив перо в чернильницу (или в стакан чая), Пушкин продолжил запись. Он почти точно попал кончиком пера в то место, откуда начал писать верхнюю петельку «G» (что сделало работу исследователей еще более сложной, а графику всей буквы еще более похожей на графику тривиального «Z»).

Вторая и третья буквы написаны единой линией. Это «o» и «n» (или «u»). При переходе к четвертой букве на снимках хорошо читается обычный в таких случаях соединительный штрих: пишущий не отрывает пера, лишь заметно ослабляет нажим, соединяя «n» и «a». (На схеме этот соединительный штрих мы передаем регулярным пунктиром.) С подлинниками этих фотографий исследователи могут ознакомиться в рукописном отделе Пушкинского Дома.

Ультрафиолетовая макросъемка (тем более — съемка под микроскопом) — новый для пушкиноведения способ исследования автографа. К счастью, пушкинские рукописи дошли до нас практически в идеальном состоянии, и даже к обычной ультрафиолетовой съемке при текстологическом анализе пушкинских текстов приходилось прибегать нечасто.

Макросъемка пятна в ПД 833 вводит нас в микромир пушкинского черновика, сохраняющего едва заметный импульс пера. Мы сталкиваемся с капиллярной жизнью почерка поэта, с тем новым уровнем текстологических проблем, который при визуальном изучении подлинника был для нас закрыт. Не исключено, что в будущем этот метод пригодится не только для чтения поврежденных записей, но и для атрибуции тех автографов, принадлежность которых Пушкину по тем или иным причинам сомнительна. Но уже сегодня мы, наследники гоголевского Акакия Акакиевича, не можем быть равнодушны к тем происшествиям, которые случались с кончиком гусиного пера поэта, когда оно летело по странице.

Одно из них приключилось, едва поэт начал писать четвертую букву в слове «Соп...» Микроскопическая (малинового цвета, а потому ясно читаемая) соринка, включенная в поверхность бумажного листа, преградила перу путь. И хотя микродозы чернил все же сохранились и на этом включении, линия продава оказалась нарушенной в верхней внешней части серповидной петли буквы «а».

Пишущий непроизвольно усилил нажим, но чернила перестали поступать с кончика пера на бумагу. Вновь мы видим это по сильно раздвоенному хвостику внизу буквы. Причем отказал именно внешний, находящийся теперь уже внизу серповидного штриха кончик пера. Или, скажем точнее, — внешняя направляющая раздвоенного при нажиге перьевого острия. Та самая, что только что наткнулась на соринку в бумажной фактуре. Поэтому графика буквы оказалась несколько деформированной.

Гибкое гусиное острие не столь глубоко продавливает бумагу, как металлическое, но и не столь часто вырывает из бумаги волокна целлюлозы. (Ох уж эти «прилипшие волоски», снижавшие наши баллы на уроках чистописания в первом классе!) Капризность гусиного пера именно в его фантастической чуткости. Плотная, но грубая и изобилующая микровключениями бумага пушкинского времени, как мы можем убедиться на данном примере, весьма активно взаимодействовала с пером в точке касания, а едва различимая невооруженным глазом соринка могла вызвать резкий прыжок одной из двух направляющих пера. При этом на бумагу летели брызги чернил (сколько их в рукописях поэта!), или, как здесь, чернильный ток мог прерваться, и пишущий должен был вновь опустить кончик пера в чернильницу.

Что Пушкин и предпринял, судя по толстому «полнокровному» и короткому штриху, которым он завершил рисунок поврежденной

буквы, при этом несколько отклонившись вправо от досадной малиновой соринки.

Ширина второй и третьей буквы 3,5 мм, если измерять букву вместе с соединительным штрихом. Как ни удивительно, но ширина четвертой буквы тоже 3,5 мм. После встречи с соринкой пишущий уже не мог закончить букву «а» обычным соединительным хвостиком: буква оказалась бы безобразно растянутой. А кроме того, поле листа заканчивалось, и надо было экономить миллиметры для еще одной, пятой буквы. Пририсовав букве «а» косой — справа налево — хвостик, Пушкин повторил графику собственного заглавного «А» в заглавии «Ариона» (см. в той же тетради, л. 37). Над беловым (с позднейшей правкой) автографом этого стихотворения поэт карандашом надписал «Орион», а позже, видимо, поняв, что спутал мифологического героя с историческим, уже пером провел вертикальный штрих, исправив этим «О» на «А».

В рассматриваемом нами случае заканчивающий букву косой короткий штрих возникает сразу, то есть до появления последней, пятой буквы этого недописанного слова. Только что побывавшее в чернильнице перо оставило на листе столько чернильного материала, что когда Пушкин начал выводить следующую букву, некоторое количество чернильной массы из верхней части непросохшего штриха было увлечено кончиком пера вправо, и в месте соединения букв с внешней стороны продава возникли две полукруглые чернильные дужки. Так, если мы захотим провести острым предметом, кончиком карандашного грифеля или тем же пером через лежащую на гладкой поверхности каплю, на выходе из нее след будет толще.

Пятая (последняя) буква не перекрыта пятном и при первом взгляде напоминает строчное «z». Поэтому Цявловские и предложили читать в этом слове имя бразильского поэта. Другое дело, что при таком чтении надо решительно исключить четвертую букву, которую составители книги «Рукою Пушкина» просто-напросто не могли видеть. Впрочем, и тогда пропущенного пространства достаточно, чтобы предположить лауну: не «Gonz...», а «Gon...z...»

В своих мемориальных пометах Пушкин, как правило, ставит точку после сокращенного слова. Так он и поступил, сделав на этом же листе в ПД 833 две шифрованные записи:

2 août 1827 j. h.

4 août R. J. P. Jich. en songe

Есть такой способ дешифровки пушкинской тайнописи — «метод смежного эпизода»*. Он весьма успешно работает при сопоставлении смысла внешне не связанных дневниковых записей поэта. Г.А.Невелев, присоединяясь к чтению этих строк своими предшественниками, справедливо полагает, что дата тайного голодаевского погребения в верхней строке может образовывать единый смысловой комплекс с этими двумя строками. Приведем в переводе расшифровку П.В.Анненкова и Т.Г.Цявловской: 2 августа 1827 д<ень> с<частливый>; 4 августа Р<ылеев> Ж<анно> П<естель>** Ж<ихарев> во сне.

Итак, в первой (симпатической строке) дата голодаевского погребения декабристов и, возможно, уточненное место могилы, в третьей — имена двух из пятерых казненных и двух друзей, имеющих самое непосредственное отношение к голодаевскому сюжету.

Недописанное слово Пушкин нередко заканчивал серповидным росчерком. В той же третьей кишиневской тетради мы встречаем точно такой росчерк под зашифрованной датой автографа стихотворения «Арион», где год обозначен лишь одной цифрой «7», а число записано так «16 июл...»

Только вместо многоточия тут тоже — серп росчерка. В той же тетради на л. 40 стихотворная строка «На берега пустынных волн» вроде бы дописана целиком, но последняя ее буква («ъ»), словно в подражание последней букве в нашей симпатической записи, идентична ей по графике. Дата стихов «Пока не требует поэта...» проставлена на том же листе и близка к датам двух зашифрованных записей на л. 88: «15 августа 1827, Михайловское».

Фотоснимки позволяют выяснить и то, как двигалась рука поэта при написании последней буквы симпатической записи. На краткий миг рука замирает, пишущий ослабляет нажим на перо. Этого достаточно, чтобы внутри штриха образовалась поперечная перемычка, след остановки пера.

* Якубович Д. П. «Дневник» Пушкина. Л., 1934. С. 22.

** Или П<утята>, что в этом ряду более естественно. Путята присутствовал при казни 13 июля и, разумеется, должен был рассказать Пушкину о деталях всего «обряд».

После этого хвостик буквы резко меняет направление и идет вниз.

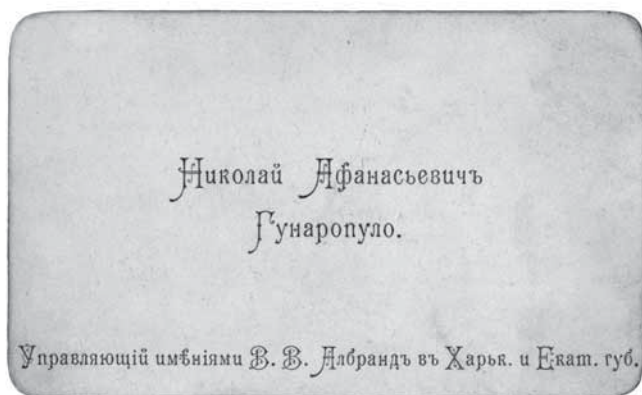
Значит, у нас есть все основания читать недописанное и законченное росчерком слово как «Гонаг...» Ибо французское «г» Пушкин писал как русское «ч», или — мы это уже видели — как законченный таким же кратким полукруглым росчерком «ъ».

Невелев утверждает, что «предложенное М.А.Цявловским чтение видимой части слова как “Гоп...” текстологически неоправданно»*. Это так. Но еще менее оправдано чтение Г.А.Невелева.

Что же это за загадочное «Гонаг...»? Парадоксально, но мы вынуждены согласиться с текстологически некорректной, но исторически пронизательной мыслью Г.А.Невелева: последнее слово действительно указывает на место захоронения казненных декабристов. Это входящий в состав Голодая совсем крохотный островок в северной его части — остров Гонаропуло. От Голодая его отделял неширокий (в самом узком месте менее двух метров) ручеек.

В пушкинское время этот урбоним Петербурга писался по-разному: *Ганоропуло* (письмо К.Я.Булгакова от 26 сентября 1829 г. // Русский архив. 1903. Кн. 3. С. 399); *Гонаропуло* (Нумерация домов в Санкт-Петербурге с алфавитными списками. СПб., 1836. С. 60); *Гоноропуло* (1822, ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 168. Д. 241. Л. 36 об.; Из записок И.С.Жиркевича // Русская старина. 1878. № 7. С. 416, 418; картотека Модзалевского в Пушкинском Доме, 1857 г.); *Гонуло* (*Шредер Ф.* Новейший путеводитель по Санкт-Петербургу. СПб., 1820. С. 242: «...у Синего мосту в *Гонурополовом* доме»); *Гунаропол* (Санкт-Петербургская адресная книга на 1809 год. СПб. С. 27); *Гунаропуло* (Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге. СПб., 1822. С. 5; Подробный план столичного города Санкт-Петербурга, снятый по масштабу 1:4200 под начальством генерал-майора Шуберта. СПб., 1828); *Гунарупол* (Адрес-календарь Санкт-петербургских жителей. СПб., 1844. Т. 1–3. С. 11, 12); *Гунорапуло* (Месяцеслов на лето 1822. СПб. С. 187; Месяцеслов на лето 1823. СПб. С. 196); *Гуноропол* (Санкт-Петербургская адресная книга на 1809. СПб. С. 45); *Гунорополов* (1806 г., ЦГИА СПб. Ф. 513. Оп. 168. Д. 326. Л. 29 об.); *Гуноропуло* (Санкт-Петербургская адресная книга на 1809 г. СПб. С. 14; Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге. СПб., 1822. С. 160; Месяцеслов на лето 1824. СПб. С. 100).

* Невелев Г. А. С. 142.

Визитная карточка Н. А. Гунаропуло
Вторая половина XIX века

В пушкинское время имена писали на слух (потому до сих пор не утихают споры: Боратынский или Баратынский, Лермонтов, или Лермантов). К началу XX века на городских топографических планах утверждается написание имени этого островка как «Гоноропуло», но на плане Санкт-Петербурга 1862 года мы находим такое же, как и в прижизненном для Пушкина издании «Нумерации домов Санкт-Петербурга...», написание «Гонаропуло».

Пушкин — дитя своего века. Открыв справочный том Академического семнадцатитомника, мы найдем это смешение «о» с «у»: Годунов и Гудунов; Конгур и Кунгур; Кондрава и Кундравы.

В пушкинском варианте мы обнаруживаем фамилию Гунаропуло и в «Литературной газете» 1844 года. Автор такого написания — другой великий русский поэт — Н.А.Некрасов. В своей «Петербургской хронике» он говорит о Большой Морской улице: «Там уже не найдете вы огромного дома г. Гонаропуло, не найдете даже бранных остатков его» (Литературная газета. 1844. 7 сент. № 35). На эти строки мне указала покойная Е.А.Смирнова, первый редактор этих моих заметок.

Пушкинская запись сделана еще до выхода топографического плана Ф.Ф.Шуберта (1828 г.), где название этого островка, на более ранних планах безымянного, впервые нанесено на карту. Причем именно так, как писали свою фамилию владельцы островка, петербургские дворяне, чья мыза находилась у северной оконечности Голодая. Но о них мы расскажем позже (см. с. 184—186).

Гольмъ куп. жена.	{ 13— 9—303
	{ 32— 3—259
Голякова Маіорша.	2— 99— 95
Гомзина 8 кл. наслѣд.	48— 9—304
Гомозова Тип. Сов.	630— 32—274
Гомозовъ 5 клас.	1071— 73—337
Гонаропуло Сп. Сов.	{ 47— 8—136
	{ 13— 6— 20
Гончугова поселанка.	411—128—359
Гончаровъ мѣщанинъ.	10— 41— 45
Гоце жен. булоч. масп.	39— 9— 27
	{ 10— 61— 57
	{ 12— 56—187
Горбанева Тип. Сов. наслѣд.	{ 14— 76—209

Фамилии А.А.Гонаропуло и А.П.Гомзиной (о ней см. на с. 128)
«Нумерация домов в Санкт-Петербурге с алфавитными списками». СПб., 1836

В той же тетради ПД 833 на л. 1 есть пушкинская помета карандашом: «1 сент<ября> 1826 изв<естие> о корон<ации>». Можно предположить, что поэт не случайно использовал ту же тетрадь и для записи о месте и дате погребения казненных. Обе даты зеркальны и по своему местоположению: тетрадь начинается с сообщения о коронации, но переверни и начни с другого конца — на том же месте вверху страницы увидишь сообщение о голодаевской могиле. (Эдакий знаковый перевертыш...)

14 июля по европейскому стилю была взята Бастилия. 14 июля по русскому стилю на Голодае захоронены казненные знакомцы Пушкина. Но есть у этой даты и еще один, пророческий и трагический для Пушкина смысл. Весной или в начале лета 1825 года поэт пишет своего «Андрея Шенье». В письме от 13 июля того же года осведомляется у П.А.Вяземского, читал ли тот эти его стихи? Дата письма здесь не случайность. Пушкин помнил, когда казнен Шенье, и сам указывал дату в примечаниях к стихотворению. Шенье обезглавлен накануне падения якобинской диктатуры 25 июля (по европейскому стилю) 1794 года. По русскому стилю для XVIII века это 14, а для века XIX — 13 июля. Столь странное это сближение не могло не поразить воображение поэта, когда он узнал о дате казни и похорон повешенных на кронверке декабристов.

В «Шильонском узнике» есть пророческая строка: «Нас было шесть, пяти уж нет». Начало «Ариона» вторит почти в рифму:

«Нас было много на челне...» Сюда же следует, видимо, отнести и трижды встречающийся у Пушкина набросок стихотворной строки «И я бы мог...» Кстати, один раз карандашный (зачеркнутый и вновь восстановленный) этот набросок мы находим на л. 78 об. в той же третьей кишиневской тетради, а два других на листе с кронверкскими виселицами в ПД 836 (см. вклейку, с. I).

СВОДКА СВИДЕТЕЛЬСТВ*

Обер-полицейстер Б.Я.Княжнин рассказывал в 1830 году:

Когда ночь прикрыла горизонт, я приказал вывезти тела из крепости на дальние скалистые берега Финского залива, вырыть одну яму в лесных прибрежных кустах, закопать тела вместе, а поверхность земли разровнять, чтобы не было видно, где тела зарыты. И только мне одному известно это место захоронения, так как стоя на скале на самом берегу моря, с этой точки я видел две точки выпуклых скал, от которых прямая линия указывает на место этой могилы**.

Под «скалой» в XIX веке понимали и утес, и «скалоподобную почву», то есть то, что мы называем обрывом.

Некто *помощник квартального надзирателя* в середине XIX века поведал Н.А.Благовещенскому:

Знаешь ты Смоленское кладбище? Там есть этакий переулочек налево. Вот мимо армянского кладбища и идти до конца переулка. Как выйдешь к взморью, тут и есть. Тут их всех и похоронили. Ночью их вывезли с конвоем, и мы тут шли***.

Начальник кронверка В.И.Беркопф на рауте у скульптора П.К.Клодта в конце 1850-х сообщил собравшимся, что ночью 14 июля 1826 года извозчик повез трупы из крепости по направлению к Васильевскому острову. У Тучкова моста «из будки вышли вооруженные солдаты и, овладев вожжами, посадили

* По печатным источникам основную подборку материала к этой главе сделал историк А. Д. Марголис, его работу дополнили Т. Н. Ознобишина и В. С. Правдюк.

** *Руликовский И.-К.-И.* «*Nasza Przyszłość*». Киев, 1908. М. 3. С. 382.

*** Вестник Народной Воли. 1886. № 5. С. 15–38.

извозчика в будку». Через несколько часов телега вернулась, с извозчиком расплатились, он отправился домой*.

Голодай — северная часть Васильевского острова, а Тучков мост — единственный, ведущий от крепости в эту часть города.

Н.С.Щукин, литератор, в 1826 году помощник столоначальника Департамента полиции исполнительной:

Повешенных увезли на остров Голодай и похоронили в одной яме в конце острова на пустынном месте <за немецким кладбищем>***.

Слово другим представителям властей:

Преосвященный Исидор:

...погребены в одной яме и засыпаны известью. На могиле стоял караул***.

Аноним, присутствовавший по службе при казни:

Где они похоронены, неизвестно. Говорят, что тела с гириями спустили в море на острове Голодай.

Примечание *Герцена* к этому свидетельству:

Другие говорят, что преступники были зарыты на острове Голодай****.

Продолжим наш «опрос». Слово декабристам. Они, как полагает московский историк С.В.Мироненко, могли слышать о тайном погребении своих товарищей от участвовавших в нем солдат, от священника Мысловского, или, как Н.В.Басаргин, от одного из крепостных сторожей. 14 июля декабристы находились еще в крепости.

И.И.Горбачевский:

Одни говорят, что тела похоронены за Смоленским кладбищем на острове, другие — около завода Берда, тоже на острове. Положительно об этом последнем не знаю <...> Работали яму и прочее... солдаты инженерной команды Петербургской крепости вместе с палачами*****.

* Русский архив. 1881. № 2. С. 346.

** Дружба народов. 1975. № 12. С. 279.

*** Русский архив. 1902. № 10. С. 181.

**** Полярная Звезда. 1861. Кн. VI. С. 75.

***** Горбачевский И. И. Записки. Письма. М., 1963. С. 167.

Остров за Смоленским кладбищем — Голодай. На нем был в ту пору и небольшой чугунный заводик. Он есть на плане 1828 года.

А.Е.Розен:

Одни говорили, что ночью в лодке перевезли тела в рогожах и зарыли на берегу Гутуева острова, другие же утверждали — на побережии Голодая, еще другие, что их зарыли во рву крепостном с негашеной известью близ самой виселицы*.

Так рождаются легенды. Можно проследить цепочку: чугунный завод на Голодае — чугунный завод в районе Гутуева острова.

М.А.Бестужев:

Их схоронили на Голодае за Смоленским кладбищем, и, вероятно, недалеко от Галерной гавани, где была гауптвахта, потому что с этой гауптвахты наряжались часовые, чтобы не допускать народ на могилу висельников. Это обстоятельство и было поводом, что народ повалил туда толпами**.

На Голодай можно попасть через мост в створе 8—9 линий и через Немецкий мост близ Смоленского кладбища. От Галерной гавани второй путь — ближайший, и слова «за Смоленским кладбищем» указывают на северную часть Голодая. По сведениям помощника квартального, караул стоял четыре месяца. Его же фраза «И мы тут шли», видимо, относится к обратному пути похоронной процессии. Полицмейстер Карл Федорович Дершау не стал бы гнать телегу с *такой* поклажей через полгорода***. Но от Тучкова моста на Голодай куда ближе по набережной Малой Невы, мимо Винного городка (через мост 8—9 линий), ведь не надо делать километровый крюк, не надо ехать под окнами домов Малого проспекта.

М.С.Лунин:

Родным запретили взять тела повешенных. <...> Ночью кинули их в яму, засыпали негашеной известью****.

* Розен А. Е. Записки декабриста. Иркутск, 1984. С. 181.

** Воспоминания Бестужевых. М.; Л., 1951. С. 136.

*** В справочнике Л. А. Черейского «Пушкин и его окружение» (Л., 1989. С. 138) ошибочно указано, что Дершау был обер-полицмейстером с 1822 по 1829 г. Дершау был исполняющим должности обер-полицмейстера с 1829 по 1830 г., а с 1822 г. служил василеостровским полицмейстером. (См.: Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или адресная книга / Издал С.Аллер. СПб., 1822. С. 356.)

**** Лунин М. С. Письма из Сибири. М., 1987. С. 57.

А.М.Муравьев:

...тайно преданы земле на одном из островков Невы*.

Запомним это свидетельство, ибо сказать о Голодае «островок», все равно что сказать Васильевский островок (или Петровский).

Н.В.Басаргин:

...свезли тайно в ночное время на устроенное для животных кладбище, называемое Голодай**.

Басаргин — южанин, и название острова он принял за название кладбища для скота. Такое тоже было на Голодае, в центральной его части.

В.И.Штейнгейль:

Тела погибших в следующую ночь тайно отвезены на остров Голодай и там зарыты скрытно***.

Прибавим свидетельство *Марии Николаевны Волконской*:

Их тела были положены в два больших ящика, наполненных негашеной известью, и погребены на Голодаевском острове. <...> Часовой не допускал до могил...****.

Итак, уже четверо говорят о карауле, стоявшем над могилой до холодов: отец Исидор, помощник квартального надзирателя, М.А.Бестужев и М.Н.Волконская.

Четверо упоминают и о применении извести: Исидор, А.Е.Розен, М.С.Лунин и М.Н.Волконская. О том, что такой способ захоронения неизвестных и преступников на Руси практиковался еще в средневековье, в 1827 году сообщил «Московский вестник»*****. В это нелегко поверить, но даже преосвященный Исидор, еще при жизни Пушкина сообщивший об извести врачу И.Н.Снегиреву, не был, кажется, шокирован таким способом захоронения.

Следующая группа — лица, сочувствующие декабристам:

* Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. 1931. Т. I. С. 131.

** Мемуары декабристов: Южное общество. М., 1982. С. 56.

*** Штейнгейль В. И. Сочинения и письма. Иркутск, 1985. Т. I. С. 173.

**** Волконская М. Н. Записки. СПб., 1904. С. 14.

***** Московский вестник. 1827. № 4. Ч. I. С. 354.

Д.С.Левшин утром 14 июля проходил мимо кронверка и увидел, как «клали все пять трупов на телегу, и узнал тела Пестеля и Сергея Муравьева-Апостола, которых прежде знал лично». *Д.И.Завалишину* Левшин говорил, что «трупы были нагие» и что «могила находится на Голодае»*.

Н.А.Рамазанов вспоминает о двух слухах. Согласно первому, казненных «зарыли на острове Голодай». По второму, ничем не подтвержденному, «тела были вывезены на взморье и там брошены с привязанными к ним камнями в глубину вод»**.

П.А.Вяземский:

Как дотронуться до одного осуждения, не расшевелив всех осуждений, не подняв со дна Сибири всего дела, не повернув мертвых без гробов...***

Видимо, *М.Н.Волконская* все же ошиблась: ящики — не гробы. В них привезли известь, чтобы засыпать могилу.

А.М.Жемчужников, художник, сын петербургского гражданского губернатора:

Весною 1853 года (видимо, описка, имеется в виду 1852 г. — *А.Ч.*) <...> я отправился разузнать что-либо о Федотове на его квартиру <...> Федотов жил тогда в 21 линии, близ Большого проспекта. Федотов пошел по направлению к Смоленскому полю, затем, выйдя на поле недалеко, сел на гранитный камень <...> Сколько раз бывал я здесь с Федотовым, Бейдеманом и один: вдаль виднелось Смоленское кладбище в виде леса, за кладбищем был известный нам курганчик над телами казненных декабристов. (Здесь мемуарист делает сноску. Далее ее текст — *А.Ч.*) На острове Голодае. На этом острове закапывалась павшая скотина. Теперь нет и признаков этого возвышения <...> Налево, к взморью — Галерная гавань, — городок бедняков; блстело взморье, а за спиною был город****.

Рощи Смоленского кладбища с этого места перекрывали северную сторону Голодая (западная оказывается левее). Курганчик со Смоленского поля, конечно, не виден. Он — за рощами*****.

* *Завалишин Д. И.* Записки декабриста. СПб., 1906. С. 248.

** Русский архив. 1881. № 2. С. 346 (примечание к рассказу В. И. Беркопфа).

*** Остафьевский архив кн. Вяземских. М., 1899. Т. III. С. 188.

**** *Жемчужников А. М.* От кадетского корпуса к академии художеств: 1828—1852 г. М., 1926. Вып. I. С. 133.

***** Подробный план столичного города Санкт-Петербурга, снятый по масштабу 1:4200 под начальством генерал-майора Шуберта. СПб., 1828. (См. вклейку, с. VII.)

А.А.Жандр, сенатор, в молодости друг Грибоедова, в конце 1850-х рассказал владимирскому помещику Д.А.Смирнову:

Потом этих несчастных положили в лодку, прикрыли чем-то, отвезли на один пустынный островок Невы и там похоронили. Мы на этот островок ездили (тем же летом. — А.Ч.)...

— Что же вы там нашли?

— Ничего, кроме кустов, — никаких следов могил, только тут какой-то солдатик шатался... Мы его расспрашивать не стали*.

Это одно из самых ценных свидетельств: «пустынный островок Невы», где «ничего, кроме кустов» (плюс караульный на пустынном островке). Ошибка же с лодкой, на которой якобы вывезли тела казненных, вполне понятна. Очевидно, что Жандр «ездил» туда на лодке (ниже мы увидим, что через год по чьему-то совету именно так сделает и Пушкин).

Подготовленная к печати рукопись Д.А.Смирнова чудом уцелела, не попав в пожар, уничтоживший после смерти автора и его имение, и богатейший архив. Писаны заметки рукой самого мемуариста, и только этот последний эпизод перебелен переписчиком. Длинный ряд точек намекает на объяснение данного нетривиального обстоятельства. Видимо, писарь зафиксировал пропуск в тексте.

Что это за пропуск?

Г.А.Невелев предположил, что Жандр ездил на Голодай вместе с Грибоедовым**. Предположение вполне логичное: после освобождения из-под стражи Грибоедов жил на квартире Жандра. Строчка точек свидетельствует в пользу догадки историка. И совпадение описания с пушкинскими черновиками «Медного всадника» («Пустынный остров...», «Кой-где растет кустарник тощий...») могут быть не случайностью, а эхом пушкинского общения с Жандром или его таинственным спутником.

Смирнов подчеркивает, что Жандр декабристов осуждает. И тем более в 1850-х было неуместно упоминание о поездке Грибоедова на могилу казненных. Кстати, несмотря на пропуски и умолчания, рукопись издана была лишь в XX веке. Текст первой (и даже второй) публикации с рукописью никто не сверял. Потерялся длинный ряд точек, «пустынный островок» превратился в «пустынный остров».

* ГЦТМ. Рукописный отдел. Ф. 254. Ед. хр. 4. С. 41.

** Невелсв Г. А. С. 139.

И вписанный рукой Смирнова (так по рукописи!) комментарий «Голодай, где хоронятся самоубийцы» — попал в текст.

Смирнов Петербурга не знал и решил, что «пустынный островок Невы», где «ничего, кроме кустов», — это и есть Голодае. Не заметили противоречия и исследователи. А ведь на Голодае канатная фабрика, чугунный завод, Чухонская слобода, и бор, и Винный городок, и несколько кладбищ. Жандр и его спутник не нашли «следов могил». И не могли их найти: об этом позаботился обер-полицмейстер Княжнин. Зато видели «шатавшегося солдатака», очевидно, одного из тех, кто летом 1826 года посменно охранял братскую могилу.

Мнение А.А.Ахматовой:

Кроме Голодая на взморье много мелких островков. На них действительно сидят морские птицы — чайки, утки; сушатся рыбацьи сети, иногда догнивает дырявая лодка, чернеют следы костров. Так, во всяком случае, было в начале XX в., когда я часто там бывала*.

Вспомним и слова А.М.Муравьева об «одном из островков Невы». Может, и впрямь искать надо не на самом Голодае, а на одном из прибрежных островков, согласно описаниям Петербурга XVIII века тоже принадлежавших к Васильевскому острову?

Выслушаем тех, кто знал место этой могилы. Их двое:

М.Ф.Каменская, дочь скульптора и медальера Ф.П.Толстого, спустя 68 лет вспоминала:

Осенью 1826 года у Александры Петровны Гомзиной часто гостила несчастная вдова Рылеева, которая, право не знаю за что, очень полюбила меня и даже часто водила с собой на могилу мужа своего. Помню, что наши говорили тогда при мне, что вдове Рылеева, по какой-то особой к ней милости, позволили взять тело мужа и самой похоронить его на Голодае, только с тем, чтобы она над местом, где его положат, не ставила креста и не делала никакой заметы, по которой бы можно было заподозрить, что тут похоронен кто-нибудь.

А.П.Гомзина — дочь П.И.Мысловского. Того самого, что исповедовал и причащал осужденных на казнь, а после переписывался с Н.М. Рылеевой. Восьмилетняя Каменская могла и не знать, что могила на Невском взморье была братской. Слова «наши говорили тогда при мне...» вполне правдоподобны: такие разговоры и впрямь могли вестись в этом доме. А жила Гомзина в доме 45 по

* Ахматова А. А. Сочинения в двух томах. М., 1986. Т. 2. С. 401.

9 линии Васильевского острова, то есть совсем недалеко от Голодаевской могилы (это минут десять—пятнадцать пешком). Вот почему Рылеева «часто гостила» у нее осенью 1826 года.

Каменская объясняет, что Н.М.Рылеева брала ее на Голодай «для бодрости»:

И точно, на том месте, куда мы ходили, креста не было. Но не утерпела несчастная женщина, чтобы своими руками не натаскать на ту землю, под которой лежало ее земное счастье, грудку простых булыжников и не утыкать их простыми травками и полевыми цветами... Для постороннего глаза эта грудка камешков была совсем незаметна, но мы с нею видели ее издалека и прямо шли на нее...

Отвергая мелькнувшее в печати сообщение о том, что тело Рылеева было украдено декабристами, Каменская сетует:

...и будь Голодай в том же виде, как он был 68 лет тому назад, я бы по моей, детской еще памяти, указала вам место, где положен Рылеев... Но в том-то и беда, что Голодай-то, говорят, стал совсем не тот: весь сосновый лес с него срублен, остался один пустырь... Поди и булыжники, к которым в 1825 году (опечатка или описка. — А. Ч.) мы вдвоем с Рылеевой вдовой ходили плакать, давно втопгались в землю, и не осталось у меня никакого вещественного доказательства в моей правоте...*

Федор Иванович Миллер, статский советник, друг и, видимо, духовное чадо П.Н.Мысловского. Отрывки из его писем к вдове Рылеева неоднократно публиковались. Правда, историки спутали Федора Ивановича с Федором Петровичем Миллером, сослуживцем Кондратия Рылеева по конно-артиллерийской роте в 1817—1818 годах. Ошибка эта кочует из работы в работу, и в науке утвердилось трогательная легенда о верном до гроба друге Рылеева. Когда-то Ф.П.Миллер дал пощечину ротному командиру и имел дуэль, где Рылеев был секундантом.

Письма Ф.И.Миллера к Наталье Михайловне Рылеевой хранятся в Центральном Государственном архиве литературы и искусства СССР в 423 (рылеевском) фонде**.

В начале марта 1827 года Рылеева покинула Петербург, отъехав в воронежское имение своих родителей. Через две недели Миллер пишет первое письмо:

* Исторический вестник. 1894. № 4. С. 42.

** ЦГАЛИ. Ф. 423. Оп. 1. Ед. хр. 61.

17 марта 1827 года:

Расставшись с вами, не мог я, по повороту, долее минуты следовать глазами за скрывающейся из вида нашего повозкой вашею (л. 1).

6 мая 1827 года:

Скорбь ваша легла близко к сердцу моему. Не могу забыть убедительных просьб друга моего Петра Николаевича и поручений его, деланных мне в самом начале невозвратной потери вашей.

Тут же:

Поспешу разве к другу моему и к другу вашему Петру Николаевичу и упрошу его, чтобы помолились о здравии многострадальной Наталии и об облегчении тяжкой скорби ея (л. 7—8).

Петр Николаевич — протоиерей Казанского собора Мысловский.
13 мая того же года. Письмо передано с оказией:

Ежели Бог поможет, то хочется с 2-м Тимофеевым съездить в Батово и 2-го июня в Рождественске отслужить литургию и помолиться о упокоении — души усопшей рабы Божией Анастасии; а ровно через два месяца сходить с дочерьми моими в известную вам сторону, отслужить панихиду и вместо вас тамо на самом месте пролить слезы моления о упокоении Души друга вашего.

Прокомментируем: Тимофеев 2-й — рождественский помещик. Рождественск — село Рождествено близ Батова. Екатерина произвела его в город, но Павел разжаловал. 2 июня — день смерти Анастасии Матвеевны Рылеевой, матери поэта. Ее могила на старом рождественском кладбище сохраняется и по сию пору.

О том, куда намеревается пуститься Миллер 13 июля, легко догадаться из самой даты.

3 июня:

Петр Николаевич живет теперь на даче, находящейся в 12-ти верстах от города, именуемой Ульянка. <...> Я же с семейством моим и Екатериной Петровною третьего дни ходил я (так в рукописи. — А.Ч.) в Смоленскую и молился, где следовало, вчера же, то есть 2-го июня, поминал усопшую рабу Божию Анастасию. Через месяц и десять дней, испросив от вас позволение и получив в надежде на дружбу вашу, согласие в рассуждении возложения на меня печали и горя вашего, пушусь с Божиею помощью на уединенный остров и принесу усердную молитву о...

Прошу вас всепокорнейше не лишать меня сего утешения и не делать препятствий (л. 15—16).

Прибавим к дате письма «месяц и десять дней» и получим то же 13 июля. Итак, искать следует на «уединенном острове» где-то неподалеку от Смоленской церкви. «Уединенный» — эпитет не для Голодая. До десятых годов XIX столетия Голодай вообще не выделяется картографами из состава Васильевского острова, а Черная речка меж Васильевским и Голодаем в книгах конца XVIII века именуется «мутным ручьем»*. И какое уж тут «уединение», если с одной стороны «ручья» православное кладбище, с другой — немцкое и армянское. Все три вкупе зовутся Смоленским. (Позже и Черная речка станет Смоленкой.)

24 июня:

Я с нетерпением ожидаю ответа от вас, многолюбнейшая Наталья Михайловна, на просьбу мою, изложенную к вам в письме моем, препровожденном с Николаем Федоровичем, касательно будущего месяца. Не откажите в оной вам много и премного истинно преданному (л. 18 об.).

Николай Федорович — воронежский помещик, с которым было отправлено письмо от 13 мая. Просьба — желание отслужить панихиду «на самом месте», то есть на могиле.

15 июля:

Приятнейшее письмо ваше от 23 июня к несказанному моему удовольствию я имел честь получить сего июля 5-го. <...>

Не могу вам выразить моей радости и чувствительнейшей благодарности, что вы, прелюбезнейшая Наталия Михайловна, не отвергли убедительных просьб моих касательно чтения слова Божия, и что вы благодаря Бога находите в нем единственное себе утешение <...> И чаще того бродил к местам, где почит драгоценный прах любезнейших сердцу вашему Особ, и тамо, вместо вас, взсылая со слезами ко Всевышнему теплейшие моления мои о упокоении душ их — исцелялся. С 1-го же числа до половины сего месяца ходил туда всякий день... (л. 19).

2 августа:

28 июля в день Храмового праздника Смоленская Божия Матери при прекраснейшей погоде было на оном стечение народа столь велико, что несмотря на пространство кладбища, с большим трудом должно было протиснуться сквозь повсеместную толпу, однако мне удалось протолкаться и быть в тех местах, где поживает драгоценный прах близких сердцу вашему и помолиться о... (л. 21 об.).

* Описание Российско-императорского столичного города Санкт-Петербурга, сочинение И. Г. Георги. СПб., 1794. С. 141 и след.

7 февраля 1828 года:

Помнится, что о месте пребывания Екатерины Ивановны Бибиковой я вас уведомлял и просил о присылке письма ко мне...*

Как изменился тон! Б.И.Бибикова — сестра Сергея Муравьева-Апостола, которой Николай не разрешил похоронить смертные останки ее брата. Миллер не раз просит Н.М.Рылееву экономить на конвертах и всем писать на его имя. Клянется, что, не читая, сам разнесет по адресам. Верить этому?.. И чего ради ему, начальнику архива канцелярии министерства финансов — пост солидный! — бегать по городу посыльным?

Скоро он станет опекуном рылеевской дочери. Из писем уйдет теплота, останутся лишь сантименты да нравоучения. По цепочке Мысловский — Миллер правительство уведомит вдову о выплате ей пособия от «НЕИЗВЕСТНЫХ ОСОБ». Именно так, в разрядку и заглавными буквами выведет это Федор Иванович, прося ни в коем случае не отвергать сей дар. Да как отвергнешь, когда сама графика — так в деловых бумагах писались слова «государь император», — не оставляет сомнений, кем даются эти деньги.

Что такое Федор Иванович Миллер? Портрет расплывается, как чернила на волглom листе его письма от 15 июля 1827 года. (Видимо, подмочено при пересылке. В этом может быть виновата та самая гроза, которая, как мы еще увидим, чуть не утопила и Пушкина.)

Его собственный сын, лейтенант гвардейского экипажа, 14 декабря вышел на Сенатскую, но покинул мятежное каре еще до картечи. Членом Общества он не был, отделался крепостью да Кронштадтом, а в июне 1826 года последовал царский приказ «немедленно освободить». Менее повезло племяннику Федора Ивановича, штабс-капитану лейб-гвардии Финляндского полка Николаю Репину: пошел в Сибирь. И печальна судьба обоих: в 1831 году сын умрет на юге от холеры, а племянник в тот же год погибнет на поселении в ночном пожаре.

В Пушкинском Доме хранятся несколько писем Ф.И.Миллера более позднего времени**. На них мне повезло обнаружить ряд приписок и помет Н.М.Рылеевой. Миллер жалуется на ее недоверие к нему. Ну а Рылеева вымарывает из писем опекуна своей

* ЦГАЛИ. Ф. 423. Оп. 1. Ед. хр. 62.

** ИРЛИ. Ф. 269. Оп. 2. № 56.

дочери все адресованные ей медоточивые эпитеты. Видимо, отношения их испортились окончательно.

И все ж благодаря Ф.И.Миллеру мы знаем: могила казненных была на «уединенном острове» за Смоленским кладбищем. Или, как утверждают другие, — «на одном пустынном островке Невы», где «ничего, кроме кустов» (Жандр), «на одном из островков Невы» (Муравьев), «на взморье», «в конце острова», «на островке».

Островок, входящий в состав Голодая и расположенный в северной его части, малый остров, куда можно пройти пешком через брод или временный мостик, клочок суши, закрытый, если смотреть со Смоленского поля, рощами Смоленского кладбища, — это остров Гоноропуло. Первый из трех островков в километровой голодаевской косе, с юга отделенный от Голодая протокой, которая в самом узком месте — два метра шириной. И сам островок — полтора метра на триста — лежит одновременно и в Неве, и на взморье. На нем и впрямь никаких строений: на плане Ф.Ф.Шуберта отмечено лишь несколько деревьев. Луг да болото. Да кустарник (он нанесен на планах 1823 и 1865 гг.). В северо-восточной части острова, в нескольких метрах от берега — V-образный в плане обрыв (стрелка разрушенного наводнениями вала). К востоку от вала — береговая полка, протока, а за ней — высотка с «Избушкой Рыбаков» (так на плане). Других рыбацких избушек на Голодае нет. Впрочем, еще в 1819 году высотка занята артиллерийской батареей, запиравшей вход в Малую Неву. И обрыв на Гоноропуло — руины фортификационного вала, который по правилам военной науки XVIII века должен располагаться за рвом: вал и превращенная в ров протока защищали батарею с запада. Место это действительно «на побережии Голодая».

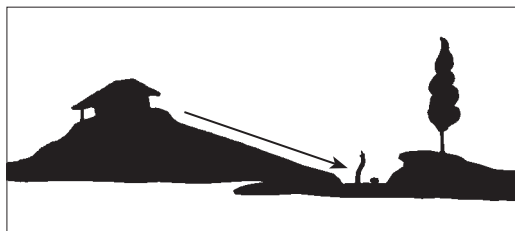
Княжнин говорил о выпуклых скалах. Но на Голодае две «скалы» рядом — лишь в этом месте. Они и впрямь «выпуклые», если смотреть с Петровского острова: стрелка вала на плане выше вала, а высотка с избушкой, судя по длине штриха, не только раза в два выше стрелки, но и сама взбухает на севере крутой макушкой. Здесь и стоит изба рыбаков. (См. вклейку, с. VIII–IX.)

На Петровском к берегу подходит еще один земляной вал.

Тут, рядом с валом, — брандвахта, пост полиции для наблюдения за акваторией и входящими в Малую Неву судами. Сюда обер-полицмейстер обязан наведываться по долгу службы. Отсюда удобно присматривать и за могилой казненных.

Линия меж двумя «выпуклыми скалами» проведена самой природой. С вала на Петровском или с брандвахты вход в протоку почти не виден, а гребень высоты в проекции сходит вниз и упирается в гоноропуловский берег прямо у вала.

Убедимся в точности этой привязки:

В 1830 году в тесном кругу Княжнин провоцировал киевских помещиков. И когда те благонамеренно изумились, зачем он сие излагает, полицейский дал весьма замечательное разъяснение: мол, то, что сегодня считается дурным, завтра может оказаться добрым.

Киевляне, кажется, не поняли странной выходки генерала, не уразумели, что генерал испытывал их верность престолу. Но, как опытный шпион правительства (а именно в такой роли знали Б.Я.Княжнина и в бытность его на Дону), генерал действует по испытанной, можно сказать, классической схеме.

В тоталитарной стране и раб, и царь несвободны. Свободен (субъективно, конечно) только жандарм. Он один может прилюдно охаять и царя, и Царя Небесного, один может похвастать знанием, где зарыл тела казненных, и даже намекнуть, что потомки придут на это место поклониться подвигу. Стукач-профессионал, он находит высшее наслаждение в безнаказанности. Циник, он искушает слушателей, выдавая им часть подлинной правды. Он уверен: по его очень точной и даже остроумной привязке найти захоронение весьма сложно. Потому что это лишь «местная привязка». Пойди поищи эти «дальние скалистые берега Финского залива», если не знаешь, что речь о Голодае, а смотреть надо с Петровского.

И все-таки жандарм выдал тайну. Проще — проболтался.

Ну откуда ему было знать, что один из слушавших запишет его откровения по-польски, что через десятилетия рукопись эта будет опубликована?

...У каждой экспедиции свой маршрутный лист. Для голодаевской экспедиции «Огонька» им стал пушкинский «путеводитель» из повести, записанной со слов поэта его приятелем В.П.Титовым.

ПУТЕВОДИТЕЛЬ

О том, что первая страница «Уединенного домика на Васильевском» — описание пути к могиле казненных, догадалась Анна Андреевна Ахматова. (Волей исторических сближений она разделила эту боль: сама искала здесь тайную могилу Николая Гумилева.)

Литератор Владимир Титов поведал, как появилась в «Северных цветах на 1829» странная сказка, подписанная псевдонимом Тит Космократов.

Пушкин рассказал ее у Карамзиных. Титов, придя домой, записал (память у него, по мнению современников, была более чем отменной), а наутро разыскал Пушкина у Демута, убедил прослушать и воспользовался «многими поправками» поэта.

И текстологи, и Ахматова как наиболее пушкинскую выделяют лишь первую страницу повести. То ли Титов запомнил ее почти дословно, то ли поэт продиктовал ее.

Ахматова категорична:

К сюжету описание острова Голодая не имеет ровно никакого отношения, и ничто другое так подробно в повести не описано*.

И в другой работе:

Уединенный домик. Описание могилы декабристов (место)**.

К ахматовскому выводу присоединился Геннадий Невелев:

Исторический анализ описания северной оконечности Васильевского острова в «Уединенном домике на Васильевском» дает основание утверждать, что выбор в качестве сценической площадки повести именно этой части острова связан с предпринятым поэтом поиском могилы казненных декабристов...***

Пройдем же по Васильевскому вместе с Пушкиным (см. вклейку, с. III–IX):

* Ахматова А. А. С. 119–126.

** Там же. С. 171.

*** Невелев Г. А. С. 141.

«Кому случалось гулять кругом всего Васильевского острова...»

С первой строки ясно, что прогулка наша состоится по берегу: мы пойдем кругом Васильевского, а не поперек, то есть через мост в створе 8—9 линий, а не через Немецкий мост.

«...тот, без сомнения, заметил, что разные концы его весьма мало похожи друг на друга. Возьмите южный берег, уставленный пышным рядом каменных огромных строений, и северную сторону, которая глядит на Петровский остров и вдается длинною косою в сонные воды залива. По мере приближения к этой оконечности...»

Вновь подчеркнуто, что путь наш лежит вниз по течению Малой Невы, в направлении километровой голодаевской косы из трех островков — Гоноропуло, Кашеварова и Жадимировского. С косы для Пушкина и начинается залив. Значит, Гоноропуло — это уже взморье.

«...каменные здания, редя, уступают место деревянным хижинам; между сими хижинами проглядывают пустыри; наконец, строение вовсе исчезает, и вы идете мимо ряда просторных огородов, который по левую сторону замыкается рощами».

Именно тут, через мостик в створе 8—9 линий, должна была ехать телега с телами казненных. Если, конечно, их и впрямь не переложили в лодку где-нибудь у истока Смоленки. Но и лодка будет спускаться вниз по течению параллельно этой дороге, ведущей мимо чугунного заводика и торца канатной фабрики. При Екатерине II на месте фабрики был острог для каторжников.

Но если лодку не использовали, то сразу за «канаткой» телега двинулась или по берегу, или по гребню земляной дамбы, окружавшей эту часть Голодая. Слева от дамбы — «ряд просторных огородов». За ними — рощи Смоленского кладбища. Те самые, которыми Л.М.Жемчужников будет любоваться со Смоленского поля. А поскольку зодчий Гомзин жил в 9-й линии, значит, той же дорогой ходили Рылеева и Каменская.

«Он приводит вас к последней возвышенности, украшенной одним или двумя сиротливыми домами и несколькими деревьями».

«Последняя возвышенность» — уже знакомая нам высотка с рыбацкой избушкой. Рыбаки укрываются в ней только в случае неожиданного ненастья. Сейчас избушка безлюдна. Сиротлива.

«Ров, заросший высокою крапивою и репейником, отделяет возвышенность от вала, служащего оплотом от разлитий...»

Руины вала, как мы уже знаем, и впрямь высятся над возвышенным берегом Гоноропуло. Возвышенность — ров — вал. Так у Пушкина, так у Шуберта. Две «скалы», друг против друга. Так и у Княжнина.

Ошибся поэт в одном. Эту ошибку подметил историк А.Д.Марголис: вал на Гоноропуло — фортификационное сооружение, а не «оплот от разлитий». Но в 1827 году уже не было голодаевской батареи, и вал, куда более старый, чем соседняя дамба, должен был восприниматься как часть водозащитных голодаевских сооружений, возведенных после наводнения 1824 года.

«...а дальше лежит луг, вязкий как болото, составляющий взморье».

Так и у Шуберта. Луг за валом переходит в болото. И именно отсюда начинается взморье, берег Финского залива. Ведь Гоноропуло — первый островок косы, которая «вдается в сонные воды залива». Здесь Малая Нева заметно начинает расширяться, сбивая с толку и мемуаристов. Княжнин говорит о заливе, помощник квартального — о взморье. Ему вторит и анонимный слух, записанный Н.А.Рамазановым. И спорят («островок Невы!») А.М.Муравьев и А.А.Жандр.

Классическим стихам «Медного всадника» — «Остров малый / На взморье виден...» предшествовал черновой набросок «Есть малый остров у залива, / Кой-где растет едва крапива...»

Сомнение поэта точно рисует эту двойную с точки зрения реальной географии картинку. Но ведь и другие спорят — взморье или еще река? Этот заочный спор, эта «несогласованность» еще раз указывают на островок Гоноропуло.

«И летом печальны сии места пустынные, а еще более зимою, когда и луг, и море, и бор, осеняющий противоположные берега Петровского острова, — все погребено в седые сугробы, как будто в могилу».*

Бор на Петровском выходит к берегу клином как раз напротив (это бор вокруг «путевого дворца»). Восточней и западней — лиственный лес, его с бором не спутать, тем более зимой.

* Пушкин А. С. Полн. собр. соч.: в 10 т. М., 1958. Т. IX. С. 507.

И еще одна, очень важная подробность из «Уединенного домика...»: ближайшей к «последней возвышенности» в повести названа церковь Андрея Первозванного.

Нетрудно убедиться, что мы правильно шли по пушкинскому путеводителю. Если идти не «кругом», а поперек Голодая — много ближе окажется Смоленская церковь.

Видимо, дорогой через Немецкий мост, той, о которой рассказал помощник квартального, Пушкин не пользовался, предпочитая прогулку по берегу реки.

Кстати, именно такую прогулку по валу «вокруг всего острова» рекомендует книга из личной библиотеки Пушкина*. Даром, что вал другой, и остров не Васильевский — Елагин.

Поэт отметил это место чернильным крестиком (исследователи почему-то не заметили ни маргиналий, ни рисунков Пушкина в этой книге) и, воспользовавшись некоторыми довольно характерными клише, воспроизвел стиль путеводителя XVIII столетия в своем голодаевском путеводителе.

СВИДЕТЕЛЬ АХМАТОВА

Комментируя «Евгения Онегина», Владимир Набоков называл аракчеевские военные поселения прообразом сталинских колхозов.

Исторические аналогии суть политические технологии. Вообразим, что живет человек, способный провидеть, как современные частности густо прорастают в грядущем, как единичное событие тянет за собой нерасторжимую цепь других — тяжкую, кандальную. Вглядываясь в казарменное рабство российских пахарей, Пушкин в своем «Путешествии из Москвы в Петербург» пророчил пепелище на месте романовского дома. Чертя виселицы на черновике, угадывал грядущие возмущения и казни.

Что воображал он, стоя над братской могилой повешенных? Неужели Колыму, Курапаты и Токсово — многие километры смертных отечественных ровов XX века?

Похоже, что так. Вот и подросток Лермонтов предсказывал появление в России «черного человека»:

* Описание... города СПб. С. 154.

Настанет год, России черный год,
Когда царей корона упадет...

22 апреля 1834 года Пушкин напишет жене:

...Аракчеев также умер. Об этом по всей России жалею я один — не удалось мне с ним свидеться и наговориться.

Вспомним пушкинское «Путешествие из Москвы в Петербург»:

Молодой мой образ мыслей и пылкость тогдашних чувствований отвратили меня от него и помешали мне изучить один из самых замечательных характеров, которые удалось мне встретить.

О чем и о ком это?

В главе «Шлюзы», пересказывая Радищева, Пушкин пишет:

В Вышнем Волочке Радищев любит шлюзами — благословляет память того, кто... сделал реку рукодельною <...>. Но вскоре мысли его принимают обыкновенное свое направление. Мрачными красками рисует он состояние русского земледельца.

И тут, процитировав две страницы про помещика, который отнял у крестьян даже одежду, Пушкин, не доехав до Питера (а кто вам сказал, что, садясь в карету или автомобиль, вы доедете до конечного пункта?) обрывает свое «Путешествие...»

Перечитаем в контексте всего высказывания:

Помещик, описанный Радищевым, привел мне на память другого, бывшего мне знакомого лет 15 тому назад. Молодой мой образ мыслей и пылкость тогдашних чувствований отвратили меня от него и помешали мне изучить один из самых замечательных характеров, которые удалось мне встретить. Этот помещик был род маленького Людовика XI. Он был тиран, но тиран по системе и по убеждению, с целью, к которой двигался он с силою души необыкновенной и с презрением к человечеству, которого не думал и скрывать. Сделавшись помещиком двух тысяч душ, он нашел своих крестьян, как говорится, избалованными слабым и беспечным своим предшественником. Первым старанием его было общее и совершенное разорение. Он немедленно приступил... и в три года привел крестьян в жестокое положение. Крестьянин не имел никакой собственности, он пахал барскою сохою, запряженной барской клячею, скот его весь был продан, он садился за спартанскую трапезу на барском дворе; дома не имел он ни штей, ни хлеба. Одежда, обувь выдавалась ему от господина, — словом, статья Радищева кажется картиною хозяйства моего помещика...

Дальше Пушкин делает упомянутое разъяснение:

Как бы вы думали? Мучитель имел виды филантропические. Приучив своих крестьян к нужде, терпению и труду, он думал постепенно их обогатить, возвратить им собственность, даровать им права!

И уже безжалостно как урок царям и предупреждение еще не появившимся в Европе коммунистам:

Судьба не позволила ему исполнить его предназначения. Он был убит своими крестьянами во время пожара.

Этим пожаром, по мнению Пушкина, все и должно закончиться. И он мог только догадываться, что за этим последует семьдесят лет еще более гнусного (но в том же духе) варварства.

Аракчеев умер 21 апреля 1835 года. Письмо жене написано 22 апреля.

Сестре Сергея Муравьева-Апостола император изволил разъяснить, почему ей нельзя будет взять и похоронить по-христиански смертные останки казненного брата: мол, это «неудобно». Отняв жизнь, верховная власть на сей раз этим не удовольствовалась, — предъявила права и на саму смерть. В примечаниях к «Полтаве» Пушкин спорит: казнили и при Петре, но тела не прятали — отдавали родственникам. Смысл этих примечаний и вскрыла Ахматова в своей, не предназначавшейся для печати статье.

«Как, разве нас судили?» — воскликнет при прочтении приговора один из декабристов.

«Как, разве нас хоронили?» — может сказать на Страшном Суде каждый из тех казненных.

Соблюдение похоронного обряда — это гарантия ценности человеческой жизни.

Укрыв, а проще — украв тела пяти казненных, русские цари исторически были обречены на последнюю реплику пушкинского вещего Олега: «...Мне смертию кость угрожала!»

Нам страшно задним числом. Пушкину было страшно впрок.

Ахматова стала очевидцем сбывшегося пророчества.

Свою боль она могла высказать лишь в пушкиноведческой статье, датированной 23 января 1963 года.

«Пушкин и Невское взморье» — прежде всего автобиография, и только потом пушкинистская работа. Это видно даже по мелким неточностям. Скажем, строка «И я бы мог как шут...» действительно

появляется над рисунками с декабристской виселицей, но не на черновиках «Полтавы». И не барон Розен, а А.А.Жандр «ездил по взморью, чтобы найти могилы пяти казненных друзей». Мелкие эти ошибки, не откомментированные ахматоведами, вернее прочего показывают: свою статью Ахматова вынашивала многие годы и записала многое по памяти. Иначе материал был бы под рукой, и, как скрупулезный пушкинист, автор сверился бы с источниками. Источником стала собственная беда: «безымянная могила на Невском взморье должна была казаться ему почти собственной могилой...»*.

Эпоха выдавила ее в пушкинистику.

Ахматова обнаружила два стихотворных текста, где, по ее мнению, описан остров с декабристской могилой. Сначала черновик 1830 года «Когда порой воспоминанье...» (по расшифровке семнадцатитомного Академического издания):

...Стремлюсь привычною мечтою
К студеным северным волнам.
Меж белоглавой их толпою
Открытый остров вижу там,
Печальный остров — берег дикой
Усеян зимнею брусникой,
Увядшей тундрую покрыт
И холодной пеною подмыт.

Сюда порою приплывает
Отважный северный рыбак,
Здесь рыбарь невод расстилает
И свой разводит он очаг.
Сюда погода волновая
Заносит утлый мой челнок...

Мы уже знаем, куда «порой» может приплывать невский рыбак. Повторим: единственная «избушка рыбаков» на голодаевском берегу — именно у берега Гоноропуло, на «последней возвышенности», перед рвом. Устье рва, отмель и начало этой высотки поэт и нарисовал на черновике под последними его строчками.

* Ахматова А. А. С. 126.

Второй фрагмент — строки «Медного всадника»:

Остров малый
На взморье виден. Иногда
Причалит с неводом туда
Рыбак на ловле запоздалый
И бедный ужин свой варит...

До сих пор «остров малый» тождествен «печальному острову» из болдинского наброска. Только вместо пушкинского челнока — челнок чиновника (в черновой и даже в белой рукописи и того откровенней — мечтателя):

Или мечтатель посетит,
Гуляя в лодке, в воскресенье
Пустынный остров...

Ахматова пишет:

Остров Голодай получил свое название не от слова «голод», а от английского Holiday (праздник), потому что английские купцы ездили сюда по воскресеньям*.

Этимолог сообщает, что в XVIII веке на Голодае была мыза англичанина по фамилии Holiday**. Возможно, так думал и Пушкин. Однако это всего лишь городская легенда...

Читаем в петербургском справочнике 1794 года, (в том самом, где мне удалось обнаружить неизвестные пометы и рисунки Пушкина):

На малой Неве есть еще несколько принадлежащих к Васильевскому острову небольших островов и на одном из оных построен из бревен четвероугольный острог, в котором запираются осужденные к тяжелой работе преступники***.

Острог — так следует из приложенного к этому изданию плана — был на месте канатной фабрики. Поражают его размеры: внутренний двор — более трехсот метров в длину. «Голодарь» или «голодай» по Далю — голодный. Сюда приходили с подаванием горожане. Был купец с «праздничной» фамилией или нет, катались здесь англичане

* Ахматова А. А. С. 119.

** Фасмер М. Этимологический, словарь русского языка. М., 1964. Т. I. С. 430.

*** Описание... города СПб. С. 141.

или не катались, — в XVIII веке острог — самое крупное строение на острове. Страшное строение.

Название острова принадлежит восемнадцатому веку, но на планах города оно начинает мелькать лишь с десятых годов века девятнадцатого, уже после того как руины острога приспособили под «канатку». Писать на картах «Голодай», когда тюрьма для каторжников еще стояла на своем месте, было тоже «неудобно».

В отрывке 1830 года есть черновая строка «Кой-где растет кустарник тощий...» В черновике «Медного всадника», как мы помним, был вариант с крапивой. Но поэт стремится уйти от точного портретирования достопамятного пейзажа: «Не взросло / Там ни былинки...»

ПОЛЕМИКА. ТУР ПЕРВЫЙ

Ахматова нигде не утверждала, что «остров малый» из «Медного всадника» — Голодай. Вспомним ее строки: «Кроме Голодая на взморье много мелких островков...» Увы, в первых изданиях этих очень важных строк не оказалось, и читатели ахматовской статьи отождествили «остров малый» с Голодаем. Не с Невским взморьем Голодаевского острова (о чем пишет Ахматова), а со всей «северной оконечностью» Васильевского.

Против такого отождествления первым восстал московский литературовед Александр Тархов. Он просто взял карту и, справедливо рассудив, что Голодай назвать малым островом, где «ни былинки», — невозможно, решил, что «остров малый» — это остров Вольный, лежащий уже в заливе.

«Малым» его можно считать хотя бы по отношению к тому же Голодаю (и все ж с запада на восток Вольный — более километра!). К тому ж Вольный богат растительностью: не кустарником — рощами... Но, если в своей «позитивной программе» исследователь явно ошибается, его критика постахматовской легенды во многом справедлива:

...остров, во-первых, «малый», а во-вторых, «лежит на взморье — чего никак нельзя сказать о Голодае, который, по существу, есть оконечность большого Васильевского острова, и увидеть его отдельно лежащим на взморье просто невозможно. Достаточно взглянуть на карту Петербурга*.

* Тархов А. Е. Повесть о петербургском Иове // Наука и религия. 1977. № 2. С. 62–64.

А.Е.Тархова поддержал Н.В.Измайлов*.

Им возражал Г.А.Невелев. Согласившись на словах с «формальной» правотой литературоведов («...их возражения А.А.Ахматовой справедливы»), он неожиданно заключает:

Но Голодай — возвышенность, вдававшаяся «длинною косою в сонные ряды залива», с низким заболоченным берегом, составляющим взморье, и при взгляде с залива, со стороны Петровского острова, он, будучи резко отделенным речкой от остальной части Васильевского острова, выглядит небольшим пустынным островком**.

Разумеется, такой способ доказательства вызвал протест у краеведов:

В действительности при взгляде с залива ни с Петровского, ни с Крестовского островов речка, отделяющая Голодай от Васильевского, совершенно не видна***.

Особую позицию в споре занял литературовед Ю.Б.Борев:

Учитывая прохождение через цензуру, автору важно, чтобы остров был узнаваем и неузнаваем****.

Замечание вполне резонное: скандал мог возникнуть и после прохождения цензуры. Но если уж ты преподнес читателю Голодай как крохотный островок без единой былинки, «узнавания» не произойдет даже в патологическом воображении цензора.

В.Ф.Шубин, чутко возразивший Г.А.Невелеву и иронизирующий над выкладками Ю.Б.Борева, вдруг сам увлекается и, хотя держит в руках план Ф.Ф.Шуберта, неожиданно заключает:

Голодай трудно счесть удобным и притягательным для воскресных прогулок чиновников, а уж тем более мечтателей <...> большая же часть Голодая <...> представляла собой равнину, занятую огородами*****.

Ни первое, ни второе действительности не соответствует: огорды на Голодае есть лишь в восточной и центральной частях острова.

* Пушкин А. С. Медный всадник / Издание подготовил Н. В. Измайлов. Л., 1978. С. 270.

** Невелев Г. А. С. 134.

*** Шубин В. Ф. К топографии поэмы «Медный всадник» // Временник пушкинской комиссии. Вып. 22. Л., 1988. С. 147—148.

**** Борев Ю. Искусство интерпретации и оценки: Опыт прочтения «Медного всадника». М., 1981. С. 158—159.

***** Шубин В. Ф. С. 148.

А по поводу неудобности и особенно непритягательности, вспомним: «Кому случалось гулять кругом всего Васильевского острова...»

Так простая невнимательность привела к утомительному и бесплодному спору.

Черту подвел тот же В.Ф.Шубин:

Смутное воспоминание о месте захоронения декабристов — это произвольные ассоциации, создавшие своего рода эмоциональный фон эпилога. <...> увлекаться буквальным отождествлением «острова малого» с каким-то из островков невской дельты, по-видимому, не следует*.

Если выражаться академическим языком, — от такой ученой полемики хочется, пожалуй, только возопить.

Поэтическая тайнопись Пушкина — менее всего детская забава припрятать кукиш и кого-либо подразнить.

Это опознавательные знаки болевых точек души. Вольно и невольно, осознанно и бессознательно, с расчетом на читательское понимание или без оного, — русский стихотворец не может не оставить этих примет духовной и житейской бури. Экспертом здесь та же Ахматова: «Когда б вы знали, из какого сора...»

СЕМЬ ГОЛОДАЕВСКИХ РИСУНКОВ

Мой поиск начался с голодаевской атрибуции рисунков поэта в так называемой Третьей масонской тетради (ПД 836). Рисунки эти были предсказаны исследованием Г.А.Невелева:

Сам факт существования у Пушкина текстовых или, возможно, графических записей о месте захоронения казненных декабристов... не вызывает сомнения**.

Для того чтобы легче разобраться в зарисованном поэтом в разные годы и с разных точек (1827—1833) голодаевском пейзаже, пожертвуем хронологией и будем идти от общего к частному.

Для начала рассмотрим руинированный фортификационный вал середины XIX века на голодаевской косе по фотографии, сделанной в 1910-х при строительстве архитектором Фоминым «Нового Петербурга». Вал возведен во время Крымской войны,

* Шубин В. Ф. С. 149.

** Невелев Г. А. С. 135.

видимо, несколько западней размытого наводнениями вала на острове Гоноропуло. Форма вала в плане аналогична гоноропуловской. На фотографии (см. на вклейке, с. XVI) видно, что внутренняя сторона вала пологая, а внешняя — крутая, скалоподобная.

Это объясняет, почему на плане Ф.Ф.Шуберта внутренняя сторона вала на Гоноропуло не обозначена штриховкой.

Перейдем к пушкинским рисункам.

Рисунок I. Он сделан пером осенью 1828 года на обороте 95 листа (пагинация жандармская) в тетради ПД 838. Сравнение его с планом Ф.Ф.Шуберта доказывает идентичность голодаевской атрибуции рисунка.

В пушкинском графическом наследии этот рисунок по размеру уступает лишь голодаевским пейзажам из ПД 836, но о них ниже.

Точно и размашисто Пушкин набросал весьма узнаваемые очертания рва между «последней возвышенностью» на Голодае и островом Гоноропуло. Он передал даже незначительные изгибы береговой линии, которые хорошо читаются на плане. (См. вклейку, с. X—XI)

Этот рисунок может служить иллюстрацией к «устному путеводителю» из повести Титова «Уединенный домик на Васильевском», надиктованному Пушкиным (по догадке А.А.Ахматовой) осенью того же 1828 года:

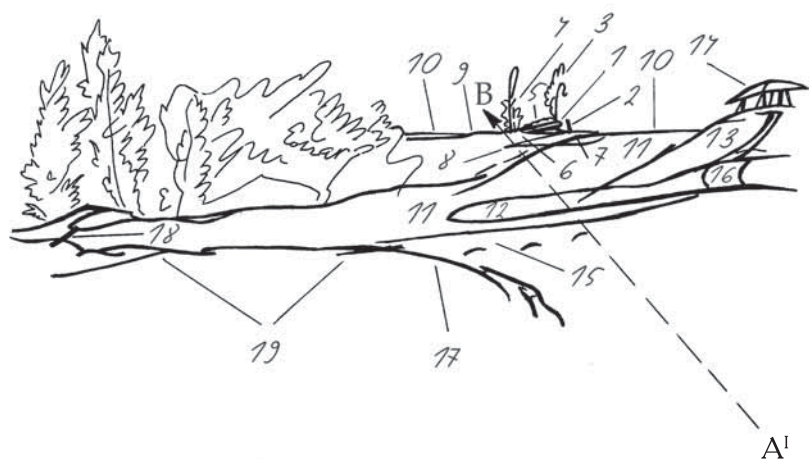
...приводит вас к последней возвышенности, украшенной одним или двумя сиротливыми домами и несколькими деревьями. Ров, заросший высоким крапивой и репейником, отделяет возвышенность от вала, служащего оплотом от разлитий, а дальше лежит луг, вязкий, как болото, составляющий взморье...

«Избушка рыбаков» (так гласит надпись на плане Ф.Ф.Шуберта) находится на северной, самой высокой части «последней возвышенности» (если идти вокруг Васильевского острова вниз по течению Малой Невы).

До наводнения 7 ноября 1824 года на месте избушки стояла артиллерийская батарея, запиравшая вход в устье Малой Невы. Выпуклость северной части «последней возвышенности» отмечена на плане (это и было местом батареи): перед нами горка, нахлобученная на другую горку. Характерную эту особенность Пушкин передает двумя горизонтальными штрихами (ниже избушки).

У самой избушки ясно читается вальмовая четырехскатная кровля, заканчивающаяся с южной торцовой стороны избушки навесом для

СХЕМА РИСУНКА I

- 1 — стрелка вала на острове Гоноропуло
- 2 — обломанный ствол дерева
- 3 — дерево на стрелке вала
- 4 — деревья за валом
- 5 — зелень над стрелкой вала
- 6 — пологая осыпь вала вдоль восточного берега
- 7 — береговая полка и отмель
- 8 — петля береговой полки
- 9 — угол вала, поворачивающего вглубь острова
- 10 — Малая Нева
- 11 — «ров»
- 12 — безымянный островок
- 13 — «последняя возвышенность»
- 14 — избушка рыбаков
- 15 — мостки
- 16 — дорога через островок к избушке рыбаков
- 17 — южный берег «рва»
- 18 — бревно, перекинутое через протоку
- 19 — края дороги, ведущей от мызы
- A' — точка зрения рисовальщика по рисунку I

сушки рыбацких сетей. Навес подперт двумя столбами. Два других столба (или, скорее, две толстых слепи) подпирают западную стену.

Напротив избушки (на рисунке слева от нее) — рунированная (размытая наводнениями) стрелка вала на острове Гоноропуло. Стрелка (на плане она обозначена как острый мыс) — самая высокая часть вала. Над ней лаконичным полукруглым штрихом поэт изобразил шапку растительности (более подробно трава и репейник на стрелке вала прорисованы на рисунках в тетрадах ПД 845 и 836).

Выше стрелки вала — молодое деревце. Оно не отмечено на плане, поскольку топографы XIX века фиксировали одинокие деревья начиная с определенного диаметра ствола.

Справа от стрелки вала — короткий и толстый косой штрих. Это торчащий из земли обломок другого дерева (его мы видим на рисунке 1827 года в ПД 836).

Два других дерева, растущих левее стрелки вала на берегу Малой Невы, отмечены и на плане 1828 года (впрочем, на плане их не два, а три). С той точки, с которой сделан Пушкиным голодаевский пейзаж, деревья почти целиком перекрывают друг друга, и их кроны на рисунке сливаются в одну (но дотошный рисовальщик изобразил под одной кроной два ствола). Через пять лет Пушкин изобразит те же деревья более подробно (см. рисунок II в ПД 845).

Левее двоянного дерева фортификационный вал на плане 1828 года становится ниже и поворачивает к югу. Пушкинское перо фиксирует и это: нам открывается узкая полоска воды. (На рисунке она пресекается верхушками кустарника, расположенного в юго-восточном углу острова Гоноропуло.)

В нижней части рисунка несколько загадочных штрихов. При сравнении с планом видно, что ими поэт обозначил очертания крохотного безымянного островка и наметил ведущую к нему гать. Столь же лаконично он изобразил дамбу, с которой мы и должны спуститься на гать, чтобы пройти к избушке рыбаков. Зато довольно подробно нарисовано то место, где дорога переваливает через безымянный островок.

Слева в нижней части рисунка еще одна примечательная подробность пейзажа. Там, где на плане самое узкое место ручейка, вытекающего из рва и отделяющего южный берег острова Гоноропуло от северного берега Голодая, Пушкин одной линией рисует перекинутое через ручей бревно. Архитектор Татьяна Николаевна Ознобишина разыщет в ЦГИАЛе подробные планы этого места. Там, где при Пушкине временный мостик, в 60-е годы XIX века

от мызы к берегу Малой Невы проложена дорога. С небольшим, но вполне стационарным мостом.

На плане Шуберта бревно, разумеется, не обозначено, но для Пушкина это очень важная деталь, ведь иначе как по этому бревну на Гоноропуло посуху не попасть.

И все же самый детализированный фрагмент всего рисунка — сама стрелка вала.

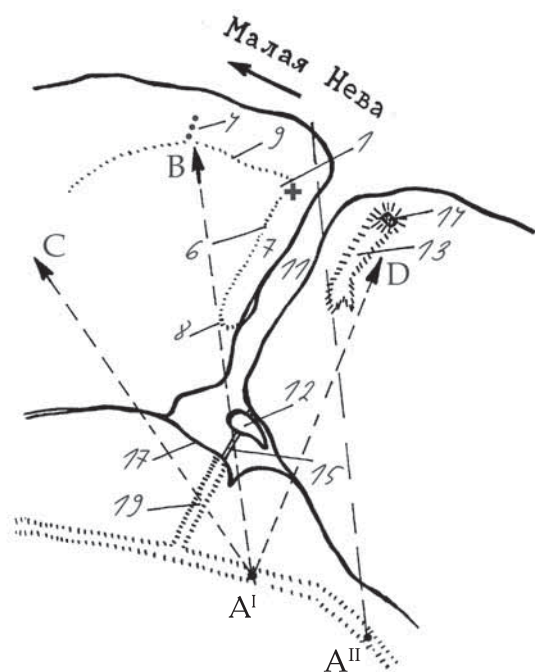
Разумеется, это не может быть случайностью. Не по прихоти досужего пера Пушкин акцентирует наше внимание именно на этом месте и начинает мельчить рисунок: ему дороги этот подмытый Невой рукотворный утес, копка зелени над ним, деревце на самой стрелке вала (через пять лет его уже не будет), торчащий из земли обломок другого дерева (оно погибло в 1826 г. от заступов могильщиков и двух пудов негашеной извести), петля береговой полки, пологая осыпь вала к югу от скалоподобной его стрелки, отмель, образовавшаяся в устье рва из-за разрушения вала. (У Шуберта она также отмечена, чуть южнее.)

Хотя этот рисунок в ПД 838 сделан, видимо, не с натуры, а по памяти, при сопоставлении с планом можно убедиться, что рисовальщик как бы находится на гребне высокой дамбы метрах в тридцати от ее поворота в сторону рыбацкой избушки. Перенесем эту точку на план, и окажется, что угол BA^1C равен углу BA^1D . Причем луч A^1B (биссектриса угла наблюдения) проходит чуть правей от характерного закругления южного берега рва, пересекает мостки, затем западную оконечность безымянного островка и выходит на гоноропуловский берег примерно там, где ров в южной своей части начинает расширяться. После этого луч касается петли размытой наводнениями береговой полки и выходит к «сдвоенному дереву».

От точки A^1 до стрелки вала на Гоноропуло около 150 метров.

Луч A^1B ориентирован на рисунке относительно объектов 17, 15, 12, 8, 9, 4. Эта привязка избавляет нас от необходимости производить дополнительные построения, доказывающие идентичность пушкинского пейзажа и голодаевского фрагмента плана Ф.Ф.Шуберта. Следует отметить и незначительные, но весьма характерные отличия пушкинского рисунка от того пейзажа, который зафиксирован на топографическом плане. Ряд второстепенных объектов на рисунке (4, 8, и 16) сдвинуты чуть вправо относительно их реального местоположения. Подвижка эта объясняется тем, что поэт рисовал по памяти.

ПРИВЯЗКА РИСУНКОВ I И II К ТОПОГРАФИЧЕСКОМУ ПЛАНУ

- 1 — стрелка вала на острове Гоноропуло
- 4 — деревья за валом
- 6 — пологая осыпь вала вдоль восточного берега
- 7 — береговая полка и отмель
- 8 — петля береговой полки
- 9 — северный склон вала
- 11 — «ров»
- 12 — безымянный островок
- 13 — «последняя возвышенность»
- 14 — избушка рыбаков
- 15 — мостки
- 17 — южный берег «рва»
- 19 — дорога, ведущая от мызы
- A^I — точка зрения рисовальщика по рис. I
- A^{II} — точка зрения рисовальщика по рис. II
- CA^ID — угол зрения по рис. I
- ✚ — место камня на рис. IV и VI, а также обелиска на рис. V

Но, идя по дамбе к точке А¹ путем, указанным в его же устном путеводителе, Пушкин и запомнил весь пейзаж не с одной точки, а в динамике своего движения к ней. Отчего сам пейзаж словно бы поворачивается по часовой стрелке и наплывает на зрителя.

РИСУНОК II. Рисунок пером (видимо, стальным) сделан в черновой рукописи «Медного всадника» 6 октября 1833 года несколько ниже строки «На берегу пустынных волн...» Начальным был вариант «На берегу варяжских волн...», но поэт отказался от него в пользу собственного эпитета из юношеских стихов на смерть Наполеона:

Покойся средь пустынных волн,
Великолепная могила...

Вторая строка и вызвала ассоциацию с другой, страшной и таинной могилой на берегу Малой Невы. (Однако над рисунком обнаруживаем и другой набросок: «Однажды близ Балтийских волн...» И это «близ» дорогого стоит, ведь, строго говоря, до взморья отсюда и впрямь еще метров двести.) Рисунок миниатюрен (в ширину менее пяти сантиметров), но отточен, как виньетка.

В этом изображении трудно не узнать уже знакомую нам по рисунку 1828 года стрелку вала на острове Гоноропуло: тот же контур скалоподобного обрыва, напоминающий графику петровского Гром-камня (см. его рисунок на с. 183 наст. изд.), буйная зелень на гребне стрелки, осыпь вала вдоль восточного берега рва, сходящая к югу на нет и заканчивающаяся «петлей» береговой полки, другой луч вала (перпендикулярный первому и идущий вдоль северного берега острова Гоноропуло).

Прошло уже пять лет, и нет молодого деревца, росшего на стрелке вала. Зато три других, отмеченных на плане Шуберта, буйно разрослись. Теперь видно, что их действительно не два, а три. Ясно, что эти деревья находятся не на валу, а за валом (как и отмечено на плане 1828 г.): на рисунке снизу не видно стволов, и ветви растут словно бы из самого вала. Причем правое чуть перекрывает крону соседнего (в таком положении они зафиксированы и на плане).

За пять лет стрелка вала «подтаяла». Пологий склон вала, идущий вдоль рва, отступил от берега, и «скала» словно бы выдвинулась вправо. Рисунок сделан во время работы над строками о плывущем по Неве рыбацьем челноке. Вряд ли надо объяснять, почему описание невиской панорамы с ветхой избушкой и темнеющим на Петровском острове бором вызвало ассоциацию с тем, каким увидел этот берег спустя век после Петра сам поэт.

Правее и чуть выше рисунка под строкой «И запируем на просторе» найден и трижды зачеркнут вариант рифмы: «горе, горе...» Рисунок расположен по центру листа. Слева от него стих «По ней стремился одиноко...», справа набросок стиха «В Европу прорубить окно...» Такое соседство, возможно, не случайность: день декабристской казни совпадает с официальной датой: как отмечают календари пушкинского времени, 13 июля 1703 года — день взятия приступом Дерпта (см. «Полный Месяцеслов». СПб., 1827).

Справа от стрелки вала поэт горизонтальным штрихом изобразил низ крыши избушки рыбаков и от нее провел указательную стрелку к месту декабристской могилы.

РИСУНОК III. Это набросок топографического плана на черновике «Воспоминания» (19 мая 1828 г., ПД 838, л. 14 об.), сделанный под строкой «В безумстве гибельной свободы...» Здесь (низ того же листа) речь о двух ангелах, говорящих поэту «о тайнах бытия и гроба». Это отсылка к первой главе «Деяний Святых Апостолов»: два ангела в белых одеждах возносили Христа после воскресения.

А теперь вспомним другую, но тоже библейскую ситуацию: узника везут на корабле на суд императора. Кормщик не внял совету узника задержаться в пути, и корабль попадает в бурю. Узник пророчит, что все спасутся: «Нам должно быть выброшенными на какой-нибудь остров». В 14-ю ночь почувствовали приближение земли.

В 14-й день бури увидели залив и пологий берег и, «поднявши малый парус по ветру», выбросились на песчаную косу. «Нос увяз и остался недвижим, а корма разбивалась силою волн». Корабль погиб, люди спаслись вглавь, а полупрощенный узник два года жил под присмотром лишь одного воина и проповедовал «со всяким дерзновением невозбранно» то, за что он был заключен.

Добавим, что рассказ этот апостол Павел ведет от первого лица (Деян., 27, 28).

Биографические сближения с судьбой Пушкина поразительны. Текстовые — с «Арионом», отрывками «Кто знает край...» и «Когда порой воспоминанье...» — очевидны. Сравним строки «Было нас на корабле...» и «В 14-ю ночь, как мы носимы были в Адриатическом море...» с пушкинским «Нас было много на челне...», «...во тьме ночной / Адриатической волной...» и т. д.

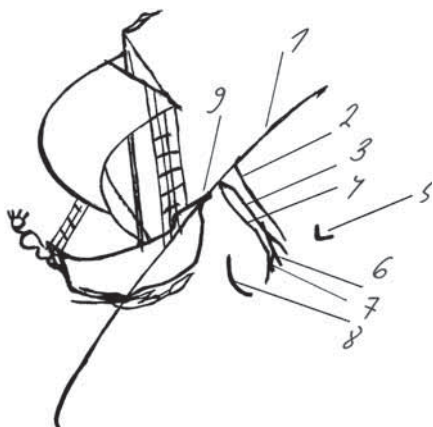
На черновике к береговой линии топографического плана приткнулся кораблик. Он выбросился на берег: нос увяз в песке, на корме — гакабортный фонарь. Справа на листе — стилизованный профиль римского юноши и мачта с «малым парусом».

Достаточно условно намеченный ров заканчивается в южной его части уже знакомым нам расширением (проточным озерцом или болотцем). Параллельно рву длинным штрихом отмечена «последняя возвышенность». Еще два штриха (первый в виде острия стрелы, второй полукруглый) указывают, как пройти на Гоноропуло с Голодая в том месте, где на осеннем рисунке, сделанном в тот же год и в той же тетради, через ручеек перекинута бревно. (Независимо от нас так же интерпретировал оба этих штриха Б.В.Раушенбах, когда фотокопии пушкинских рисунков Голодая были предложены ему для экспертизы.) При этом полукруглый штрих находится в том месте, где должно быть бревно. Стрелка же соответствует точкам A^I и A^{II} .

На петербургских (и вообще европейских) картах XVII—XVIII веках похожие кораблики — дань картографической традиции. Но они никогда не бывают изображены выброшенными на берег.

Если это действительно топографический план и изображен на нем голодаевский берег, то неестественно короткий бушприт кораблика уткнулся в точку левее устья рва на острове Гоноропуло, у самого берега Малой Невы. Эта точка должна находиться где-то близ самой стрелки вала. Конечно, набросок плана — не топографическая карта,

СХЕМА РИСУНКА III

- 1 — берег Малой Невы
- 2 — западная граница высоты на Голодае
- 3 — восточный берег «рва»
- 4 — западный берег «рва»
- 5 — стрелка, указывающая направление движения по гребню дамбы
- 6 — дорога к «последней возвышенности»
- 7 — западный берег безымянного островка
- 8 — полукруглый штрих в направлении устья «рва»
- 9 — бушприт кораблика, указывающий на место захоронения

но, видимо, искать надо в северо-восточном секторе острова Гоноропуло рядом со стрелкой.

Поэт сначала сделал набросок топографического плана и лишь потом пририсовал кораблик. И дело даже не в том, что береговая линия Малой Невы пересекает корпус корабля. Зная степень пушкинской экспрессии, понимаешь, что это еще не доказательство. Дело в том, что корабельные ванты, спускающиеся с мачты, поэт по ошибке прикрепил не к борту судна, а к береговой линии Малой Невы. Поглощенный стихами, он просто не заметил, что им же нарисованный корабельный борт на самом деле несколько выше этой линии.

Условность и лаконичность данного топографического наброска говорят о том, что весной 1828 года Пушкин не был знаком с планом Ф.Ф.Шуберта, гравированным и изданным в том же году в петербургском Военно-топографическом бюро.

Рисунки IV–VI. Обратимся, наконец, к трем самым первым в пушкинском собрании голодаевским рисункам. Они сделаны в середине июля — сентябре 1827 года в тетради 836 на развороте листов 27 об. и 28 (по жандармской пагинации). По пагинации архивной это листы 26 об. и 27. (См. вклейку, с. XII–XIII)

На левой странице два рисунка (IV и V), на правом один (VI).

Начнем с того, как описывает этот разворот Р.В.Иезуитова в своем исследовании «Рабочая тетрадь Пушкина ПД 836. История заполнения» в сборнике «Пушкин. Исследования и материалы», т. XIV (Л., 1991. С. 127):

Лист 26 оборот. Рисунок, названный А.М.Эфросом «Обрыв, дерева, плетень», представляющий собой завершения серии набросков на л. 20, 21 об., 22, 26, в которых варьируется главный мотив кустов, листьев, обрамляющих укромное низменное место (долину, русло ручья, часть дороги?) и расположенных на какой-то возвышенной части местности. Рисунок сделан карандашом с прорисовкой чернилами растущих на возвышенности кустов (или деревьев). Новыми мотивами здесь выступают плетень (полуповаленный), а также могильный камень в правой части рисунка.

Исследовательница ошиблась: на л. 26 об. нет никакого плетня. Он нарисован на листе 27. И строка А.М.Эфроса «Обрыв, дерева, плетень» также относится к смежному листу.

Перед нами случай весьма типичной аберрации: столкнувшись с проблемой чтения рисунка, текстолог, не владеющий навыками пространственного воображения, легко может принять штриховку скалы (низ листа 26 об.) за изображение того, что нарисовано на соседнем листе (в нашем случае — изгороди).

Сходство рисунков усугубляется и сходством «скал» — двух разных обрывов, нарисованных с трех разных ракурсов. Но на рисунках IV и V «скалы» и впрямь идентичны: они похожи на волну с крутым и плоским гребнем, а на рисунке VI вершина «скалы» вертикальна и округла.

Так вышло, что с этих трех рисунков, пожалуй, самых трудных для атрибуции, и началась наша привязка к голодаевскому фрагменту плана Ф.Ф.Шуберта.

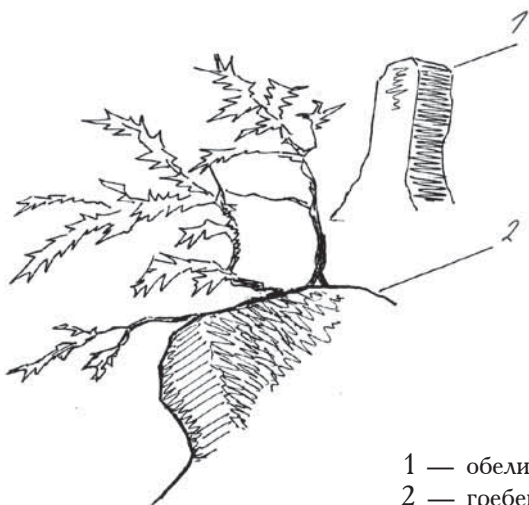
Что-то похожее на заросший крапивой и репейником ров и впрямь читается на рис. VI. Значит, то, что за ним — вал на Гоноропуло? Но почему он столь высок?

СХЕМА РИСУНКА IV

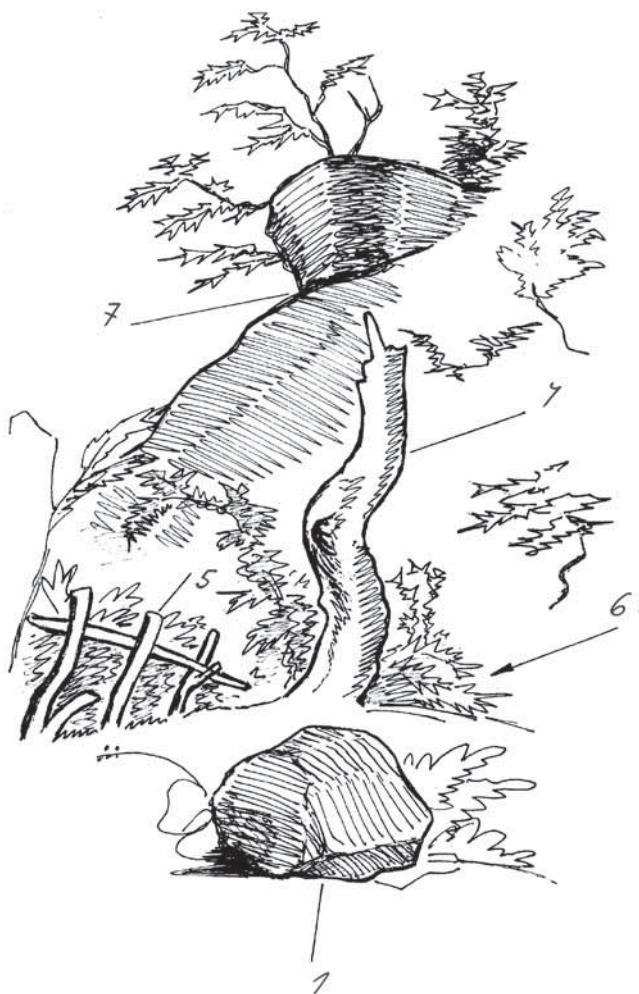
- 1 — камень
2 — гребень вала

СХЕМА РИСУНКА V

- 1 — обелиск
2 — гребень вала

СХЕМА РИСУНКА VI

- 1 — камень
- 4 — обломок дерева
- 5 — плетень
- 6 — «ров, заросший высокою крапивою и репейником»
- 7 — северный склон Голодаевской высоты

И почему окончечность скалы ниспадает справа налево? Если это она же изображена на рис. V, то рис. VI оказывается зеркально перевернут. На одном рисунке между обрывом и камнем есть ров, на другом нет... Значит, это разные обрывы и разные ракурсы?

«Грудку камней» на могиле еще летом 1826 года собрала вдова Рылеева. Впрочем, вряд ли женщине по силам даже прикатить самый крупный из них, так похожий на череп ископаемого чудовища. Кто помогал? Федор Иванович Миллер? Кто-то другой?

На эти вопросы нам уже никто не ответит. А вот почему и куда исчезает ров между скалой и камнем, разбираться нам.

Разбирались полгода.

Наконец, поняли ошибку.

Делаем привязку к плану Шуберта. Совпадают даже углы разворота камня и стрелки вала. Но кто это подтвердит? Кто проведет экспертизу? А пока леплю макет и отправляюсь в Ленинградский Дворец молодежи. С художницей Татьяной Гоголевой, фотографами Андреем Усовым и Виктором Лаврешкиным ставим эксперимент: разворачиваем макет строго «по географии», прикрепляем вместо солнца «пятисотку». Тени легли по-пушкински.

— А это у Пушкина рефлекс реки?..

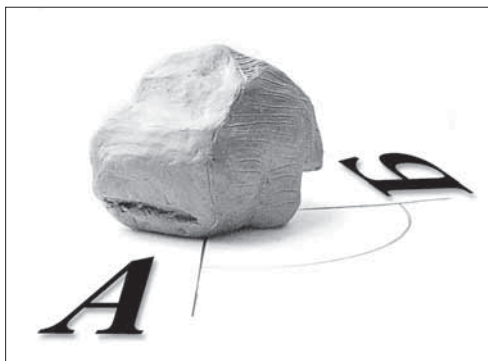
— Сейчас сам его увидишь! — Таня кладет на пластилиновую реку глянцевоый лист фотобумаги. Грань обрыва «последней возвышенности» озаряется матовым сиянием. Делаем снимки. На фотографиях действительно пушкинский пейзаж. Камни, а значит, и могила, по нашим расчетам, метров на пять южнее стрелки вала на Гоноропуло.

Ключ к разгадке — два рисунка валуна. Это не обобщенный образ, а портрет вполне конкретного камня. На рисунках IV и VI он изображен с поворотом на 105° .

Портрет этого валуна напоминает череп крупного животного, скажем, человекообразной обезьяны. На рис. IV «череп» изображен в три четверти, а на рис. VI тоже в три четверти, но уже с затылка.

Теперь, когда мы знаем относительное положение деталей пейзажа, вспомним «устный путеводитель» из повести Владимира Титова: «...ров, заросший высокою крапивою и репейником, отделяет возвышенность от вала».

Вал на острове Гоноропуло и изображен на рис. IV и V. А «последняя возвышенность», нарисованная из-под вала, — на рис. VI.

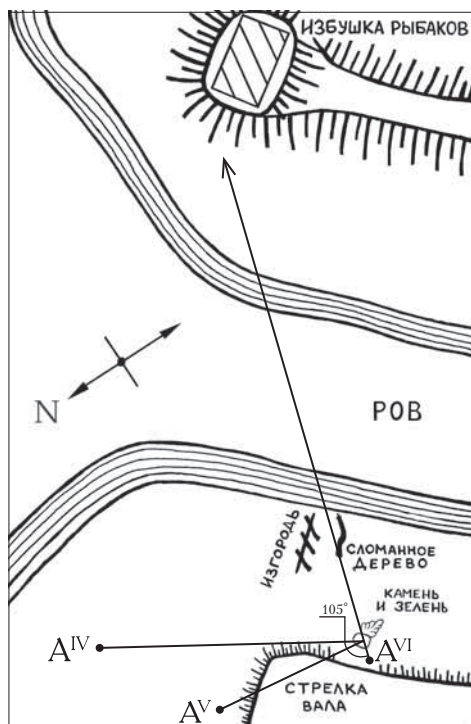

Разворот камня, изображенного в ПД 836. Объемная модель.
Угол АБ — 105°

На плане Ф.Ф.Шуберта, если судить по длине штриховки, стрелка вала возвышается над земной поверхностью на 2–2,5 м. Подобные очертания берегов (с крутым гребнем подмытого и потому торчащего вверх дерна) и сегодня характерны для Невы в тех местах, где она еще не одета в гранит (например, на Большой Невке).

Другое дело — скала на рис. VI. Когда работа нашей экспедиции только начиналась, гатчинский архитектор-реставратор Александр Семочкин уверенно предположил, что на пушкинских рисунках изображены руины каких-то фортификационных сооружений. Признаться, сначала в такое чтение рисунков я не поверил. (Потому что еще не знал, что избушка рыбаков построена на остатках разрушенной наводнением 1824 г. артиллерийской батареи.)

ПРИВЯЗКА РИСУНКОВ IV, V И VI К ТОПОГРАФИЧЕСКОМУ ПЛАНУ

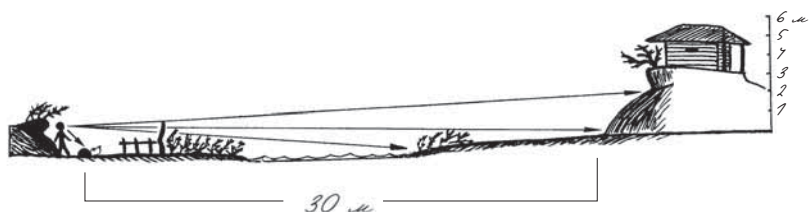
- A^{IV} — позиция рисовальщика для рис. IV
 A^V — позиция рисовальщика для рис. V
 A^{VI} — позиция рисовальщика для рис. VI

Но Семочкин оказался прав именно как специалист: в середине 1980-х он руководил бригадой реставраторов, восстанавливавших землебитный Приоратский замок в Гатчине и лучше других знал, как выглядят в фас и в профиль землебитные руины.

На рис. VI нет рыбацкой избушки. (Она осталась правее, за краем листа.) Да, видимо, при первом своем посещении могилы декабристов это нежилое казенное строение поэта мало заинтересовало. На рисунке 1828 года избушка уже во всей красе. Тенью мелькнет она в «устном путеводителе» (это и есть сиротливое строение на «последней возвышенности»).

А еще через два года поэт воспоет ее в стихах. Это именно сюда «порою приплывает отважный северный рыбак». Здесь он сушит невод, очаг разводит. Но попробуй угадать, где это, если не знаешь, что на всей Малой Неве, если верить плану Ф.Ф.Шуберта, других «избушек рыбаков» просто нет.

В 1833 году крышу этой избушки поэт наметит на черновике первых строк «Медного всадника». А в последних стихах поэмы она вновь появится парафразом из стихов 1830 года: «...Остров малый / На взморье виден. Иногда / Причалит с неводом туда / Рыбак на ловле запоздалый / И бедный ужин свой варит...»

Соотношения вертикальных углов на рис. VI

Схема поясняет, почему рисовальщик не видит водной поверхности рва: она перекрыта зарослями крапивы и репейника

И, наконец, эта избушка превратится в домик Параши, занесенный на голодаевский берег невским наводнением (Пушкин предельно точен: при юго-западном ветре, дувшем 7 ноября 1824 года, домик из Галерной гавани и должен быть занесен в район острова Гоноропуло, во всяком случае, если верить описаниям современников, все остальные строения, сметенные водой, передвинуты были именно на северо-восток). Но строчкам про этот домик «...над водою / Остался он, как черный куст...» предшествовал рис. VI с огромным черным кустом перед не нарисованной в тот раз рыбацкой избушкой.

Летом 1827 года куст заменил избушку, поэтому осенью 1833-го мертвая избушка Параши, у которой нашли и тут же осенью рокового 1825 года похоронили тело бедного Евгения, ассоциируется с черным кустом.

Рис. VI замечателен не только тем, что это самый большой пушкинский рисунок (у ПД 836 формат листа 36,2 на 23 см).

Хотя поэт подчас и прорабатывал пером карандашный набросок, пожалуй, лишь в этом случае можно говорить об особой авторской технике: своим контрастом карандашный и перьевой штрих создают совершенно удивительное пространство. Пером изображено все, что находится на центральной оси рисунка. (Вспомним указательную стрелку, которую провел Пушкин к могиле повешенных на черновике «Медного всадника».) Боковые детали даны в карандаше.

Для проверки топографической атрибуции рисунков ориентируемся по сторонам света. На рис. VI резкая и короткая тень от камня лежит с левой его стороны. Если перед нами голодаевский пейзаж, то тень направлена на северо-северо-восток. Значит, солнце светит с юго-юго-запада, и по местному времени должно быть от двух до пяти часов дня. Впишем пушкинский валун в топографическую схему и убедимся в природной непротиворечивости картинки: зелень за валуном оказывается с южной и юго-восточной (то есть максимально прогреваемой) его стороны.

Волноподобную «скалу» на рис. IV и V мы видим в двух, чуть измененных ракурсах. На верхнем рисунке «скала» изображена «в рост», а на нижнем лишь верхняя ее часть. Очевидно, что рисовальщик зобрался на склон вала, заглядывая через плечо уступа туда, где лежит валун. И вообразил на его месте простой надгробный памятник, похожий на гранитные опоры решеток на набережной Фонтанки или Невы.

Р.В.Иезуитова «решительно отводит» голодаевскую атрибуцию этих рисунков на том основании, что «никаких декабристских аналогий тексты, которыми окружены рисунки на л. 26 об. и 27 не содержат». Чтобы отвести декабристскую версию, исследовательница выдвигает следующий аргумент: поверх листа 26 об. Пушкин набрасывает чернилами «более чем фривольную “Сводню”» — стихи о том, как после Петрова дня некий господин решил погулять в борделе, но, узнав, что в субботу до него все пять девиц обслужили пятерых нерасплатившихся неизвестных, теряет охоту к продажной ласке и ретируется. Иезуитовой соседство «Сводни» и рисунков могилы декабристов представляется невозможным.

Исследовательница приняла за фривольные стишки рассказ о том, как после Петрова дня (храмового праздника Петропавловского собора, на виду которого повесили декабристов) в одну из суббот июля в борделе гуляли пять палачей.

Поясню, почему это так. Не платя, в публичный дом ходит только палач. В средневековой Европе палачам поручался надзор за «varnde freulin (городские проститутки; дословно — бродячие девки). Как утверждают медиевисты, палач фактически был со-держателем борделя. Он и селился за городской стеной, на земле, занятой преступниками и проститутками. В списке Аугсбургского городского права 1373 года палач назван «шлюхиным сыном» (der Hurensun der Henker). Даже случайное прикосновение палача было фатально для чести и потому для всей судьбы человека*.

Филолог Елена Дьякова обратила мое внимание на пушкинский драматический отрывок «От этих знатных господ...», где к осужденному на казнь графу Конраду (!) приходят на последнее свидание жена и дочь. (Аллюзии с рылеевским сюжетом очевидны.) «Казнят у нас по пятницам...» — говорит у Пушкина тюремщик графа. И именно в пятницу 15 июля 1827 года Пушкин, как мы еще покажем, впервые посетил голодаевскую могилу.

Но декабристов хоронили не в день казни, а на следующий. Значит, и в «Сводне» палачи должны были гулять в субботу (в средневековой Европе палачи по субботам бесплатно набирали на рынке столько снеди, сколько могли унести). Герой стихотворения просто сопоставил время, место и число посетителей борделя с древним обычаем, согласно которому в субботу палач может, как сейчас принято говорить, «оттянуться» за счет обывателей.

Чтобы осознать далеко не фривольный смысл пушкинского стихотворения, достаточно обратиться к карточному набору, который выпадает сводне: три девятки (перевертыш библейского Числа зверя), туз червей (сердце, любовь), бубновый король (каторга и царь).

Сама же сводня расшифровывает это как «спор, досада от речей и при том обновы». «Спор и досада от речей» — заговор и арест, ну а «обновы» — саваны да последние хоромы висельника (два тесовых столба с перекладиной).

Р.В.Иезуитова не замечает параллели, на которую сама же и обратила внимание, описывая ПД 836. Речь о портрете Василия Львовича Пушкина, автора «Опасного соседа» (действие этой поэмы

* Левинсон К. А. Палач в средневековом германском городе // Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Т. 3. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М., 1999. С. 223—231.

тоже происходит в борделе), который «рисует» во множестве вариантов на л. 37 с рисунками казни декабристов».

Итак, мы имеем дело с ассоциацией (казнь декабристов — бордель), дважды закреплённой в одной и той же рабочей тетради.

Для Пушкина это сближение вовсе не странно: в 1819 году дебошем проститутки на фоне двух молодых офицеров, а также скелета и черепа он иллюстрирует план прозаической повести «Влюбленный бес» (ПД 829, л. 54—55), а весной 1821 года в Кишиневе делает иллюстрацию уже к поэме «Влюбленный бес», где обнажённая девица изображена за силуэтом висельника, на голову которого натянут фригийский колпак. Сама повесть Титова, в которой Ахматова обнаружила устный путеводитель к декабристской могиле, — повесть о влюбленном бесе. Фигуры чертей находим и на листе с декабристскими виселицами в той же ПД 836 (см. вклейку, с. I).

Пушкин парадоксален. Он понимает гармонию как синтез высокого и низкого, то есть как нечто весьма антропоморфное.

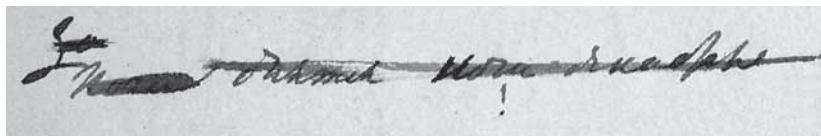
Вернемся к крапиве и репейнику, которые названы в «устном путеводителе» и изображены на листах с могилой казненных.

Как часто поэт рисовал репейник и крапиву? В ПД 836 этот мотив встречается только в непосредственной близости от традиционного разворота с голодаевским пейзажем (листы 20 и 21 по жандармской пагинации со строками о могиле Ленского и «Акафистом Екатерине Николаевне Карамзиной», который начинается с «голодаевского» сюжета: «Земли достигнув, наконец, / От бурь спасенный провиденьем...» и датирован 31 июля 1827 г.). Тот же графический мотив на листе 22 об. (жандармская пагинация) с XXXVI строфой Седьмой главы «Евгения Онегина» и на листе 35 после строк «Народ, гоняемый слугами, / Поодаль слушает певца...» (чуть ниже начало недописанного стиха: «Гонимый...»). Тут же знакомое нам по рис. VI обломанное дерево. А в последний раз крапива и репейник мелькнули на листе 35 об., где какой-либо текст отсутствует.

В других тетрадях графический мотив остроконечных листьев мне удалось обнаружить лишь трижды — на листе 95 об. в ПД 838, то есть на том самом листе с голодаевским пейзажем и избушкой рыбаков, с которого мы и начали эту главу. Рядом — наброски двух едва начатых стихотворений: «В опальной хижине моей / Мне

ночь отрада...» и «Я проснулся, но лениво / Дремлет зимняя зоря /
..... / Длятся ночи декабря...»

Последнюю строку (непосредственно под ней) поэт прокомментировал восклицательным знаком.

В той же тетради и в том же 1828 году две хорошо прорисованных ветки репейника сделаны на листе 33 об. в черновиках «Полтавы» рядом с наброском стихов: «И скоро — молва / Сразила душу Кочубея...» Следом, на листе 38 об. вновь два силуэта декабристской виселицы.

И в той же «Полтаве» на листе 68 опять знакомое сухое дерево и из-за него две ветки репейника. (Сближение этого рисунка с пушкинским поиском могилы Мазепы тем вероятней, что рядом поэтическое рассуждение о могилах несправедливо казнённых Искры и Кочубея.)

В других тетрадях рисунков крапивы и репейника я не обнаружил. Ни до 1827, ни после 1828 года этот мотив не встречается.

Может показаться, что ассоциативное сближение могил тех, кто был казнён (в XIX или даже в XVIII веке), с образом репейника и крапивы столь естественно, что особого комментария не требует. Однако вот что говорит пророк Исаия там, где речь о суде над отпавшими от Бога народами и об участи земли, забывшей о Боге:

«И зарастут дворцы ее колючими растениями, крапивою и репейником — твердыни ее...» (34:13).

Это единственное место во всей Библии, где крапива и репейник упомянуты вместе.

«Устный путеводитель» в повести Титова, а затем и весь «Медный всадник» построены как развертывание этой библейской метафоры: в обоих случаях речь начинается с дворцов, а заканчивается в первом случае крапивою, репейником, сугробом и могилой, а во втором — черным кустом.

Впрочем, в черновике «Медного всадника» был вариант:

«Кой-где растёт едва крапива...»

Рисунок VII сделан на отдельном листе на черновике стихотворения «Когда порою воспоминанье...» (1830 г.).

Он находится под последними строками «Сюда погода волновая / Заносит утлый мой челнок...»

А.А.Ахматова, сопоставив описание «открытого островка» из этих стихов с «островом малым» из «Медного всадника», была убеждена, что Пушкин в обоих случаях описал одно и то же место на побережии Голодая. Самоиллюстрация под этими стихами и впрямь может быть связана с голодаевским сюжетом.

Рисовальщик находится под стрелкой вала в той же точке, что и определена нами для рис. VI, но смотрит чуть левей. В поле зрения попало то, что оказалось сразу за левым краем рисунка с валуном и обломком дерева. На переднем плане две береговые линии устья рва, выше — склон «последней возвышенности». Челнок на рисунке плывет к избушке рыбаков, наглядно иллюстрируя последние строки стихотворения. Предложу свой вариант чтения черновика:

Сюда порою [приплывает]
[Отважный северный рыбак]
Здесь [мокрым] невод расстилает
[И свой] разводит он очаг
Сюда погода волновая
Заносит [утлый мой] челнок

Топографическое построение показывает, что справа от челнока с этой точки зрения должна быть видна западная оконечность еще одного сравнительно небольшого островка Малой Невы — бывшего до наводнения 1824 года Сельдяного буяна (ныне остров Серный).

«Атрибуционную справку» с экспертным заключением автора общей теории перспективы академика Б.В.Раушенбаха поисковая экспедиция передала в Пушкинский кабинет ИРЛИ.

ОТКАЗ ОТ ПОЛЕМИКИ

12 апреля 1988 года геолог В.Овчаренко и инженер В.Орещенко в газете «Ленинградский рабочий» опубликовали сенсационную новость: казненные декабристы похоронены на острове Вольном.

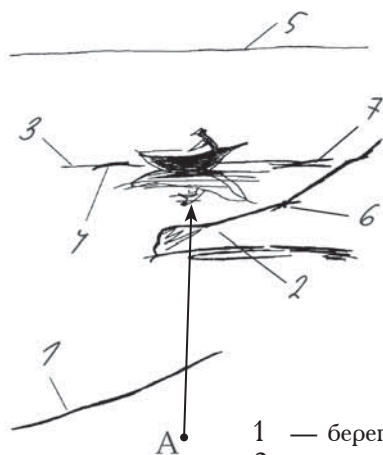
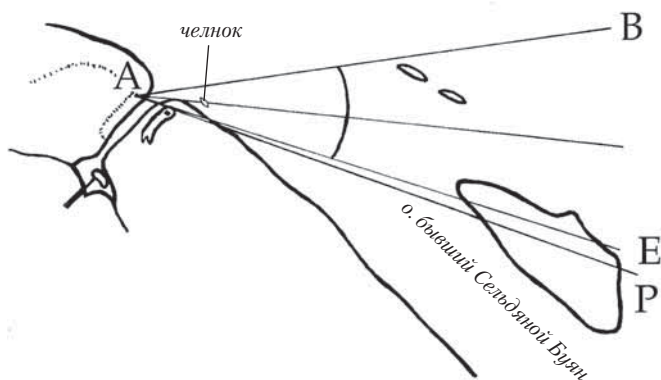

СХЕМА РИСУНКА VII

- 1 — берег острова Гоноропуло
- 2 — берег острова Голодай
- 3 — берег Петровского острова
- 4 — островок в Малой Неве
- 5 — высота деревьев на Петровском острове
- 6 — подошва «последней возвышенности»
- 7 — стрелка бывшего Сельдяного буяна
- A — позиция рисовальщика

ПРИВЯЗКА РИСУНКА VII К ТОПОГРАФИЧЕСКОМУ ПЛАНУ

- A — позиция рисовальщика
- AB — левый край рисунка
- AE — правый край рисунка
- AP — направление на шпиль Петропавловского собора

Их статья называлась «Тайна пустынного острова». Смелость гипотезы была очевидной: все-таки о Вольном не говорит ни один из современников казни на кронверкском валу. Зато и авторы этой публикации не вспомнили ни об одном из голодаевских указаний.

Пожалуй, до начала 1989 года, до сообщения телепередачи «600 секунд» о том, что некий экстрасенс при помощи экскаватора «откопал декабристов» на Петровском острове, соперничать с этой версией не могла ни одна другая. Тем более что самые простые вещи в этой статье становились загадочными. Скажем, технический брак на одном из ленинградских планов авторы сочли заobelisk, якобы стоявший некогда на Вольном. Трехсотметровую протоку меж Вольным и Голодаем сократили ровно в шесть раз, а глубину ее (на карте 1860 г. 10—14 футов) — до 30 см. А уж заодно и срок николаевского караула у могилы казненных с четырех месяцев до одного. Сам Вольный остров, вошедший в черту города и попавший под полицейский надзор лишь в 1876 году, авторы сочли принадлежащим городским властям и т. д.

Но самое интересное — попытка совместить несовместимое: рассказ помощника квартального надзирателя с путеводителем Пушкина в повести Титова. То есть идти одним маршрутом по ориентирам другого. На телеге вымысла не трясет, и геолог с инженером, уверенные, что «при сгоне воды протока вообще не существовала», въезжали на Вольный посуху. Голодаевский переулочек — ломаная линия, во все времена выводившая к взморью недалеко от острова Гоноропуло. От него за Армянским кладбищем в сторону Вольного есть ответвление. Но в самом начале оно перегорожено дачей купца Жадимировского, стоящей буквально посреди дороги. В полукилометре от взморья проулок этот превращается в тропку, а та теряется в болоте и к заливу не выходит. Совместив два самостоятельных и разными дорогами ведущих к цели рассказа, авторы не заметили, что далеко позади остался «ряд огородов», что нет здесь ни возвышенности, ни строений, ни рва.

На курьезную эту публикацию можно было бы не обращать внимания, но 21 апреля 1989 года в «Литературной России» журналист М.Филин взял плохо лежавшую эту версию и, не сославшись на предшественников, несколько ее модернизировал. Модернизация заключалась в том, что этот автор аки посуху протоку между Вольным и Голодаем не форсировал, а стал искать ров и последнюю возвышенность на голодаевском берегу.

Старик полицейский представлял себя стоящим на Смоленском кладбище, и «переулочек налево» выводил его к Армянскому кладбищу. Журналист из «Литературной России» инверсирует рассказ: сначала Армянское кладбище, потом — «переулочек налево». Его не смущает, что Голодаевский переулочек на всех планах XIX и начала XX вв. выводит к северной стороне Голодая, к островку Кашеварова, смежному с Гоноропуло. Журналист закрывает на это глаза и идет на перестановку последовательности рассказа. Представим же вслед за ним, как похоронный конвой, перебудив людей и собак, протискивается в метре от окон купеческой дачи, а потом увязает в прибрежных болотах. Пусть так. Но дальше — и вовсе невероятное... Цитирую:

Нетрудно убедиться, что открывающиеся пейзажи идентичны пушкинским описаниям местности из «Уединенного домика на Васильевском».

К берегу проулок Жадимировского никогда не выводил. Огороды остались далеко позади, и их ряд не приводит к «последней возвышенности», потому что никаких возвышенностей здесь нет. По левую руку не рощи Смоленского кладбища, а сосновый бор. О сиротливом домике *автор не своей версии* вообще предпочитает не вспоминать: дело в том, что западнее дачи Жадимировского на Голодае — ни одного строения. Забыл журналист и о том, что идет не «кругом всего... острова», а поперек и не к Голодаевской косе, а параллельно ей.

Но самое странное только начинается: «Чуть впереди — “ров”, линия которого почти повторяет округлые береговые очертания».

«Ров» тут совершенно справедливо взят в кавычки. Потому что это обыкновенный выющийся лугом ручеек. Цитирую далее: «Северная оконечность рва выше южной и служит валом...»

Этот сюрреалистический пейзаж М.Филин выдает за пушкинский: «...она (оконечность рва! — А.Ч.) — полная копия пушкинских “гор, лежащих полукругом”».

Не рискуем анализировать строй подобных трансплантаций, заметим лишь, что само превращение ручья в ров, рва в вал, а вала в горы из «Евгения Онегина» весьма впечатляет масштабом земработ, проведенных журналистом «Литературной России» на площади одного абзаца. А ведь на плане нет даже намека на разную высоту берегов невинного ручейка, текущего меж лугом и болотцем.

Столь же решительно три песчаные отмели, отмеченные на карте 1828 года россыпью точек, М.Филин назначает... скалами. И не

замечает, что с места, где он остановился, видны не «противоположные берега Петровского острова», а берег Вольного и острова Жадимировского, что до бора на Петровском — более километра, остров и две полноводные протоки. А ведь Пушкин не случайно в последней фразе путеводителя говорит именно о боре. Сосны и ели на Петровском — только напротив острова Гоноропуло, и то, что можно спутать при первом, невнимательном взгляде на карту, не спутаешь на натуре. И тем более зимой, когда лиственный лес гол.

С М.Филиным мы не полемизировали, однако он счел, что «полемика не закончена», и в той же «Литературной России» выступил со статьей «Всего лишь версия» (1 сентября 1989).

А вот с группой ленинградских музейных и экскурсионных работников, чье письмо появилось в «Ленинградской правде» 26 марта 1989 года, а потом по настойчивым просьбам тех же авторов (М.Вершевская, Г.Урусова, Л.Бройтман и В.Шубин) напечатано в № 29 «Огонька», в полемику мы вступали не раз. Главным аргументом наших уважаемых оппонентов было то, что экспертиза, установив в пушкинской точке наличие древнего захоронения с известью, не может сказать, кому принадлежат обнаруженные останки, — животным или людям. Оставим эту тему (на время) и перейдем к еще одному выступлению «Ленинградского рабочего», к статье «Тайна остается тайной», появившейся 14 июля 1989 года и подписанной членом декабристской секции Совета содействия Государственному музею истории Ленинграда С.Васильевой.

К сожалению, взявшись за перо, автор, видимо, невнимательно прочитала даже то, что было опубликовано в «Огоньке», и совершенно не касается ни тома материалов экспедиции, хранящихся в том самом музее, членом общественного совета которого она состоит, ни депонированной в Пушкинский Дом атрибуционной справки.

«В “Огоньке” лишь приведены результаты анализов почвы, полученные при бурении и свидетельствующие о повышенной концентрации белка...» — пишет С.Васильева.

Это досадная неточность. В «Огоньке» № 4 за 1989 год сказано о результатах трех независимых экспертиз, проведенных ВНИИ МВД, ВСЕГЕИ и Бюро судмедэкспертизы Ленинграда (совместно с ЛГУ), и говорится не только о белке, но и о фрагментах кости с пленкой извести на одном из них.

Впрочем, С.Васильева, даже не ознакомившись с материалами экспертиз, заранее объявляет их вкупе с нашими разысканиями «подгонкой под ответ».

С.Васильева не понимает, как можно сделать привязку к валу на Гоноропуло, если «Голодай изменился до полной неузнаваемости!».

Но именно этому мы посвятили одну из огоньковских публикаций. Напомню, военные топографы, установив точность плана 1828 года, совместили его с современной картой. Что и удостоверили актом, составленным по всей форме. После этого сложно было промахнуться при бурении, и первые три скважины, сделанные через два метра, попали в древнюю яму. А корректность совмещения карт была проверена по линии торфа гоноропулова рва и по валу, остатки которого и сейчас сохраняются в толще грунта.

Смущает С.Васильеву и «обломанное дерево» на рисунках поэта. Она пишет: «О нем нет никаких упоминаний ни в каких текстовых источниках, а ведь его могли заметить М.Ф.Каменская и Л.М.Жемчужников...»

Не могли. Потому что между этими посещениями без малого тридцать лет. В 1826 году дерево еще стояло. Это была сосна, кору которой и обнаружат криминалисты в пробах грунта как раз на том месте, где Пушкин в 1827 году нарисовал торчащий из земли ее обломок.

Итак, вместо полемики мы услышали суждение о «двухлетних манипуляциях со славными именами», узнали наш «перечень ошибок» и «принципиальных просчетов», нам были предъявлены «пункты обвинения», перед нами возникла «угроза вседержавного конфуза», мы открыли, что «весомости научных аргументов» противопоставили «броню громких имен и титулов», огорчились за Д.С.Лихачева, которому в оценке нашей работы не хватило «глубоких специальных познаний», устыдились за него и других ученых Пушкинского Дома, избалованных в «протекционизме», убоялись ответственности за растрату «немалых народных средств», сами были разоблачены в «явных подтасовках», в искусстве передергивать и усекать цитаты нас поставили выше Красовского, нам прямо заявили, что даже М.Филин (а весь этот список взят из его статей) не желает быть нашим «сообщником». И, наконец, мы обнаружили, что атрибутированный нами два года назад рисунок из ПД 836 с нашей аннотацией и без всякой ссылки перенесен на

полосу «Литературной России», где и прижился в качестве самостоятельной находки строгого нашего критика.

Еще мы узнали, что наши «неточности и ошибки» свидетельствуют «о том, что автор не полностью владеет материалом», что мы, «взяв, по сути дела, страницы из труда Г.А.Невелева» и «пересказав их близко к тексту», лишь сдобрили их «красотами стиля», а еще раньше «преступили моральные нормы исследователя и поэта», «приделав Венере Милосской отломанные руки» (это уже из заметки С.Васильевой).

И те же критики обиделись: мол, почему это мы сочли их неполемикоспособными, не приняли вызов и не ответили в журнале?

ГРОЗА 15 ИЮЛЯ 1827

Пушкин говорит о волновой погоде, занесшей челнок к берегу «печального острова». Метафора?

Г.А.Невелев пишет:

Обратимся к строкам стихотворения «Арион», датированного поэтом в белой рукописи 16 июля 1827 года:

Лишь я, таинственный певец,
На берег выброшен грозою,
Я гимны прежние пою
И ризу влажную мою
Сушу на солнце под скалою.

Они имеют реальное историческое содержание... Стихотворение могло быть написано под впечатлением посещения острова Голодай в «исторический день», 13 июля, или, возможно, на самом «печальном и пустынном острове», на его «последней возвышенности», «под скалою» на «береге диком»... на могиле казненных друзей*.

13 июля? Помня свидетельство современника («народ повалил туда толпами»), заметим, что вряд ли едва прощенный и после унижительных моралей Бенкендорфа допущенный в Петербург Пушкин решился бы на такой демарш. 14 июля? Но это годовщина похорон,

* Невелев Г. А. С. 142.

значит, и в этот день на могилу может прийти... ну хотя бы тот же Федор Иванович Миллер. 13 июля он служил «на самом месте» панихиду.

Вспомним «Арион»: «Сушу на солнце под скалою...»

Эта самая «скала» (мы знаем ее и по рассказу Княжнина, и по рисункам самого поэта) убеждала: предположение Г.А.Невелева можно подтвердить, если... найдется гроза.

Да, гроза в «Арионе» — метафора 14 декабря. Но зимние грозы у нас на Севере — изысканная диковинка. Может быть, метафора подсказана реальным происшествием на Невском взморье? Налетевшая среди бела дня буря — не в ней ли объяснение загадочной «волновой погоды», столь неподходящей для морских прогулок в челноке? Если же погода позволяет, лодку можно взять на Исаакиевском перевозе. Там, где нанял ее Евгений: «И перевозчик беззаботный / Его за гривенник охотно...» В том же справочнике XVIII века, сохранившемся в личной библиотеке поэта, прочтем:

Прогулки по островам и в садах часто совокуплены с прогулками по воде. Присутственные места имеют для перевоза через Неву, когда мостов нет, большие прекрасные шлюпки в 3, 4 и до 6 пар весел с искусными гребцами в голландском вкусе порядочно одетыми. Оным позволяет летом себе несколько заслуживать, а потому можно их нанимать для прогулок по воде. Сии люди весьма ровно гребут и поют для увеселения нанявших их краткие, единообразные российские песни во весь голос, к чему квартирмейстер на рожке играет. В прекрасные летние ночи видны многие такие шлюпки на Неве*.

Листаю «Санкт-Петербургские ведомости». В тот год в начале июля деньки стоят отменные. И 12, 13, 14 июля 1827 года — обычная благодать середины питерского лета. Утром 15-го — «рассеянные тонкие облака и сияние солнца». Ветер южный, слабый. Температура воздуха к полудню +17,6° по шкале Реомюра. (Это +22°С.) Полдень: ветер западный, сильный, а в графе «наблюдение погоды» помечено: «пасмурно, дождь, молния и гром».

К вечеру 15 июля ветер переменился, и погода окончательно испортилась. Аквилон, как водится, разогнал бурю, и на двое суток зарядил слепой балтийский дождик.

* Описание... города СПб. С. 624.

Поэтому-то Миллер и навецал последний приют казенных лишь «до половины» июля. И след «волновой погоды» чудесным образом сохранило его письмо к Рылеевой от 15 июля 1827 года. Лист, который был вплотную к конверту, отсырел, чернила на нем чуть поплыли, и застыл в архивной тишине отзвук раскатов того июльского ненастья.

Дата под «Арионом» не то чтобы зашифрована, но, по крайней мере, засекречена: напомним, что год обозначен всего одной цифрой «7». (См. вклейку, с. XXI.) После «Ариона» юношеская тема бури и гибели на море на недолгий срок захватывает лирику Пушкина:

31 июля 1827 года в «Акафисте Екатерине Николаевне Карамзиной»: «Земли достигнув наконец, / От бурь спасенный провиденьем...»

15 августа, уже в Михайловском, появляются стихи о поэте, который, полный звуков и смятенья, бежит «на берега пустынных волн». Так за шесть лет до «Медного всадника» рождается первая его строка.

17 сентября Пушкин сравнивает себя с певцом-гондольером, что плывет по взморью и распевает песни опального поэта: «На море жизненном, где бури так жестоко / Преследуют во мгле мой парус одинокой...»

Парус одинокий сначала заплывет из пушкинских стихов в поэму кавказского рядового Александра Бестужева, и уже оттуда ворвется в юношеские стихи Михаила Лермонтова.

«И тайные стихи обдумывать люблю» — это последняя строка стихотворения «Близ мест, где царствует Венеция златая...» — воспоминание об «Арионе», его двойной грозе.

19 октября 1827. И дата, и название стихов. Не поленимся и процитируем их еще раз:

Бог помочь вам, друзья мои,
И в бурях, и в житейском горе,
В краю чужом, в пустынном море,
И в мрачных пропастях земли!

6 ноября: «В бурю, в грозный ураган, / Головы твоей, мой милый, / Не спасет мой талисман».

По ноябрь 1826 года стоял над взморьем караул у братской могилы.

По ноябрь 1827 года арионовская буря не отпускала душу поэта.
Море замерзло — тема ушла.

Но в новом, 1828-м, когда правительство наконец прочитало «Гавриилиаду», когда завертелось дело о распространении стихов из «Андрея Шенье» (армейские офицеры станут их переписывать с заголовком «14 декабря»), июльские громы напомнят о себе: «Снова тучи надо мною / Собрались в тишине...» И там же: «Бурной жизнью утомленный, / Равнодушно бури жду: / Может быть, еще спасенный, / Снова пристань я найду...»

Стихи эти появятся в томике «Северных цветов» вместе с повестью «Уединенный домик на Васильевском».

КТО РАССКАЗАЛ ПУШКИНУ?

Г.А.Невелев полагает, что о месте голодаевской могилы поэт мог узнать от брата обер-полицмейстера Княжнина, поскольку А.Я.Княжнин был женат на подруге матери поэта.

Но у такой цепочки слишком большая длина и непрочные звенья.

Андрей Андреевич Жандр? Да, он мог рассказывать о своей поездке (хотя декабристов и ругал), но он годится лишь как один из пушкинских информаторов: на «пустынном островке Невы» он не нашел «ничего, кроме кустов» (а что он хотел там увидеть?) и был явно разочарован.

Называет Невелев и Рылееву, считая, что поэт мог познакомиться с ней в 1829—1832 годах. (Познакомиться они могли и до высылки Пушкина из Петербурга в 1820-м.)

Как мы помним, из Москвы Пушкин просит А.А.Муханова прислать план Петербурга. Может, поэт, стремясь в столицу, просто хочет обновить в памяти Невскую перспективу?

Вряд ли. В начале зимы 1826—1827 годов в письмах друзей (пушкинские письма к ним не сохранились) трижды появляется имя рылеевской вдовы.

Плетнев — Пушкину, 2 января:

О выдаче 600 рублей вдове Кондратия никогда ты мне не писал, и только в первый раз я это вижу в последнем твоём письме. След., эта статья не числится у меня ни в расходе, ни в долгу. Если ты заблагорассудишь что-нибудь приказать мне, то теперь начинай снова...

Раздосадованный Пушкин даже не ответил недогадливому своему делоправителю и препоручил просьбу.

Дельвиг — Пушкину: «Рылеевой из своего долга заплатил 600 рублей...»

Что это за деньги? Рылеев с Бестужевым дали Пушкину аванс за право напечатать в «Звездочке» ночной разговор Татьяны с няней. «Звездочка», уже отпечатанная, 14 декабря закатилась, как та «падучая звезда», так сильно перепугавшая Таню Ларину. Напомним, что в черновике романа против строки с падучей звездой — начало января 1826 года — первый в пушкинской графике профиль Рылеева.

Почему Пушкин вдруг заторопился с долгом? Только что он написал и отправил с женой декабриста «Послание в Сибирь». Здесь спешка понятна: другой оказии может не случиться. Знает, что Рылеева надолго собирается в деревню? Откуда знает?

Меж тем приходит второе недоуменное письмо от Плетнева:

В последнем к тебе письме своем от 2 января 1827 года (которого, кажется, еще ты не получил) я объяснил, почему не мог... доставить 600 руб. вдове Кондратия.

Письмо датировано 18-м января. Почта шла три-четыре дня.

Читая письма Ф.И.Миллера, обнаруживаем подробности этого «долгового сюжета»*.

Сразу поясним два имени. «Арест Михайлович» — любопытная описка в двух письмах! — Орест Михайлович Сомов, сотрудник Рылеева, а позже — секретарь дельвиговских «Северных цветов». Анна Федоровна — сестра казенного поэта.

В письме от 3 июня:

...зашел кстати к Аресту Михайловичу и наведывался в рассуждении назначенных Анне Федоровне денег. Он их по медлительности своей еще не получал и, кажется, по рассеянности и по беззаботности сей о них и вовсе запамятовал; обещал, однако, после половины или в конце сего месяца вытребовать их от г. Пушкина, а по доставлении оных согласно поручению вашему писать к вам и просить вас о высылке к нему росписи для предъявления оной Пушкину. Арест Михайлович по болезненности своей слишком недоверчив и без малейшей нужды чересчур уже обстоятелен. Я застал его переезжающим из дома Американской Компании к Круглому рынку по Мойке в доме Паульсона (л. 15).

* ЦГАЛИ. Ф. 423. Оп. I. Ед. хр. 62.

24 июня:

Орест Михайлович <у> раз пять напоминал о деньгах, но он что-то плохо движется и, как думается, вряд ли в нынешнем или в будущем месяце схлопочет доставить оные по назначению вашему Анне Федоровне (л. 17 об.).

15 июля (на том самом, волглom от ненастья листе):

Письмо ваше Орест Михайловичу я вручил. Он обещал употребить старание о доставлении назначенных Анне Федоровне трехсот рублей в конце сего месяца или в начале августа. Он без сомнения сдержит слово (л. 20).

Что произошло? Очевидно, Н.М.Рылеева писала Миллеру о том, что долг возвращен ей еще зимой. Миллер получил письмо 5 июля и показал его Сомову.

31 июля, пригласив Миллера в свидетели, Сомов отправится по адресу рылеевской сестры (она снимала комнатку и была должна хозяйке двадцать рублей), ровно в час пополудни встретится с Миллером у входа в дом. Анна Федоровна от радости и смущения не будет знать, как приняться за расписку.

2 августа:

...по принятии им росписки и при прощании говорил он, что пошлет сию росписку к вам и будет просить о присылке вместо оной росписки вашей руки в получении присланных г. Пушкиным через барона Дельвига денег. Хотя и хлопотливо, но слава Богу, Орест Михайлович сдержал наконец слово и кончил денежное дело (л. 22).

Надо думать, Сомов успел снестись с Пушкиным до 5 июля, то есть до того как Миллер показал ему письмо с разъяснениями Рылеевой. Если так, то накануне голодаевского путешествия Пушкин общается с одним из душеприказчиков казенного собрата. Знал ли Сомов то, что знала вдова, знал Миллер и его домочадцы (включая малолетних дочерей), знали восьмилетняя Каменская и, наверняка, Мысловский?

Г.А.Невелев пишет:

Вероятно, потому Пушкин «позволил» В.П.Титову напечатать рассказанную им у Карамзиных «чертовщину уединенного домика на Васильевском» и внес поправки в принесенную рукопись, что заинтересовался возможностью опубликования описания места погребения казенных декабристов в тексте «сказки про черта, который ездил на извозчике на Васильевский остров». Этим, очевидно, объясняется и та поспешность, с которой «Уединенный домик на Васильевском» был напечатан: из уже собранных «Северных цветов на 1829» была выброшена статья П.П.Свинина, а секретарь альманаха О.М.Сомов,

препровождая повесть на рассмотрение цензору К.С.Сербиновичу, писал 27 ноября 1828 года: «Если можно, сделайте одолжение, удостойте ее поскорее вашим одобрением, ибо она непременно пойдет в печать на сей же неделе»*.

Дельвиг с «вдовой Кондратия» общался еще в начале 1827 года. Дельвиг ближе всего к тайне, не очень-то и охраняемой Натальей Михайловной Рылеевой. Если бы Пушкин пользовался слухами, он нашел бы способ усомниться в непроверенной информации, снабдив текст каким-нибудь обычным своим «N говорил...» или «услышал о...» Но он симпатическими чернилами записывает то, в чем уверен наверняка: 14 июля 1826 года Гонар<опуло>. Ни комментариев, ни оговорок ему не требуется. Это знание из первых рук, информация от такого человека, которому Пушкин всецело доверял.

Летом 1827 года мы можем назвать в Петербурге лишь одного человека, близко знавшего К.Ф.Рылеева и поддерживавшего отношения с вдовой казенного. Это Дельвиг. В его альманахе и появится «Уединенный домик на Васильевском». Орест Сомов мог и не знать, зачем надо ради повести Тита Космократова ломать готовый номер и торопить цензора. Редактор альманаха этого не знать не мог.

ОДА АДМИРАЛУ

Июлем 1827 года ныне принято датировать пушкинскую оду адмиралу Мордвинову. Тому самому, что голосовал против смертного приговора декабристам. В этих стихах, при жизни Пушкина не опубликованных, — всё странно и темно (хотя отнюдь не вяло).

Под хладом старости угрюмо угасал
Единый из седых орлов Екатерины.
В крылах отяжелев, он небо забывал
И Пинда острые вершины.

В то время ты вставал: твой луч его согрел,
Он поднял к небесам и крылья и зеницы
И с шумной радостью взыграл и полетел
Во сретенье твоей денницы.

* Невелев Г. А. С. 142.

М<ордвинов>, не вотще Петров тебя любил,
Тобой гордится он и на берегах Коцита*.
Ты лиру оправдал, ты ввек не изменил
Надеждам вещею пиита.

Как славно ты сдержал пророчество его!
Сияя доблестью и славой, и наукой,
В советах недвижим у места своего,
Стоишь ты, новый Долгорукой.

Так, в пенистый поток с вершины гор скатясь,
Стоит седой утес, вотще берега трепещут,
Вотще грохочет гром и волны, вокруг мутясь,
И увиваются, и плещут.

Один, на рамена поднявши мощный труд,
Ты зорко бодрствуешь над царскою казною,
Вдовицы бедный лепт и дань сиб<ирских> руд
Равно священны пред тобою.

Перечитаем: «Под хладом старости» угасает один из «орлов Екатерины». «В то время ты вставал, твой луч его согрел...» Кто «ты»? Чей луч? Кажется, речь о стихотворце Петрове, посвятившем оду еще молодому Мордвинову.

Но почему тогда орел дряхлый, отяжелевший в крылах?

Как сообщает БСЭ, Василий Петров «хвалебными одами и посыланиями Екатерине II и её фаворитам заслужил покровительство императрицы, но многие современники высмеивали сервилизм поэта, пародировали его напыщенные стихи». Но поэт Петров родился в 1736 году и умер в год рождения Пушкина, а потому старого Мордвинова он славить не мог.

Николай Семенович Мордвинов рожден в 1754-м.

Доживет он до 1845-го.

Энциклопедия сообщает:

* По мифу: Коцит — «река плача» в Аиде. Вместе с Пирифлектонтом («рекой огня»), Стиксом («рекой ужаса») и Летою («рекой забвения») он впадает в Ахеронт («реку воздыханий»). По Данте: через ад течет Флегетон — река из кипящей крови, а Коцит — самое дно ада, озеро из сплошного льда.

В 1783 участвовал в экспедиции адмирала П. В. Чичагова в Средиземном море. Адмирал (с 1799), в 1799—1801 член и вице-президент Адмиралтейств-коллегии, в 1802 морской министр. Сблизился с М.М.Сперанским, был его ближайшим сотрудником по разработке плана улучшения финансовой системы России. В 1823—1840 президент Вольного экономического общества. В 1826 Мордвинов — единственный из членов Верховного уголовного суда отказался подписать смертный приговор декабристам, осуждая, однако, их метод действий.

Мордвинов — один из первых в чреде русских либералов (если не самый первый). Либерал-экономист и либерал-гуманист он полагал, что при самодержавной монархии и крепостном праве можно провести экономические преобразования. Правительство лишь должно снять феодальные ограничения с частнохозяйственной деятельности, дать российским предпринимателям льготные кредиты, защитить протекционистским тарифом. Сам крупный землевладелец, он выдвинул проект постепенной ликвидации крепостного права путём выкупа крестьянами личной свободы (однако без земли).

В 1825-м с посвящением Николаю Семеновичу Мордвинову Рылеев издал томик своих «Дум».

На поэтике Рылеева замесит Пушкин эти свои стихи, в которых полтора десятка реминисценций из рылеевской оды «Гражданское мужество» (1824), тоже посвященной славному адмиралу и тоже, как и эта пушкинская ода, при жизни автора неопубликованной. Это у Рылеева впервые встречается сравнение Мордвинова с Яковом Долгоруковым, который «Один, как твердый страж добра, / Дерзал оспаривать Петра».

У Рылеева прочитаем, что именно Мордвинов «Души возвышенной свободу / Хранит в советах и в суде...», что «Уже полвека он Россию / Гражданским мужеством дивит: / Вотще коварство вокруг шипит — / Он наступил ему на выю...»

И далее: «Так в грозной красоте стоит / Седой Эльбрус в тумане мгlistом: / Вкруг буря, град и гром гремит, / И ветер в ущельях воеет с свистом; / Внизу несутся облака, / Шумят ручьи, ревет река...» И вновь: «Стоит гранитною скалой».

Пушкин снизит уровень пафоса, превратив Эльбрус в скатившийся с горной вершины утес, а из осколков рылеевских строк «Сияя славой...» и «О доблесть...» сделает «Сияя доблестью и славой, и наукой».

Одну из лучших рылеевских строф выпишем целиком:

Лишь Рим, вселенной властелин,
 Сей край свободы и законов,
 Возмог произвести один
 И Брутов дух, и дух Катонов.
 Но нам ли унывать душой,
 Пока еще в стране родной
 Один из дивных исполинов
 Екатерины славных дней,
 Среди сонма избранных мужей
 В совете бодрствует Мордвинов?

Когда-то Пушкин посмеялся над рылеевским «лучом денницы» (лучом утренней зари), который «лишь в полдень проникал» в темницу Богдана Хмельницкого. Рылеев согласился и исправил строку. Теперь Пушкин сам использует «находку» Рылеева: «твой луч его согрел» и, он (Мордвинов) «полетел во сретенье твоей денницы», то есть на- встречу лучу надежды, что так долго, более полутода, с 14 декабря 1825-го скользил по сводам семнадцатого каземата Алексеевского равелина Петропавловской крепости. И потух на рассвете 13 июля вместе с невзошедшим для пятерых обреченных солнцем.

Мордвинова декабристы прочили во Временное правительство. Считается, что адмирал об этом знал. И вот «новый Долгорукой» стоит «в советах недвижим», оспаривает предписание царя и голосует против смертной казни. Оспаривает, как предугадал Рылеев в своей оде Мордвинову, — «на стыд Ареопагу».

Предсказание Рылеева сбылось. Но как сбылось...

Вот почему Рылеев для Пушкина — «вещий пийт».

А «вещий пийт» Петров — это обманка, ритуальный поклон тетушке цензуре. У Петрова были не прорицания, а стандартные и не имеющие отношения к поэзии одические хвалы. Упомянут он как стихотворец-предшественник, первым воспевший Мордвинова, но *вещий* — это другой, тот, на которого указано многочисленными цитатами и полуцитатами.

Мы знаем только белойой автограф. Но аллитерация подсказывает, что друзьям Пушкин должен был читать, вероятно, так:

Мордвинов, не вотще Петров тебя любил,
 Тобой Рылеев горд и на берегах Коцита —
 Ты лиру оправдал...

Оправдал лиру. Вот за что хвала и честь адмиралу.

Когда б в июле 1827 года Пушкин, Дельвиг и Сомов не выясняли бы щекотливый вопрос о давно выплаченном долге, у пушкинской оды полуопальному адмиралу не было бы такой концовки: «Вдовицы бедный лепт и дань сибирских руд / Равно священные пред тобою».

«Послание в Сибирь» уже отправлено. И всем ясно, кто сегодня добывает эту самую «дань сибирских руд», из которой после отчеканят медный лепт для вдовы казненного.

БЕРЕГ ДЛЯ АРИОНА

Графическое и лексическое дополняют друг друга.

1827 год: крупный план, камни и «скалы» на рисунках, «скала» в «Арионе» (единственная примета пейзажа в этих стихах).

1828 год: весной — набросок топографического плана, а осенью в той же тетради — то же самое пространство, что и на плане, только развернутое в рисунок. Уже не сама могила предмет изображения, а то, как к ней пройти да как это выглядит при подходе, с земляной дамбы. Тот же путь описан и в путеводителе из «Уединенного домика на Васильевском».

1830 год: в Болдине, запертый карантинами, он пишет стихи, где гоноропулов пейзаж становится строчками лирики. Но заканчиваются они все-таки рисунком. Значит, боль еще не отпустила, не вся стала «воспоминанием» и превратилась в четырехстопный ямб.

Целебный отвар реминисценций уже не врачует. В 1833-м он принимается за стихотворную повесть о несчастном чиновнике, который месяца за три до восстания декабристов на той же Сенатской бросил вызов Медному всаднику, а месяца за три до казни на кронверке был погребен «ради Бога» — без гроба и обряда — на «острове малом». Это сближение, подмеченное Андреем Белым*, теперь нуждается в развитии: «петербургскую повесть» Пушкин начинает строкой голодаевских стихов шестилетней давности, а под ней рисует стрелку вала на Гоноропуло и указывает штрихом место у ее подножия. Вряд ли он знает княжнинскую привязку: просто сама местность подсказала и могильщику, и поэту одну систему координат.

* Белый А. Ритм как диалектика и «Медный всадник». М., 1929. С. 175.

Гром-камень в ПД 838 (л. 17 об.)

«Медный всадник» — не иносказание о 14-м декабря. Напротив, «петербургская повесть» — перебарывание декабристской трагедии, включение ее в вечный контекст человеческой драмы.

С фасада «Медный всадник» — ода. Как, впрочем, и сам Петербург. Но, как и в путеводителе из «Северных цветов», от «пышного ряда каменных огромных строений» мы приходим к могиле на первом из островков Голодаевской косы. От оды — к реквиему.

Есть в той же ПД 838 никем, кажется, не опознанный рисунок: скала «Медного всадника», но без коня и Петра. Не под летящим скакуном, а под пятипалым кустом в чухонском болоте. И не зря очертания Гром-камня так рифмуются с абрисом стрелки вала на Гоноропуло. Тень фальконетовского монумента незримо осеняет могилу бедного Евгения и братскую могилу казненных бунтовщиков. Пушкин — это черта прорицателей и поэтов — весь во власти странных сближений. Это его поэтические ориентиры в житейском море.

Привыкнув к тому, что «Арион» мало соответствует легенде о древнегреческом поэте, спасенном от пиратов дельфином, мы уже не можем увидеть одной очень простой вещи: тема Ариона («спасен дельфином...») возникает лишь поверх беловика. И само название найдено позже. Карандашом Пушкин приписал: «Орион», спутав исторического героя с мифологическим. А потом исправил пером: «Арион».

Он писал эти стихи о себе и только о себе. Его древнегреческая ассоциация — плод дальнейших раздумий. И мы вряд ли ошибемся, если предположим, что дикий для русского берега греческое имя и подсказало с таким трудом извлеченный из памяти арионовский сюжет. Две «скалы» — Сцилла и Харибда полуденной грозы — и спасительное устье рва между ними («Сюда погода волновая...»), и античные грома в самом звучании этих слов «остров Гоноропуло».

В Пушкинском Доме, в знаменитой картотеке Б.Л.Модзалевского, фамилию Гунаропуло удалось обнаружить, лишь перебрав все возможные варианты ее написания. Семь карточек оказались на «Гуно...»*.

В ленинградских архивах С.В.Мироненко и Т.Н.Ознобишина, а в московских историки Андрей Серков, Ярослав Леонтьев и Сергей Львов обнаружили десятки документов об этом роде.

Афанасий Гунаропуло приехал в Россию в конце XVIII века. У него было три сына. Егор Афанасьевич числился по лейб-гвардии драгунскому полку, служил вместе с Александром Бестужевым. Боевой офицер, человек, знавший полдюжины языков, он — адъютант военного министра и в 1826 году председателя следственного комитета по делу декабристов А.И.Татищева**.

Егор Гунаропуло был причастен к следствию по делу декабристов, даже выезжал в Харьков расследовать донос некоего титулярного советника Плотникова.

Следствие свое он провел весьма своеобразно: явившись к гражданскому губернатору, ограничился заявлением того, что Плотников «человек, не заслуживающий никакого внимания», и, судя по донесению самого Гунаропуло, вернулся, даже не повидавшись с доносчиком***.

Больше ему жандармских поручений не давали.

31 декабря 1827 года Егор Афанасьевич увольняется от службы по домашним обстоятельствам в чине капитана, и след его теряется.

Другой брат, Афанасий Афанасьевич, в 1834 году представлялся царю в качестве новоиспеченного белостокского губернатора. Некто Жиркевич так описал эту процедуру:

Потом государь, обратясь к Гоноропуло, приветствовал его, что он уже давно знаком с ним, но в настоящую минуту он должен ему напомнить, что в Белосток назначили его губернатором по представлению кн. Долгорукого <...> Тут глаза государя заблестали, стан выпрямился, и он, возвыся голос, сказал: — Мне нечего тебя учить, как следует обращаться с поляками <...> Поляк — всегда поляк <...>. Он будет виться у ног твоих, будет лизать их, пока не доберется до шеи, а там задушит тебя!..****

* Чтобы не путать с названием острова, фамилию братьев мы станем писать в ее исконном варианте — Гунаропуло.

** Месяцеслов на лето 1825. СПб. С. 90; Месяцеслов на лето 1827. СПб. С. 103; ЦГВИА. Ф. 395. Оп. 66/328. Д. 1698.

*** ЦГАОР. Ф. 48. Оп. I. Д. 262.

**** Русская старина. 1878. № 7. С. 418.

Перевести с царского на человеческий это можно так: назначаю тебя не за услугу, мне оказанную; и помни, что живые польские революционеры в их земле — не то, что мертвые русские в твоей собственной. (Николай I не забыл про то, сколь страшен был змей под копытами Медного всадника 14 декабря, и сам расписывал обряд казни, вникая в мельчайшие детали экзекуции и захоронения.)

В «Указателе жилищ и зданий Санкт-Петербурга» на 1822 год адрес «на Голодае» только у Гунаропуло*. Невероятно, чтобы повешенных могли закопать в помещичьей земле, не спросив согласия владельцев. Другое дело — что двигало братьями? Желание услужить власти или сострадание к казненным?

На Голодае у Гунаропуло мыза, а городской дом — на Мойке, близ Синего моста. Гунаропуло — соседи Рылеева: дом Российско-Американской компании тоже на Мойке и тоже у Синего моста. Были ли они знакомы? Были. Третий брат — Феопемпт Афанасьевич, до 1822 года — один из крупнейших русских масонов. Сохранились книги «вольных каменщиков», где буквально на одном листе подписи Гунаропуло и Рылеева. В разные годы Ф.А.Гунаропуло посещал одни ложи и присутствовал на одних заседаниях с Рылеевым, Пестелем, Муравьевыми-Апостолами. (ОР ГБЛ, ф. 147, д. 51; д. 62, л. 124; д. 70, л. 37. Указано А.Серковым). После закрытия масонских организаций Феопемпт Афанасьевич, человек смирный и законопослушный, продолжает службу сначала в канцелярии Дежурного генерала Главного штаба, а потом в канцелярии начальника Главного штаба.

Сергей Трубецкой на следствии показывал:

Я не хотел идти на площадь <...> и у ворот канцелярии г-на Начальника Главного штаба встретил входящего в них полковника Юренева, чиновника Гунаропуло и еще одного человека, мне незнакомого, они имели вид испуганный и зазвали меня с собой, я взшел на лестницу и вошел с Гунаропуло в канцелярию г. Начальника штаба, где никого не было. Он с весьма испуганным видом говорил мне: «Беда! Какая беда! Московский батальон и множество народа прошли по Морской к Сенату, я с ними встретился, бежал от них, они кричат ура императору Константину; говорят убили Фридрикса». Последнее слово меня сразило: я почти упал на стул, едва мог говорить. Гунаропуло вставал, садился, говорил все: «Ах! Какая беда», а после предложил идти на площадь; мы вышли,

* Указатель жилищ... С. 160.

но я, идучи, сказал ему, что я чувствую себя очень нездоровым, и зашел опять в канцелярию г. Дежурного Генерала...*

При Николае I Феофемпт успешно продвигается по службе, только в 1826 года получает два ордена «за отличную службу и неустоимые труды». Милости сыплются на него до самой отставки.

Документ более позднего времени открывает, кто же был покровителем братьев. Уже после их смерти некто Демортье пишет министру двора, а некогда члену следственного комитета по делу декабристов графу В.Ф. Адлербергу:

Сиятельнейший граф! Вы были покровителем и спасителем покойных Феофемпта и Афанасия Афанасьевича Гунаропуло, когда по ошибочному присуждению они едва не лишились своего всего состояния. Вы подали им справедливую помощь, когда отчуждался дом их в казну. Это драгоценнейшее Ваше расположение Феофемпт Афанасьевич приобрел во время долговременной службы своей под благодетельным начальством Вашего Сиятельства...**

Конец жизни Афанасий и Феофемпт Афанасьевичи провели на своей голодаевской мызе. Детей у них не было, и наследники, дальние их родственники, продали мызу вместе с землей***.

ХРОНИКА ЭКСПЕДИЦИИ

В феврале 1980 года в Пушкинском Доме мы с поэтом В.Д.Берестовым просматривали Третью масонскую тетрадь Пушкина.

И оба были поражены рисунками на одном из ее разворотов. Объяснение хранительницы рукописей Р.Е.Теребениной нас также удивило: какая же это могила Ленского, если пейзаж ну никак не похож!.. В романе — ручеек, две сосны, «памятник простой». Здесь — летящие по ветру острые ветви, лужа; грудa камней, какие-то обрывы да торчащая из ямы крапива. Правда, в этой же тетради строки о могиле юноши-поэта, а тут и впрямь нарисован могильный камень...

Необычно в этих зарисовках буквально все: и странная организация пространства, и тщательность прорисовки, и сама техника

* Восстание декабристов. 1925. Т. I. С. 72.

** ЦГИА. Ф. 472. Оп. 35. Л. 55.

*** Русская старина. 1917. № 3. С. 401.

(часть рисунка проработана грифелем, а часть чернилами), и сами размеры, беспрецедентные для пушкинской графики.

И все-таки ассоциация с могилой Ленского есть, как есть она в описании гибели Ленского, оплаканного Пушкиным парафразами из Рылеева. Ленский, останься он жив, мог «быть повешен, как Рылеев».

В марте и в апреле 1987 года сначала в одиночку, а потом вместе с ленинградцами Владимиром Филаретовым, Татьяной Гоголевой и Юлией Демидовой я приду на остров Декабристов, бывший Голодай, чтобы определить, где же были коса и ров.

Осмотр «места происшествия» произведет тяжелое впечатление: мы опоздали лет на пятнадцать, ведь в начале 1970-х голодаевский берег намыли и подняли (в среднем метра на два). И лишь заливчик напоминает о некогда существовавшей меж Вольным и Голодаем широкой протоке.

С этих прогулок и началась хроника нашей экспедиции.

Июнь 1987 года. Первая моя голодаевская публикация в «Огоньке» (№ 23). После нее по совету заведующего отделом музея истории Ленинграда А.Д.Марголиса просматриваю топографические планы Петербурга в фондах музея, сопоставляя их с пушкинским «устным путеводителем». На плане 1828 года обнаруживаю «последнюю возвышенность», ров и вал на Гоноропуло. Марголис с такой привязкой соглашается, но вносит существенное уточнение: судя по характеру штриховки, на плане Ф.Ф.Шуберта отмечен лишь внешний откос вала. Внутренний, пологий откос, на карту не нанесен.

Вырский архитектор-реставратор Александр Семочкин предполагает, что на пушкинских рисунках изображены руины каких-то фортификационных сооружений. Проходим еще раз по Голодаю и за остатки возвышенности и вала принимаем рельеф очистных сооружений кожевенно-шорного комбината «Марксист». В конце лета нашу ошибку докажет начальник очистных сооружений Аркадий Крижинский; он найдет в заводском архиве план кожевенного завода Осипова. Итак, мы вышли не на Гоноропуло, а на следующий за ним остров Кашеварова. (Промаяхнулись метров на четыреста!) С Крижинским, а после с ленинградским тележурналистом Виктором Правдюком и студенткой Аней Знамеровской мы вымерим Уральскую улицу до самой Смоленки пятиметровой рулеткой. И скажем спасибо нашей оплошности: благодаря ей

мы получили макет в натуральную величину и смогли разобраться с рисунками в ПД 836. Итак, место локализовано: могила должна находиться в нескольких метрах южнее стрелки вала на Гоноропуло. Позже это будет подтверждено и рисунком в ПД 838, и указательной стрелкой, проведенной Пушкиным на рисунке в черновике «Медного всадника», а также княжнинской привязкой к двум «выпуклым скалам» и, наконец, результатами бурения.

Июль — август. Найден набросок пушкинского топографического плана. Дискутируем в ленинградской телепрограмме «Монитор» с историком Геннадием Невелевым.

Фотоэксперимент с пластилиновым макетом подтверждает корректность пространственной интерпретации рисунков из ПД 836 и правильность географической ориентировки по сторонам света. Выясняем, что даже трава и цветы, посаженные Н.М.Рылеевой, росли под защитой «грудки булыжников» с южной ее стороны.

Выходит вторая публикация в «Огоньке» (№ 35).

Сентябрь. В телепередаче «Арион» рассказываем о нашем поиске.

Виктор Правдюк предлагает покончить с топографическим дилетантизмом и обратиться за помощью к ленинградским военным топографам. Они совмещают планы и переносят точку с плана Шуберта на современный крупномасштабный план.

Точка ложится в пяти метрах от заводского корпуса. Значит, если при строительстве рыли котлован, место наверняка уничтожено. К тому же топографы предупредили, что даже при наложении таких точных карт погрешность, как правило, составляет три метра. В самом благоприятном случае искать придется прямо у стены заводского цеха, на нешироком проезде между двумя промышленными корпусами.

Идем к судостроителям. Главный инженер «Алмаза» Алексей Андреевич Пономарев обещает помощь и деньги для раскопок на территории завода. И — о удача! — оказывается, что корпус цеха стоит на сваях. Спрашиваю у Пономарева, что будем делать, если топографы промахнулись не на три, а на пять метров, и могила под двухметровым бетонным полом эллинга?

«Будем бить бетон». — «Чем?» — «Отбойными молотками».

Начинается мистика: к нам пришли экстрасенсы. Это две молодые женщины — О. и Т. Они говорят, что копать надо не здесь, на Уральской, 19, а на западном берегу Гоноропуло. И объясняют

это плавнуном, «подвижкой грунта» и т. д. Что ж, там удобное место, чтобы заложить пробный раскоп и понять, а возможны ли вообще раскопки на острове Гоноропуло.

Силами курсантов-топографов, солдат-пограничников и просто энтузиастов осенью 1987 года делаем в стороне от пушкинской точки весьма солидную «закопушку»: за десять дней — с опалубкой, насосами и прочей техникой — нам удастся пройти около четырех с половиной метров. Яма заплывает, как заговоренная. Наконец, не выдерживает опалубка.

Еще трижды появятся в нашем поиске лозоискатели. Все они уверенно укажут еще на три разные точки. И только группа А.И.Олейникова из ВСЕГЕИ действительно определит некую «аномалию» — оконтурит подземный коммуникационный колодез. К чести землепроходцев из ВСЕГЕИ: они-то как раз и не утверждали, что «абсолютно точно» укажут место. И когда «нетривиальные методы» не дадут результата, Олейников сведет нас с геологами Г.М.Беляевым и В.А.Угаровым.

К этому времени мы уже знаем: раскоп на берегу Гоноропуло невозможен. С техникой или без техники — мы только уничтожим место, и даже археологи из ЛГУ, принимавшие участие в пробном раскопе, не гарантируют, что в таких условиях смогут что-либо заметить.

Виталий Угаров предлагает исследовать территорию бурением: через два метра пройти всю площадку и взять пробы грунта на химический анализ. Просим «Севзапгеологию», и она дает технику.

В декабре делаю сообщение о поиске в московском музее А.С.Пушкина.

14–25 декабря 1987 года: Бурение пятидесяти скважин на «Алмазе» (по квадратной сетке со стороной ячейки в два метра), описание их и отбор проб. Исследовали 200 кв. м. По линии торфяника геологи подтвердили: между Голодаем и Гоноропуло действительно была древняя протока (ее возраст минимум несколько столетий).

29 февраля 1988 года делаю сообщение на декабристской секции Совета содействия музею истории Ленинграда.

К нам присоединяется архитектор Татьяна Ознобишина. Она находит артиллерийскую батарею на двух планах 1810-х годов в том месте, где потом появляется рыбацья избушка.

Начинаем архивные исследования. Выходит третья публикация в «Огоньке» (№ 6).

Компьютеры еще не вошли в моду, и на чертежном приборе Петра Прохорова архитектор Татьяна Ознобишина строит перспективный рисунок по плану Шуберта. По пропорциям он оказывается почти что калькой с пушкинского рисунка в ПД 838.

Март — второй тур бурения. Добираем хвосты.

Апрель — по пробам грунта В.А.Угаров обнаруживает в точке, где когда-то лежал нарисованный Пушкиным валун, аномалию по кальцию, фосфору и магнию. Горизонт ее от 4 до 6 метров. Если «снять» культурный слой XX века (он более двух метров), это и есть уровень предполагаемого захоронения. Но — рядом коммуникационный колодезь. Может быть, аномалия из-за него?

Май — московский геолог Давид Кочнев предлагает направить пробы грунта в ЛГУ для анализа по «суммарному белку».

Июнь — в Петропавловской крепости проводим совещание с научной общественностью города. Присутствуют С.А.Фомичев и Т.И.Краснобродько (Пушкинский Дом), Н.И.Попова и Р.Г.Жуйкова (Государственный Музей-квартира А.С.Пушкина), главный судебно-медицинский эксперт Ленинграда В.В.Андреев.

Большинство против раскопа в пушкинской точке. Не по техническим, а по моральным соображениям.

Август — к исследованию приступают московские криминалисты-почвоведы из ВНИИ МВД А.А.Алексеев, А.В.Лазарев, Г.П.Астапович, Е.А.Ломакина, Ж.М.Никифорова, Н.Г.Соколова, Н.Иванов, а также ботаник биофака МГУ В.Р.Филин и доктор геолого-минералогических наук И.В.Еремин.

Конец сентября — третий тур бурения (уже не стационарным, а легким мотобуром).

И тут нам улыбается удача. Криминалист А.В.Лазарев по сделанному геологами описанию скважин обнаруживает в пушкинской точке под слоем почвы XX века древнюю яму. Оказывается, что в скважинах 1, 2, 3 слои супеси и песка лежат совсем не на тех горизонтах, что в соседних (да и во всех иных) скважинах. Геологи чуть смущены, ведь они не обратили на это внимания («мы же не криминалисты!»). Алексеев внешне невозмутим, но согласен, что герой дня — Андрей Лазарев (его чертежи см. на с. 293–295).

Геологи сохранили пробы керна. Криминалисты под микроскопом выделяют фрагмент сосновой коры, какие-то твердые белые частицы, крошку керамики, кирпича, шлака, древесного и каменного угля.

Уголь в Петербург возили из Европы с начала XIX века, и всего в километре выше по течению Невы — чугунный заводик. Река катила крошку угля и шлака, выбрасывала ее на берег во время наводнений. При рытье могилы этот мусор и должен был попасть в яму. Эксперты определяют, что каменный уголь был добыт многие десятки лет назад.

Еще удача: Тина Нижарадзе и Марина Лаздовская находят в грунте мощное пятно вторичного белка. Оно совпадает с определенной Угаровым химической аномалией. Это говорит «о захоронении в пушкинском месте биологических объектов». В коре сосны «суммарного белка» больше, чем даже в яме: из грунта белок вымывался током грунтовых вод, а в коре задерживался.

Самые важные строки экспертизы Нижарадзе и Лаздовской:

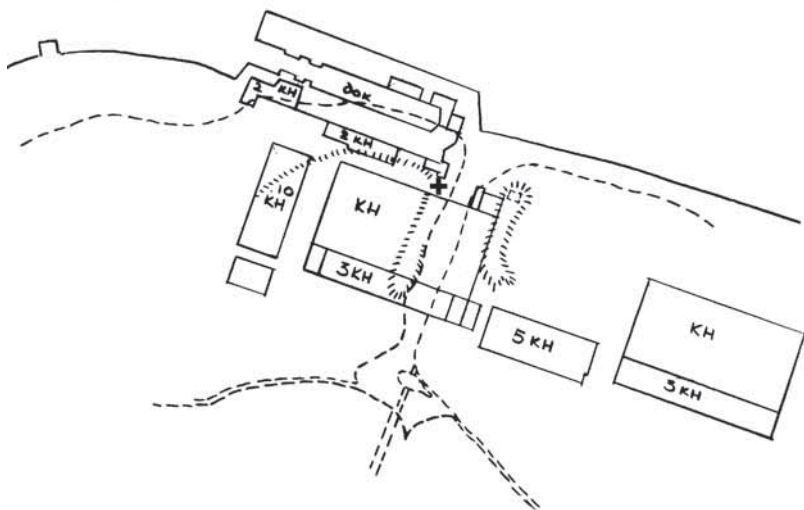
Кафедрой инженерной геологии и грунтоведения ЛГУ в течение июля — сентября 1988 г. были осуществлены специальные исследования по количественному содержанию суммарного белка (СБ, мкг/г) в образцах грунтов, отобранных в пределах контура предполагаемого захоронения декабристов. Исследованные образцы (в количестве 23 шт.) были отобраны в следующем интервале глубин: 3,0–4,0 м; 3,5–4,5 м; 4,0–5,0 м; 4,5–5,5 м; 5,0–6,0 м; 5,5–6,5 м.

Определение количественного содержания в породах СБ производилось методом, разработанным кафедрой грунтоведения и инженерной геологии, совместно с лабораторией генной инженерии. Основой метода является модифицированный метод Брэдфорда <...>

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Элементный химический состав образцов грунта, представленный для исследования в сентябре 1988 г., не имеет различий в качественном и полуколичественном отношении.
2. Во всех исследуемых объектах обнаружен суммарный белок (СБ), содержание которого варьирует в пределах от 20,0 до 281,82 мкг/г.
3. Максимальные значения СБ зафиксированы для образцов, отобранных в интервале глубин 4,0–5,0 м., для которых содержание СБ составляет в среднем 164,68 мкг/г (при min — 105,0 мкг/г и max — 281,82 мкг/г).
4. Для песчано-глинистых отложений Ленинградской области подобные значения СБ не являются типичными.

Максимум белка совпал с пятном повышенного содержания кальция, фосфора и магния (скважины 1, 2, 3). Вот и криминалисты утверждают, что грунт в отобранных образцах не содержит инородных примесей, за исключением проб из скважин 1, 2, 3 и литерных

Выкопировка плана Ф.Ф.Шуберта (пунктир)
с наложением на современный план
+ — предполагаемое захоронение
Заверено ВРИО Ленинградского высшего военно-топографического
командного училища О. Ануфриевым

скважин мотобура. Яма, обнаруженная экспертом Андреем Лазаревым на кончике пера, становится явью.

Среди включений — фрагменты кости. На одном — пленка извести. (Анализ по ДНК невозможен, поскольку при гашении извести температура слишком высока.) Несколько кусочков сероватого вещества тоже оказываются известью. Вывод, сделанный экспертами ВНИИ МВД: в пушкинской точке обнаружено древнее захоронение с возможным использованием негашеной извести. (Слово «возможным», как мне объяснили криминалисты, передавая свое заключение, — требование профессиональной корректности, ведь обнаруженная известь уже гашеная. Хотя ее наличие на поверхности одного из костных фрагментов означает, что гасилась она в контакте с костью.)

Топографы Ленинградского высшего военно-топографического командного училища А.Г.Исаев и В.А.Егоров явно поскромничали:

ошибка при совмещении карт все же менее трех метров. Иначе первые три скважины не попали бы точно в яму.

Здесь надо сделать недлинное историческое отступление:

Когда в 1975-м по рисункам Пушкина определили место, где стояла кронверкская виселица, и стали готовить место под монумент, рабочие наткнулись на спиленные столбы помоста.

Пушкин и в нашем случае оказался точен.

Проводим исследование стенок бетонного колодца: магния и фосфора в них нет. Берем грязь со дна: содержание белка — фоновое. Значит, колодезь (он в насыпном слое) — ни при чем.

19 октября в Смольном соборе открылась выставка «Декабристы в рисунках Пушкина». Ее готовили А.Марголис, М.Вершевская, Г.Урсова. На выставке — голодаевские пейзажи Пушкина, прорись его строки из ПД 833 и макет, выполненный Т.Ознобишиной.

В декабре вновь делаю сообщение о поиске. Сначала в московском музее А.С.Пушкина, потом в ленинградском Дворце молодежи.

Декабрь 1988 и январь 1989 года — в Ленинграде вместе с хранителями пушкинского фонда Т.И.Краснобородько и А.В.Дубровским делаем несколько попыток переснять пушкинскую «симпатическую» запись. Наконец Д.П.Эрастову удается получить качественный снимок.

Составляем сводку написания фамилии Гунаропуло по архивным и печатным источникам.

Январь 1989 — публикуем результаты экспедиции в «Огоньке» (№ 4). «Пятое колесо» показывает телесюжет о поиске.

Академик Б.В.Раушенбах дает экспертное заключение по организации пространства пушкинских рисунков и подтверждает корректность их топографической атрибуции.

В Пушкинском Доме проводим два семинара, спорим с оппонентами. Они идут вслед за нами, а значит, повторяют наши старые ошибки. И, пользуясь нашими материалами, обвиняют нас то в сокрытии данных экспертиз (переданных в музей истории Ленинграда), то, уже имея в руках нашу сводку, заявляют, что Пушкин не мог писать «Гонаропуло», а только «Гунаропуло». Особенно ожесточенный спор вспыхивает вокруг деревьев и кустарников на «острове малом». Предъявляем план 1823 года, хранящийся в Центральном Государственном Военно-историческом архиве, на котором отмечен кустарник на Гоноропуло.

Получаем экспертное заключение историка и архивиста С.В.Мироненко. С расшифровкой пушкинской «симпатической» записи соглашались С.А.Фомичев и С.В.Житомирская. Поступают положительные отзывы Д.С.Лихачева, А.М.Панченко, А.Е.Тархова и К.А.Баршта. От имени группы ленинградских археологов, изучивших пакет материалов экспедиции и признавших корректность нашей работы с точки зрения археологии, заключение подписал К.М.Плоткин.

Часть экспертных заключений будет опубликована в «Огоньке» (1989, № 29. С. 18—19). В 1990 году в серии «Библиотека “Огонек”» (№ 4) выйдет моя книжка «Скорбный остров Гонорупуло».

Апрель 1989. В.А.Угаров рассчитывает сумму химической аномалии. Анализ по магнию ничего не дает: этот элемент накапливается в органике. Зато по фосфору значение близко к расчетной единице. По кальцию результат — 2,4. Сумма кальция говорит об использовании двух пудов негашеной извести (погрешность плюс-минус два килограмма). Напомню, что современники (в их числе и преосвященный Исидор) сообщали о захоронении казненных в яме с известью.

Значит, в земле останки именно пятерых человек.

Вспомним свидетельство М.Н.Волконской: «Их тела были положены в два больших ящика, наполненных негашеной известью...» Надо думать, что тот, кто рассказал декабристке о тайных похоронах, ночью видел издали два больших ящика с известью (в каждом ровно по пуду) и принял их за гробы.

По доброй воле хоронить кого бы то ни было на займище — сущее безумие. Рядом — высокие сухие берега: вал, «последняя возвышенность». По опыту пробного раскопа мы знаем: пройти в плавуне около двух метров весьма трудно: двое или трое должны копать, еще трое вычерпывать песчаную жижу. Но могильщикам и не придет в голову так над собой издеваться. Другое дело, если работает инженерная команда Петропавловской крепости (свидетельство И.И.Горбачевского). Инженерная команда углубила ложе котлована до трех-четырёх метров. Яма постоянно заполнялась водой.

Сырое место на затопляемом берегу — гарантия, что известь уничтожит тела, а плавун не позволит родственникам похитить прах. Для надежности выбрана точка, во-первых, труднодоступная; во-вторых, находящаяся в частном дворянском владении (единственном на Голодае); в-третьих, за ней можно наблюдать и с брандвахты на Петровском. И держать часовых в пустой избушке.

Ярославу Леонтьеву удалось разыскать в архиве донос Шервуда-Верного. Он сообщал в Третье Отделение, что имярек выкопал черепа декабристов и держит их дома. И хотя предателю декабристов у начальства не было оснований не доверять, донос пропустили мимо ушей. Власть знала, что это невозможно. (ЦГАОР СССР. Ф. 109. I эксп., 828. Д. 143.)

Если б казненных похоронили на городском кладбище для самоубийц и павших животных, где все время копали, — реакция, надо полагать, была бы иной.

В 1862 года петербургский генерал-губернатор А.А.Суворов предпринял поиски могилы казненных. Он опросил местных жителей, и «несколько человек совершенно точно указали на место могилы около одного полуразрушенного строения». Суворов приказал полицейским копать, и, как вспоминала его дочь А.А.Козлова, те отрыли пять скелетов». Потом Суворов поставил там ограду и велел обывателям присматривать за ней*.

Видимо, раскопки производились недалеко от дачи Жадимировского и Голодаевского переулка, на кладбище самоубийц и «лиц, лишенных христианского погребения»**. Историк П.Н.Столянский называет его «собачьим», потому что, по его сведениям, именно там закапывалась и скотина***. В 1870-е годы оно перестало существовать. Летом 1917 года при прокладке водопроводных труб солдаты наткнулись на полуистлевший гроб с прахом военного в «александровском мундире»****. В России шла революция, и весть о «декабристе» облетела даже провинциальные издания.

В 1925 году раскопки были продолжены. Увы, эксперты решительно отвергли «декабристскую» версию: форма — да еще с эполетами — оказалась не александровского, а николаевского времени. Впрочем, с тех пор легенда о якобы найденных пяти гробах с прахом казненных на кровверке пошла гулять по декабристсковедческой литературе.

Рассмотрим версию с кладбищем самоубийц. Это место у границы земли купца Жадимировского, близ армянского кладбища. Отсюда далеко от «взморья». Ни о каком «конце острова» или «прибрежных

* Красная панорама. 1928. № 29. С. 6.

** ЦГИАЛ. Ф. 514. Оп. 1. Д. 598.

*** Столянский П. Н. Город Санкт-Питер-Бург, ныне Ленинград. Л., 1927.

**** Петроградский журнал «Огонек». 1917. № 23.

кустах» говорить не приходится. Должны ли мы пренебречь свидетельствами Пушкина и Княжнина, и проигнорировать и свидетельства Муравьева и Жандра? Пушкин мог ошибаться, а обер-полицмейстер врать. Но они оба указывают на одну точку, это уже можно объяснить только широкомасштабной дезинформацией. Придется допустить, что петербуржец Миллер «уединенным островом» называл Голодай, а другие Голодай именовали и вовсе «островком».

Как показали раскопки 1917–1926 годов, уровень грунтовых вод на «собачьем кладбище» ниже уровня захоронений. Это еще раз говорит о беспрецедентности братского погребения на Гоноропуло. Береговая полка между валом и рвом образовалась после разрушения вала. В XVIII веке, судя по торфу, здесь была протока.

Могила находится у осыпи полуразрушенного вала. Именно такое ее положение и предрек геолог Г.М.Беляев. Еще до начала бурения он считал, что скрыть захоронение легче всего, обрушив часть осыпи.

Ни в протоку, ни «под вал», когда он еще закрывал это место, похоронить нельзя. Значит, XVIII и начало XIX столетия (до разрушительного наводнения 7 ноября 1824 г.) надо исключить.

Весь XIX век островок был в частном владении, перейдя после 1857 года к княжеской фамилии Курьятович-Курцевич*.

Анализ научной литературы и планов середины и конца XIX века показывает: произошло опускание берега, и воды Невы вновь пришли к этому месту. Займище стало отмелью. И так было до XX столетия. Значит, вырыть здесь «котлован» можно было только в 1824–1850 годах, когда землей владели Гунаропуло.

Место, как свидетельствуют топографические планы второй половины XIX века, оказалось под водой, и даже те, кто его знал, перестали сюда приходить. Вспомним свидетельство Л.М.Жемчужникова: в начале 1850-х «курганчик» над телами декабристов (видимо, оплывшая и окончател но разрушенная стрелка вала) еще был, но пройдет десять-двадцать лет, и художник запишет, что «нет и признаков этого возвышения». Не искали могилу товарищей и амнистированные декабристы. А ведь стоило лишь обратиться к Н.М.Рылеевой или к ее дочери, чтившей память отца и дожившей до 1890 года. Будь декабристы похоронены в любой другой точке Голодая, их могилу не надо было бы искать более века.

* ЦГИАЛ. Ф. 513. Оп. 102. Т. 3. Д. 2435. Л. 78.

Нашли в 1826-м, а потеряли к 1860-му. Просто вдова и дочь поэта знали, что «курганчик» смыло наводнениями.

Решающим аргументом стал фосфор. Его в месте захоронения столько же, сколько в телах пятерых взрослых людей.

Обер-полицмейстер Княжнин оставил нам еще одну топографическую привязку: если продлить створ 10–11 линий Васильевского острова, то он пройдет через братскую могилу декабристов (она окажется точно на осевой линии створа).

Впрочем, это может быть и случайным совпадением

Когда материалы фотоисследования вызвали полемику, мы передали их Д.С.Лихачеву и С.В.Житомирской, которые согласились с корректностью нашего чтения недописанного Пушкиным слова. После этого снимки ЛКРД АН СССР были направлены для экспертизы во Всесоюзный научно-криминалистический центр МВД СССР, и 25 декабря 1989 года эксперт М.Н.Сосенушкина закончила исследование, признавшее правомочным нашу интерпретацию графики двух букв, попавших под масляное пятно. Справка по исследованию № 1925 вместе с текстологической экспертизой переданы в рукописный отдел Пушкинского Дома.

Полемика продолжилась. Я.А.Левкович предположила, что в тетради речь о вызове Пушкина к псковскому губернатору и прочла «Gou<verneur>»*. Но мы не знаем о таком вызове.

В.Д.Рак прочитал не «Gonag...», а «Zo...»**

* Левкович Я. А. «Гонорупуло» или «Губернатор» // Временник Пушкинской комиссии. СПб., 1995. Вып. 26. С. 212–215.

** Рак В. Д. Запись «14 juillet 1826 Zo...» // Временник Пушкинской комиссии. Вып. 27. СПб., 1996. С. 145–152. В этой заметке есть и такие строки:

«В свою последнюю статью А. Ю. Чернов, имевший возможность познакомиться с данной заметкой в рукописи, ввел предупредительную полемику с ней, настаивая на том, что “петелька” спорной буквы написана против часовой стрелки. По его интерпретации получается, что движение пера началось справа внизу “петли” (в месте будущего соединения с приставленной “палочкой” или “хвостиком”). Между тем “петелька” буквы “G” всегда начиналась Пушкиным сверху, в чем можно убедиться по существующим фототипическим воспроизведениям рукописей. Так она пишется по традиции русскими и в настоящее время».

Однако это ошибка непонимания: речь идет о «голове» (начальной «петельке») буквы «G». Написание головы-петельки вполне традиционно. (См. фото на с. 115 наст. изд., взятое мной из статьи самого В. Д. Рака.) Движение пера началось слева и до верхней точки буквы шло вправо вверх против часовой стрелки.

Что это может значить, объяснил А.В.Дубровский, прочитавший «Zou...»* и увидевший в этом фамилию московского приятеля Пушкина Василия Петровича Зубкова, с которым поэт осенью 1826 и весной 1827 года много говорил о декабристах.

Летом 1826 года Пушкин в Михайловском, с Зубковым он еще не знаком. А с 13 июля 1827 поэт уже в Петербурге, где он и делает некую мемориальную помету (это ясно по двум соседним дневниковым записям), в которой речь о знаковой для него дате 14 июля. Это день взятия Бастилии и казни Шенье. Отнесена дата к 1826 году, но в этот день произошло только одно исключительное событие — на острове Гоноропуло состоялось тайное погребение казненных революционеров. Значит, даже при прочих равных, гоноропульское прочтение приоритетно (тем более, что речь не простой, а о потаенной записи). Наконец, начальная буква все-таки «G» (не потому, что так ее прочли и Цявловские, и Житомирская, а потому что написана она так, как обычно писал ее Пушкин).

Но допустим, что написано все-таки «Zoubkof», и четвертая буква не читается вовсе. Однако пятая видна, и это никак не «k»...

После окончания голодаевской экспедиции прошло семнадцать лет. Ни один из наших выводов не был опровергнут, и постепенно они входят и в научный оборот**. Сегодня нам неизвестно ни одного факта, который не укладывался бы в парадигму ахматовской версии. Сводка свидетельств современников, путеводитель из «Уединенного домика на Васильевском», пушкинские рисунки и запись в ПД 833, а также топографические и криминалистические исследования — всё указывает на одну точку (Уральская, 19, на берегу, у северной стены западного эллинга).

Но многократное совпадение количественных и качественных параметров — гарантия объективности выводов.

Загадка оказалась не столь сложной, сколь трудоемкой.

* Дубровский А. В. Помета, датированная 14 июля 1826 года // Творческие и биографические пометы в рукописях А. С. Пушкина (Неизданный Пушкин. Вып. 2). СПб., 1997. С. 51–59.

** «1827. Июль, 15. Пушкин приходит на остров Гоноропуло <...> к месту захоронения казненных декабристов. Впечатления дня — гроза и волновая погода — отразились в стихотворении «Арион». (Летопись жизни и творчества Александра Пушкина / Составитель Н. А. Тархова. М., 2005. Т. 5. С. 434.)

III

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ПОЩЕЧИНА ОТ СЕРАФИМЫ ТЕПЛОВОЙ

оппозиция тинэйджеров

Детские и подростковые травмы временем не врачуются.

Так утверждают психологи.

Взрослый переживет и приспособится, а покалеченный ребенок станет дожидаться отмщения.

Пятого февраля 1830 года в № 8 «Литературной газеты» читатели обнаружили анонимную рецензию на только что оттиснутый в университетской типографии московский альманах «Денница». Начиналась она так: «В сем альманахе встречаем имена известнейших наших писателей, также стихотворения нескольких дам: украшение неожиданное, приятная новость в нашей литературе».

Автором рецензии был Пушкин. А похваленные им «дамы» — две юные московские поэтессы — сестры Тепловы. Надежде Сергеевне было шестнадцать, младшей, Серафиме, — четырнадцать.

Но с чего это вдруг Пушкину обращать внимание на девичьи стишки?

В те же дни в Москве двадцатипятилетний адъюнкт университета и редактор «Денницы» Михаил Максимович в спешке кормит домашний камин собственным архивом: гостивший в первопрестольной Дельвиг только что получил письмо из Петербурга от Ореста Михайловича Сомова, где тот предупреждал приятелей, что над «Денницей» искрят перуны. Причем не простые, а «высочайшие». Из толков «у Греча и Булгарина» Сомову стало известно о болгаринском доносе в Третье отделение. Ну а дальше дело, разумеется, должно бы идти по восходящей до самого верха.

Причина доноса — восьмистишие четырнадцатилетней Серафимы Тепловой:

К***

Слезами горькими, тоскою
Твоя погибель почтена,
О верь, о верь, что над тобою
Стон скорби слышала волна!
О верь, что над тобой почило
Прощенье, мир, а не укор,
Что не страшна твоя могила
И не постыден твой позор!

Чуткий литературовед Ф.В.Булгарин сразу же сообразил, что Максимович напечатал стихи о могиле Рылеева. К счастью, дружеская почта на сей раз оказалась проворнее фельдъегерской.

Когда Николай I констатировал, что стихи, «очевидно, имеют направление не благонравное», цензора заперли на две недели на гауптвахте. Потребовали объяснений и у редактора, но предупреденный Максимович уже успел продумать линию защиты.

Первый аргумент — автор почти ребенок, к тому же барышня. Второй находим в письме П.А.Вяземского А.И.Тургеневу:

В «Деннице», на странице 121-й, найдешь ты стихи девицы, за которые московский Глинка, цензор, просидел неделю на гауптвахте <...> Это стихи на смерть какого-то студента, утопившегося, а им дали политическое перетолкование.

Арест цензора Сергея Николаевича Глинки, литератора и патриота 1812 года, человека в Москве весьма уважаемого и известного, говорил о том, что следователи в успехе дела не сомневались. Почему же выпустили через неделю, а не через две? Да потому, что в первые же дни не менее трехсот москвичей явились засвидетельствовать свое почтение цензору, определенному Бенкендорфом штудировать за решеткой цензурный устав. И это было уже демонстрацией. Власти поняли, что дело слишком неблагополучно и гауптвахтой его не поправишь. Для выведения московской крамолы надо было искать куда более сильнодействующие средства.

Демонстративное сочувствие Глинке управляющий делами Третьего отделения М. Я. фон Фок в агентурном обзоре совершенно справедливо рассматривал как общий знак московской оппозиционности.

Глинка, «агент всех тайных обществ» (выражение властей), знавший сестер Тепловых и друживший с Максимовичем, вскоре был лишен цензурского места: как водится в таких делах, в том же году к нему придрались по весьма пустячному поводу.

В оппозиционную Москву Пушкин поспешит в тот год в начале марта. Он встретится с Максимовичем и Дельвигом, сообщит Вяземскому в письме от 14 марта о том, что Иван Иванович Дмитриев сердится на цензора Глинку. (За что — обоим, видимо, и так понятно. Впрочем, консервативный Дмитриев посетил на «губе» арестованного цензора одним из первых.)

Комментаторы «синего» пушкинского десяти томника рассерженность старейшего московского поэта на Глинку объясняют «сугубо литературными» причинами. Нет, причины скорее литературно-политические. О чем Пушкин с Дмитриевым говорят в те дни, можно догадаться по следующему письму Пушкина к Вяземскому, датированному второй половиной марта:

Посылаю тебе драгоценность: донос Сумарокова на Ломоносова. Подлинник за собственноручною подписью видел я у Ив. Ив. Дмитриева. Он отыскан в бумагах Миллера, *надорванный*, вероятно, в присутствии и, вероятно, сохраненный Миллером <...> Состряпай из этого статью и тисни в Лит<ературной> Газ<ете>. Письмо мое доставит тебе Гончаров, брат красавицы: теперь ты угадаешь, что тревожит меня в Москве.

Хотя письмо послано с надежной оказией, читать приходится между строк. Так что же тревожит Пушкина? Красавица Гончарова?..

Да, конечно. Но не только. В том же письме, чуть ниже:

Булгарин изумил меня своею выходкою, сердиться нельзя, но побить его можно и, думаю, должно — но распутица, лень и Гончарова не выпускают меня из Москвы, а дубины в 800 верст длины в России нет кроме гр. Панина.

«Дубина в 800 верст» на голову Булгарина будет опускаться еще не раз — в эпиграммах, в статьях той же «Литгазеты». Война объявлена. «Первая дубина», как и первый кнут, — доносчику. И не надо верить на слово Вяземскому, будто он считает, что «политическое перетолкование» стихам Серафимы Тепловой дала власть. 18 апреля 1828 года, в праздник Преполовления Вяземский с Пушкиным сами подняли на месте декабристской виселицы пять щепок от эшафота (которые Вяземский, кстати, сохранил). А саму тайную

декабристскую могилу Пушкин сумел-таки разыскать на Голодае, о чем некогда догадалась Анна Андреевна Ахматова. И именно по пейзажным зарисовкам Пушкина через полтора века экспедиция «Огонька» и музея истории Ленинграда тоже отыщет это место.

В 1828 году Пушкин, как мы уже знаем, напишет подробный путеводитель к рылеевской (и его товарищей) могиле в рассказ Владимира Титова «Уединенный домик на Васильевском». Повесть с помощью того же Сомова будет опубликована в дельвиговских «Северных цветах» за 1829 год.

25 мая 1828 года мимо этого места на северной оконечности Голодая Вяземский, Пушкин, Грибоедов, Киселев, Сергей Голицын, Шиллинг и Мицкевич на пироскафе поплывут в Кронштадт. А еще летом 1826 года и А.А.Жандр (видимо, вместе с Грибоедовым) катались на лодке на «уединенный островок Невы» в поисках этой могилы, но ничего там не обнаружили, «кроме кустов» и часового.

Грибоедов и Жандр не нашли. Нашел Пушкин.

19 мая 1828 года он заканчивает стихи «Когда для смертного умолкнет шумный день...» На черновике появляется рисунок, напоминающий трубу пироскафа с навешенным на нее парусом (наблюдение С.А.Фомичева) и набросок топографического плана, где поэт отметил береговую линию Малой Невы, ров между Голодаем и Гоноропуло, и увенчал все это стилизованным корабликом, выброшенным волною на отмель и упершимся бушпритом в ту самую точку, где лежат тела пятерых повешенных. Двумя указательными штрихами поэт отметил, как пройти к этому месту посуху.

Напомним, что кораблик и план возникают рядом со строкой «В безумстве гибельной свободы...» Здесь же в черновике — словесная иллюстрация к рисунку: «мои потопленные годы», «потопленная радость», «потопленная младость».

«Когда для смертного...» — самое раннее христианско-покаянное стихотворение Пушкина. Первая его часть будет опубликована в тех же «Северных цветах» рядом с путеводителем к могиле декабристов. Вторая часть окажется столь интимной, что останется лежать в черновике.

Замечательно и сближение дат.

По старому стилю 18 мая — день памяти священномученика Феодота Анкирского и семи христианских дев.

В этот день в 303 году девы-мученицы были утоплены в море.

Феодот по откровению свыше разыскал тела убиенных и предал их христианскому погребению. Об этом стало известно властям. Святой отказался поклониться языческим идолам и был обезглавлен. Тело его хотели сжечь, но поднялась буря.

Она и помешала языческому ритуалу.

Святой был погребен по христианскому обычаю.

18 мая 1828 года — это 1525 годовщина казни найденных Феодотом священномучениц. И дату под пушкинскими стихами весьма трудно объяснить совпадением. Скорее можно предположить, что 18 мая поэт был в храме на службе, 19-го же закончил покаянное стихотворение:

...И нет отрады мне — и тихо предо мной
Встают два призрака младые,
Две тени милые — два данные судьбой
Мне ангела во дни былые;
Но оба с крыльями и с пламенным мечом,
И стерегут, и мстят мне оба.
И оба говорят мне мертвым языком
О тайнах счастья и гроба.

«Пламенный меч» этой нравственной муки казнил Пушкина с 1826 года. 13 июля декабристы были повешены, 14 июля тайно захоронены в братской могиле — без гробов, нагими, с известью, которая должна была уничтожить тела, дабы родные не выкрали их и не похоронили по христианскому обычаю. Анна Ахматова показала, как важно для Пушкина было христианское погребение. Она же обратила внимание и на строки «Полтавы» (тот же 1828 г.), и на стихотворение «Утопленник» (лето 1828 г.), где поэт говорит по сути о том же — о нравственной муке человека, отказавшего другому в погребении.

Могила для декабристов была вырыта инженерной командой Петропавловской крепости у самой воды, практически на отмели гонополовского рва. Несколько раз в год это место покрывалось водой даже при ординарных подъемах Невы. И могила не размыта только потому, что яма была вырыта глубиной до трех с половиной метров. Уже к середине XIX века место это ушло под воду, оказалось на

мелководье. Тогда, собственно, о могиле и стали забывать, хотя летом 1826 года, по свидетельству современника, народ «валил туда толпами» (впрочем, это, разумеется, преувеличение).

«Пламенный меч» вновь коснулся души поэта стихами Серафимы Тепловой. В этом был для Пушкина, может быть, и мистический укол: в переводе с еврейского Серафима — «пламенная».

Мы не знаем, кто те «тени милые», казнившие поэта в майские дни 1828 года. Но в начале года 1830-го они обрели вполне живые очертания двух московских дев — Надежды и Серафимы Тепловых. Покаянные стихи оказались пророческими. Проведя в Москве весну и половину лета, 14 июля, в день тайного погребения казненных, Пушкин выезжает в Петербург. Мистика цифр его преследует, ведь 14 июля — это еще и дата казни Андрея Шенье.

Упрек, невольно кинутый ему четырнадцатилетней девушкой, разбредил привычную боль. В тот же год, уже в Болдине, Пушкин пишет стихотворение «Когда порой воспоминанье...» Здесь впервые появится и пейзаж скорбного «открытого острова»: «Стремлюсь привычною мечтою / К студеным северным волнам». В 1833 году он, несколько переработав, включит это описание в «Медный всадник», и «остров малый» на Невском взморье станет могилой бедного Евгения.

Восемь строк Серафимы Тепловой привели к роковым последствиям не для их автора, а для всей русской культуры.

Уже в наше время забытым стихам Серафимы Тепловой были посвящены два известных лишь специалистам исследования. Первой воскресила этот сюжет Р.Б.Заборова в № 3 журнала «Русская литература» за 1976 год. Пушкинодомец Вадим Вацуро продолжил этот сюжет статьей «Лермонтов и Серафима Теплова» в книге «Литература и искусство в системе культуры» (М., 1988).

Впрочем, помнили об этой истории и в XIX веке.

14 июля (!) 1854 года М.А.Максимович пишет письмо В.П.Гаевскому, который в то время готовил монографию о Дельвиге. Вспомнил Максимович и заключение на гауптвахту цензора Глинки. И даже процитировал Пушкина: «Дела давно минувших лет...» Надо не «лет», а «дней», но сама эта описка драгоценна.

Дата письма — ключ к разгадке, какой именно «особый толк» придан стихам Тепловой. Николаевское время еще не кончилось, и читатели умеют передавать друзьям тайные приветы.

В 1861 году М.Н.Лонгинов в рецензии на стихи Надежды Тепловой вспомнил и об элегии юной ее сестры. Дескать, Максимович «объяснил, что стихи написаны к утопленнику и не заключают в себе никакого особенного умысла». Более того, «такой же отзыв был доставлен издателем “Денницы” от автора стихов».

Прочтя в «Русском вестнике» эти строки, Серафима Сергеевна Теплова, к тому времени уже Пельская, отписала их автору и указала на его неточность.

Пришлось Лонгинову в «Письме к редактору» извиняться:

Когда в 1830 году возникло недоразумение по поводу стихов С.С.Тепловой <...> издатель М.А.Максимович, желая, по-видимому, отстранить от автора возможность каких-либо неприятностей, ограничился тем, что взял у нее по необходимости одну только подписку, что стихи в «Деннице» написаны ею.

Так Серафима Теплова дала понять проницательному читателю времен александровской «оттепели» и «перестройки», что никаких отречений, пусть даже вынужденных, она не произносила. (Хорошо, что при Николае Палкине детей все же не допрашивали.)

Тогда, в 1830-м, жандармы сделали вид, что удовлетворились оправданиями Максимовича и начали готовить расправу над Московским университетом (что вскоре и произошло). А в самом университете молодежь горячо обсуждала вызов, брошенный в элегии юной барышни всему государственному режиму. На это, как полагают исследователи, намекал три десятилетия спустя И.В.Селиванов, закончивший Московский университет в 1829 году, в письме к А.В.Дружинину. Об этом говорит и записная книжка студента Белинского с переписанными в нее стихами Тепловой. (Там они следуют сразу за «Живым мертвецом» Полежаева.)

Вскоре умрет Дельвиг, и Пушкин пригласит Максимовича вместе с обеими московскими барышнями участвовать в «Северных цветах» на 1832 год.

Серафима Пельская писала немного, но все же дала для альманаха вполне невинное стихотворение «Сестре в альбом».

Почему же у Булгарина не было сомнений, кому посвящена элегия в «Деннице»?

Первое объяснение принадлежит современнику тех событий М.А.Дмитриеву: «Проницательные люди донесли, что в этих стихах дело идет о Рылееве, содержавшемся перед казнью в каземате

Петропавловской крепости, омываемой волнами. Довольно было этого имени, чтобы поднять тревогу в душе Николая Павловича и воздвигнуть бурю».

Второе — что Рылеев казнен на кронверке Петропавловской крепости, выходящем на Неву.

Тут мы вынуждены поправить и современников Тепловой, и современных исследователей: у Тепловой речь не о каземате и не о виселице, а именно о могиле. О той, что на самой кромке суши, «в прибрежных кустах» (выражение обер-полицмейстера Б.Я.Княжнина, руководившего тайным этим захоронением), постоянно затопляемых водой. И если московская барышня в 1829 году сумела так точно указать в стихах на сам характер этого места, значит, оно не было тайной и для москвичей.

Р.Б.Заборова безусловно права, когда пишет, что в элегии Тепловой просто не может идти речь о юноше-утопленнике, тем более о самоубийце.

Это версия для нравственно тупых шпионов правительства, ибо самоубийство для христианина должно быть почтено «не полным прощением, оправданием и уважением окружающих, а молитвой о прощении за содеянный грех».

Впрочем, трудно предположить, что Фаддей Венедиктович или Николай Павлович об этом не догадываются. И царь очень точно понял, где таится в оппозиционной Москве источник самой страшной для режима крамолы и куда надо направить главный удар репрессий. Поразительно, но он попал в яблочко, ибо в пансионе при Московском университете в тот год учился отрок, бредивший стихами Пушкина, Рылеева и... Серафимы Тепловой.

Имя мальчика — Михаил Лермонтов.

Вадим Вацуро обнаружил в стихах юного Лермонтова несколько прямых цитат и целый пласт реминисценций из элегии Серафимы Тепловой.

Впервые цитата из восьмистишья Тепловой мелькает у Лермонтова в 1830 году в стихотворении «Нищий»: «Так я молил твоей любви / С слезами горькими, с тоскою...» Это может быть и просто случайностью, но в следующем году Лермонтов делает вольный перевод стихов Томаса Мура, а заканчивает двумя строками, которых нет у англичанина:

Одной слезой, одним ответом
Ты можешь смыть их приговор;
Верь! не постыден перед светом
Тобой оплаканный позор!

У Мура нет, зато есть у Тепловой: «И не постыден твой позор».

Есть и в ходившем тогда в списках предсмертном письме Кондратия Рылеева, написанном в Петропавловской крепости в ночь перед казнью. Вот его первые строки: «Бог и государь решили участь мою: я должен умереть, и умереть смертью позорною...»

В 1830 и 1831 годах Лермонтов создает так называемый «привиденциальный цикл», где лирический герой, преследуемый роком, ожидает казни. Утешение ему — слеза любимой.

И он пророчит сам себе:

...Смерть моя
Ужасна будет; чуждые края
Ей удивятся, а в родной стране
Все проклянут и память обо мне...

Смерть, удовлетворяющая столь страшным условиям, — это смерть государственного преступника:

Кровавая меня могила ждет,
Могила без молитв и без креста,
На диком берегу ревуших вод
И под туманным небом; пустота
Кругом. Лишь чужестранец молодой,
Невольным сожаленьем и молвой
И любопытством приведен сюда,
Сидеть на камне станет иногда.

В этих же стихах упомянут и курган над безымянной могилой. В.Э.Вацууро полагал, что здесь «нет никаких аллюзий — есть ассоциации, быть может, произвольные, а не осознанный намек на Рылеева, — это совершенно ясно из контекста стихотворения».

По-моему, так совершенно ясно как раз обратное.

Но в том и разница «академического» и «цехового» чтения.

В свое время Э.Г.Герштейн писала еще об одном стихотворении из «провиденциального цикла», кстати, озаглавленного так же, как элегия Серафимы Тепловой «К***». Исследовательница удивлялась странному несоответствию сюжета: «Хотя стихотворение начинается с упоминания о позорной смерти на плахе, заканчивается оно образом утонувшего героя:

И лишь волна полночная простонет
Над сердцем, где хранился образ твой!

В.Э.Вацуро и здесь обнаружил парафраз из Тепловой: «О верь, о верь, что над тобою / Стон скорби слышала волна!» Исследователь пытается разрешить это противоречие:

Каждый из этих мотивов был по-своему продолжен в лермонтовской лирике. Но в стихах «Когда твой друг с пророческой тоскою...» <...> они не переплавились до конца, сохранив нечто от своей автономности. Даже если не настаивать на том, что стон волн «над сердцем» мертвого возлюбленного означает непременно, что тело покинется в водной пучине, а предположить расширенное толкование — например, могилу на берегу моря (как в «1831-го июня 11 дня»), — то все равно образ окажется «непонятным». Он не порожден логикой лирического сюжета, он пришел извне.

Увы, такова цена за то, что «биографический метод» оказался отвергнут литературоведением XX века.

Что же до этих лермонтовских стихов, то они порождены как раз логикой сюжета. Исторического и лирического.

Летом 1830 года Пушкин извлечет из старой тетради и анонимно опубликует в «Литературной газете» свой «Арион» (связь его с декабристской темой Вадим Вацуро отрицал на основании того, что данный сюжет был общим местом у романтиков), а по осени примется за «Когда порой воспоминанье...»

В те же дни шестнадцатилетний Лермонтов начинает вполне рылеевское по духу стихотворение «Новгород»:

Сыны снегов, сыны славян,
Зачем вы мужеством упали?
Зачем?.. Погибнет ваш тиран,
Как все тираны погибали!..

Стихотворение не задалось. Через день Лермонтов пишет о могиле воина, кургане на диком морском берегу. И вполне по-рылеевски обозначает жанр стихов словом «дума».

Близится пятая годовщина декабристского восстания.

Не зная друг о друге, Пушкин и Лермонтов оба примеряют по себе голодаевскую могилу. Пушкин описывает свое посещение подмытого холодной пеной островка, свой утлый челн, волновую погоду, «берег дикий» и место рыбацкой стоянки (а это уже точный топографический ориентир, ведь на плане, изданном в СПб в 1828 г., на всей Малой Неве только здесь отмечена и подписана «Избушка рыбаков»). Вот и Лермонтов говорит о своей гибели и о проклятой могиле на «диком берегу». (По нестранному сближению у обоих совпадет даже эпитет.)

Купеческая дочь Серафима Теплова профессиональным поэтом не стала. Шестнадцати лет она вышла замуж за почтового чиновника Дмитрия Федоровича Пельского, который в 1840 году занял должность почтмейстера в Дмитрове, выпустил две книжки по почтовому делу и вскоре умер. Как сообщает Р.Б.Заборова, в начале 1860-х С.С.Пельская была «бедна, как не знаю кто» (отзыв современника). Памятью о ее знаменитой элегии, прогрессивные литераторы времен тогдашней «оттепели» даже выделили ей однажды вспомоществование — несколько десятков рублей.

Комментарий к новейшему собранию стихов Языкова называет ее «третьестепенной поэтессой, сестрой Н.С.Тепловой». (Надо понимать, что вторая — все же «второстепенная»?) Сам Языков на сестер свысока не смотрел, в 1831 году в альбом Серафимы он впишет посвященные ей стихи: «Я знаю вас: молодые ваши лета...»

Можно догадаться, что и элегия Серафимы Сергеевны — ответ не только на предсмертное письмо Рылеева, но и на тайные стихи самого Языкова, вернее, на одну их строку, с которой юное поколение никак не могло согласиться по свойственному молодости максимализму. Напомним:

Не вы ль убранство наших дней,
Свободы искры огневые, —
Рылеев умер, как злодей!
О, вспомяни о нем Россия,
Когда восстанешь от цепей

И силы двинешь громовые
На самовластие царей!

Языков, конечно, не мог полагать, что это его восьмистишие приведет к столь серьезным, впрочем, не для него самого последствиям. Не знал он и того, что в каземате, незадолго до казни, Кондратий Федорович Рылеев выцарапал на донце оловянной тарелки четверостишие, словно бы впрок отвечающее Языкову:

Тюрьма мне в честь — не в укоризну,
За дело правое я в ней.
И мне ль стыдиться сих цепей.
Когда ношу их за отчизну?

Однако и это совпадение, видимо, вполне объяснимо. Ведь оба — и Рылеев, и Языков — помнили строки из «Шильонского узника»: «Удел несчастного отца — за веру смерть и стыд цепей». Из того же источника Пушкин черпал и для своего «Ариона». «Нас было много на челне» — это парафраз из Жуковского: «Нас было шесть, пяти уж нет» («Шильонский узник», 1822 г.).

Да, Карамзин прав, и «порядочный человек не должен подвергать себя повешению». Но молодость России с Карамзиным редко соглашалась.

Список восьмистрочной элегии Серафимы Тепловой сохранит в семейных своих бумагах вдова Рылеева. Вместе с ними попадут эти стихи в собрание Пушкинского Дома.

Дата смерти С.С.Пельской неизвестна, могила затеряна, стихи, как и сам ее подвиг, — забыты.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПОСЛЕДНЯЯ ДУЭЛЬ ПОРУЧИКА ЛЕРМОНТОВА

обстоятельства происшествия

При жизни поэта преследует шепоток сплетен. А когда он умирает, сплетни под именем легенды или версии переключиваются в мемуары и исследовательские труды.

Каким видели Лермонтова люди николаевской эпохи? Мрачным, дерзким, надменным: если не Демон, то уж точно Фаталист.

Однако откроем словарь языка поэта.

Какие слова у Лермонтова — самые любимые? Возьмем лишь те, что употреблены в его стихах и прозе более пятисот раз.

Что это за слова? Гибель? Рок? Разрушение?

Ничуть.

Любимые лермонтовские глаголы: знать, любить, хотеть, видеть, говорить, жить. Существительные — душа, сердце, жизнь, Бог, слово, люди, человек. Про страдание и смерть поэт говорит в пять, десять раз реже, чем про жизнь и любовь.

* * *

Возьмем для модели, скажем, такую ситуацию: 22 июня 1956 года собирается компания офицеров-фронтовиков. Надо ли объяснять, по какому случаю сходка? Разумеется, не надо: дата говорит сама за себя — пятнадцатая годовщина начала войны...

У людей XIX века были свои «знаменательные даты», и то, что Пушкин называл «странными сближениями», может объяснить некоторые «странности» российской истории.

15 июля 1841 года на окраине прифронтового кавказского города Пятигорска отставной майор Николай Мартынов застрелил поручика Михаила Лермонтова. Случилось это между шестью и семью

часами пополудни. Для поединка были выбраны дальнобойные пистолеты Кухенройтера, на десяти шагах смертельные.

Вот, пожалуй, и все, что мы достоверно знаем о той роковой дуэли.

Все прочее — разногласия недомолвок и лжесвидетельств, слухов и домыслов.

Уже четверть века нахожу все новые и новые «нестыковки» этого сюжета. И все они, на мой взгляд, имеют лишь одно объяснение: слишком уж тяжелая и стыдная печать лежала на всей этой трагической истории.

Попытаемся же сломать этот казенно-кровавый сургуч.

Начнем с условий поединка. В черновике показаний Мартынова они весьма жесткие (каждый имел право на три выстрела), а в беловике — совсем другие: стрельба с пятнадцати (а не десяти шагов), да еще с расходом по десять шагов от барьеров и без возможности пододвигать противника к барьеру после его выстрела.

Кто надоумил Мартынова изменить собственные показания? Неужели следователи? Но им-то зачем брать грех на душу?

Второй, еще более простой, казалось бы, вопрос: кто был секундантами на том поединке?

Оказывается, и это неизвестно. В официальных документах секундантов два — Михаил Глебов и Александр Васильчиков. Васильчиков на следствии назвал себя секундантом Лермонтова, а Глебов — Мартынова. Но в том же году Глебов в частном письме давал, как указывают лермонтоведы, «обратное распределение функций».

Лгут, — надо заметить, — оба. По мемуарам мы знаем, что решено было скрыть имена еще двух секундантов — Алексея Столыпина и князя Сергея Трубецкого. (Их к делу не привлекли, а просто выслали из Пятигорска). По всему выходит, что Глебов и Васильчиков были секундантами Мартынова, а лермонтовскими «негласными секундантами» (термин по дуэльному кодексу невозможный) были Столыпин и Трубецкой.

Считается, что их участие скрыли, потому что обоих ненавидел царь.

Но если следствие не установило самого элементарного, чего же тогда стоит все остальное дознание?

Впрочем, обвинить следователей в нерадивости и непрофессиональности нельзя. Только профессия у них какая-то другая: берут

Автопортрет Михаила Лермонтова
Акварель. 1837–1838

инициативу в свои руки, сами сочиняют заведомо лживую версию и едва ли не диктуют ее участникам дуэли. А наиболее неблагонадежных и опасных вообще прячут.

Причины такого поведения следователей должны быть исключительными, обстоятельства же неординарными.

Но еще о секундантах: о Сергее Трубецком лермонтоведы пишут, что он, видимо, был членом петербургского оппозиционного «Кружка шестнадцати», Столыпина же прямо называют участником этого кружка. Лермонтов в этой организации молодых аристократов также состоял. В 1840-м, после высылки Лермонтова, все известные «кружковцы» тоже отправились на Кавказ. Считается, что по собственной воле, но историки доказывают обратное: после провала кружка дело в Петербурге решили не доводить до следствия, а молодым людям просто посоветовали ехать в действующую армию.

Летом 1841 года все «кружковцы» собрались в Пятигорске.

Значит, конспиративный кружок не распущен в 1840-м (как считается), но продолжает действовать на Кавказе.

Что же предшествовало дуэли?

Выпущенная в 1981 году «Лермонтовская энциклопедия» осторожничает, называя место и дату ссоры поэта с его будущим убийцей: все случилось 13 июля на вечеринке в доме у генеральши Верзилиной, но... «надежных свидетельств нет».

И впрямь нет. Хотя сам факт скандала в воскресенье 13 июля в доме Верзилиных никто не оспаривает. Одна загвоздка — все всё видели, но одни просто молчат, а другие врут. Например, так: поэт во время музицирования Сержем Трубецким что-то сказал про кинжал Мартынова. (Мартынов был уже в отставке и носил кавказский кинжал.) И как раз на слове «кинжал» музыка стихла, а Мартынов это слово услышал, и заключил, что речь про него.

Придуманно очень неловко: по одному слову совершенно невозможно понять, о чем (или о ком) говорил Лермонтов. Ну почему именно о Мартынове, а не о каком-нибудь чеченце, или, наконец, не о себе?

Другие считают, что дело вообще в подшучивании поэта над своим будущим убийцей. Де характер у поэта был такой — сложный. Но раньше Мартынов терпел остроты приятеля. А тут взорвался.

Предположим. Но — почему именно в этот день?

Иные намекают: ссора произошла «по куда более важным причинам». И называют имена дам, «в реальности» ставших этими самыми «причинами».

Другие выдвигают идею царского заговора: захотел Николай Павлович Романов сжить поручика Лермонтова со света, вот и подослал Мартынова.

Впрочем, никто не спорит с тем, что в тот вечер Лермонтов был «мрачнее обычного».

Так что же — «мрачнее обычного», а все продолжал острить по поводу мартыновского кинжала?

И еще ложь: Васильчиков сообщает, что вызов состоялся «при нем», а Мартынов утверждает, что объяснялись они с Лермонтовым «без свидетелей». Очевидно, что убийца поэта и его секундант просто не успели как следует сговориться: лермонтоведы знают, что в первые часы после дуэли секунданты вообще говорят одно, а на следствии — другое.

Равно как и «свидетели» ссоры: в докладе Николаю I будет сказано, что остро и шутки Лермонтова, оскорбивших Мартынова, никто, собственно, не слышал.

А дальше (по показаниям Мартынова) — странная их беседа в саду, уже без свидетелей. Мартынов говорит, что заставит поэта перестать шутить.

В официальном письме полковника Александра Семеновича Траскина (начальника штаба Командующего войсками на Кавказской линии и в Черноморье) к командующему Павлу Христофоровичу Граббе (генерал-адъютанту, а в молодости члену декабристского Союза Благоденствия и соратнику самого Ермолова) это звучит чуть по-иному (но чего стоит это «чуть»!): «Мартынов сказал ему, что он заставит его замолчать».

На что Лермонтов, если верить Мартынову, отвечает выпренной тирадой: «Вместо пустых угроз ты гораздо бы лучше сделал, если бы действовал».

Вряд ли мы поверим, что поэты так изъясняются. Впрочем, даже и в такой передаче сквозь текст проступают слова, сказанные на девятнадцать веков раньше: «Что делаешь — делай скорее».

Лермонтов называет Мартынова Иудой? За что?..

Через день у подножья Машука, в четырех верстах от города, поэт даже не станет целиться в противника: он демонстративно

поднимет пистолет дулом вверх и будет держать его так, пока убийца не выстрелит. Это как новый вызов, как другая цитата, а точнее, самоцитата: «Есть Божий Суд...»

Ну и все прочее — и вмешательство в работу следствия полковника Траскина, указывавшего Глебову и Васильчикову (а также, очевидно, и Мартынову), какие именно им следует давать показания, и назначение в качестве главного следователя уже до этого заплатившего карьерой за отказ сотрудничать с жандармами подполковника Филиппа Федоровича Унтилова, и перераспределение ролей секундантов (с исключением из игры в следствие двоих, наиболее нелюбезных царю), и еще многое другое — разве не удивительно?

Ничуть, если мы ответим на вопрос, когда и по какому поводу собрались на воскресную вечеринку у генеральши Верзилиной члены конспиративного кружка (плюс иные кавказские офицеры, а с ними и Лев Сергеевич Пушкин).

В лермонтоведении этого вопроса вроде бы и не существует. (Он не вмещается в рамки мифа о жизни и смерти Лермонтова.)

Но мы обязаны его задать.

Для офицеров-дворян, для кавказских офицеров прошлого столетия дата 13 июля 1841 года была не менее говорящей, чем для наших отцов 22 июня 1956 года, а для дедов 25 октября 1932-го или 9 января 1920-го.

Пятнадцать лет назад на Кронверкском валу Петропавловской крепости были казнены Кондратий Рылеев, Павел Пестель, Петр Каховский, Сергей Муравьев-Апостол и Михаил Бестужев-Рюмин.

Именно с этого дня, а даже не с 14 декабря 1825 года, в общественной жизни России началась совсем иная, страшная в своем удуше эпоха.

13 июля 1841 года чуткий на роковые сближения Лермонтов и впрямь должен был выглядеть «мрачнее обычного».

На Сенатскую он не попал по возрасту. И с шестнадцати лет примерял на себя саван цареубийцы...

Нет, цареубийцы из него, как и из Пушкина, не вышло.

Хотя за свои стихи о Пушкине Лермонтов в первый раз попадает под арест и отправится в ссылку.

Вторая ссылка — за дуэль с де Барантом, сыном французского посланника. Причины дуэли темны, но есть глухие упоминания, что

ссора произошла из-за Пушкина. (Дантес — француз, и Барант выгораживал соотечественника.)

И, наконец, — ссора и дуэль с Мартыновым.

Дуэль, столь напугавшая всех окружающих, что секунданты с места поединка разбегаются, бросая под ливнем мертвое тело поэта, а следователи делают все, чтобы в Петербурге не узнали истинной причины роковой ссоры.

А что прикажете делать, если выяснится, по какому поводу собиравались и по какой причине дрались?

Так что шутки про кинжал Мартынова совершенно ни при чем. Уж если и была речь, заглушенная до времени аккордами Сержа Трубецкого, то речь про другой кинжал — декабристский символ цареубийства.

Возможны две ситуации: или Лермонтов в доме у генеральши (жены генерал-майора Петра Семеновича Верзилина, тоже соратника близкого к декабристам генерала Ермолова) поднял бокал за «цареубийственный кинжал», или после того, как разговор коснулся темы повешенных цареубийц, Лермонтов предложил их помянуть.

А отставной майор Николай Мартынов, случайно попавший на сходку членов «Кружка шестнадцати» (он жил во флигеле у Верзилиных) воспринял это как провокацию и пить за казненных преступников отказался.

Тогда понятен и тот их диалог в саду, который мы уже попытались реконструировать. Представим себе все эти гефсиманские аллюзии — тайную вечерю, южную летнюю ночь, роскошь кавказского сада, тему казни (и евангельской, и декабристской, ведь мятежное каре вокруг Медного Всадника стояло так же неподвижно, как Христос при аресте), тему предательства, наконец:

— Я заставляю тебя замолчать!..

— Что делаешь, — делай скорее.

И ложь, и недомолвки, и инсценировка следствия объясняются тем, что начальнику штаба и самому командующему (напомним, что в молодости он состоял в Союзе Благоденствия и сам чуть было не поехал в Сибирь) надо сделать все, чтобы не открылось, что на Кавказе, кишавшем недобитыми декабристами, ссыльные «кружковцы» открыто собираются и поминают висельников.

Если Николай I узнает, то командующий войсками на Кавказской линии генерал-адъютант Павел Христофорович Граббе (в молодости

и сам декабрист, член Союза Благоденствия) отправится в отставку. И многие прочие — вслед за ним. А то и дальше. Получив известие о гибели поэта, Граббе напишет начальнику своего штаба А.С.Тра-скину: «Несчастливая судьба нас, русских. Только явится между нами человек с талантом — десять пошляков преследуют его до смерти».

Напомню, что вести следствие Граббе назначает верного ему подполковника Ф.Ф.Унтилова, Георгиевского кавалера, офицера, чья карьера уже давно загублена из-за его отказа содействовать жандармам и выполнять их поручения. (Этот и умный, и не выдаст.)

Самое трудное, видимо, было объяснить убийце поэта, что от него требуется и чем для него самого обернется попытка чистосердечного признания. Должно быть, объяснение было в том самом духе, в каком высказался о Мартынове генерал Ермолов:

Если бы я был на Кавказе, я бы спровадил его; там есть такие дела, что можно послать да, вынудивши часы, считать, через сколько времени посланного не будет в живых...

Мартынов этих слов никогда не узнал. Он и без того оказался сообразительным молодым человеком.

IV

ЧЕТЫРЕ ПОЭМЫ

ПЕТР КИРИЛЛОВИЧ

1. МОНОЛОГ ЗМЕЯ СО СКАЛЫ МЕДНОГО ВСАДНИКА

Сколь упрощенно мыслят эти люди,
Когда идут сюда свергать державу
И с ненавистью смотрят на меня.
Они уверены — все беды в змее,
В том змее, нерастоптанном злодее.
Ну, выбейте меня из-под коня.
И рухнет царь. И гордый всадник рухнет.
Вы сами искромсаете друг друга.
Вам невдомек, что также, как в скульптуре,
И в государстве есть закон пропорций.
Ах, Фальконет все это понимал.
И дабы равновесий не нарушить,
Царь только сделал вид, что топчет змея,
А сам — не сам, но лошадью своею —
И в этом государственная мудрость! —
Оперся не на камень, на меня.
Ну, выбейте меня из-под коня...

2. СМОТР

Пред водопадом с нарастаньем
 Летит течение реки.
 Меж просвещеньем и восстаньем
 Колеблются бунтовщики.
 Поручик ходит перед фрунтом
 В нутро дилеммы углублен,
 Меж эволюцией и бунтом
 Пока еще не выбрал он.
 И с той же мыслью потаенной
 Его начальник батальонный,
 Штабс-капитан, герой в цвету:
 — Респу... а, может, конститу...
 И, озадачен этой думой,
 Разматывает дальше нить
 Полковник бледный и угрюмый:
 — Убить?.. Сослать?.. Сослать?.. Убить?..
 И знает государь про это
 (Не в частностях, но вообще),
 И крутится его планета,
 Как будто камешек в праще.
 И государь все это видит,
 Кривит в улыбке скорбный рот.
 Он всех обманет. Всех обидит.
 Расчет нарушит — сам уйдет.
 И государь, свой взор рассея,
 Бесчисленные зрит полки.
 И велика его Расея,
 А те, что *страшно далеки*, —
 Его же дети, и не знают,
 Что выбирают
 Не между правдою и кривдой,
 А между Сциллой и Харибдой.

3. ОТВЛЕЧЕНИЕ ТЕКСТОЛОГИЧЕСКОЕ

*Сначала эти заговоры
 Между лафитом и Клико*

Лишь были дружеские споры,
 Не заходили далеко.
 Считал свои дуэли Пушкин.
 Меланхолический Якушкин
 Его Ноэли обожал,
 Забыв про роковой кинжал.
 А, может, было все иначе...
 Ворчал Якушкин между строк:
 — Поэт, мелка твоя задача
 На тронах удивить порок!
 Но вот рассвет в окне привстал.
 Свинцовы окна. Лица серы.
 Кавалергард взметнул бокал:
 — Ура, решительные меры!
 И вот уже в румяных красках
 Полнеба залила заря,
 И партия в бумажных масках
 Готовится встречать царя.
 О чем еще там говорят
 Всё злее и всё современной?
 Но... Рукописи не горят?
 Хотя, когда сжигает гений...
 Хотя, когда сжигает гений
 И пепл слетает на голову...

 Которое из поколений
 Прочтет Десятую главу?

4. ПОЯВЛЕНИЕ ГЕРОЯ

Пошел в цареубийцы русский барин.
 День мятежа назначил и пароль.
 Как заговор весь план его бездарен,
 Но, как сказал потомок: в этом соль.
 Вы видите больную робость Пьера
 В черновиках, оставленных Толстым?
 И душат Пьера казни Робеспьера,
 И душит пугачевских казней дым.
 ...И чередой потянутся потомки,

Мятежной этой робостью боля.

.....

Итак — именье, ранние потемки,
Июльских лип цветущая аллея.
Порассуждав с Наташей о Ростове
(См. последний диалог в романе)
Пьер вышел. На груди его, в кармане,
Лежало то, что смертным стоит крови —
Рекомендационное письмо
На юг: «Мы, равно как и братья наши...»
Но — тсс! Сейчас не время про него,
Ведь липы могут нашептать Наташе.

5. ДИАЛОГ

Экс-либерал закон был в меру лыс
И посему тождествен государю.
Рек первый: «Бей!» Второй решил: «Ударю,
Но нравственность при этом ухнет вниз».
Закон сказал: «К злодеям будь жесток.
Не только лиц ты знаешь, но и лица!»
Он отвечал: «Я сам цареубийца».
Заплакал и уехал в Таганрог.

6. ОТВЛЕЧЕНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ

Плавен поворот равнинных рек.
У людей совсем не так бывает:
Чем он медленнее назревает —
Резче повернется человек.
Зачарован в странном этом танце
Круговертью собственной души,
Пьер встречал себя в республиканце
В Тульчине, в немазаной глуши.
Позже, в долгом споре с Муравьевым,
Шедшим от республики назад,
Увлекался граф с порывом новым
В конституционный дивный сад.

Видел в Каратаеве мессию,
Но к Американским Штатам плыл.
И в себе искал одну Россию,
А вокруг другую находил.

7. ДОРОГА

На ухабах проседая,
Граф в колясочке катит.
Колокольчик Дар Валдая
Утомительно гремит.
— Тпру! — и вылезает барин.
— Друг любезный, вот-те раз!
При дороге, неисправен,
Покосился тарантас.
Рядом — сам и желчь, и злость —
Господин сухой бранится,
На поломанную ось,
Опираясь как на трость.
Миг — и просветлеют лица.
— Здравствуй!
— Здравствуй!
— Ты куда?
— В Кишинев.
— А я в Одессу.
— Станция где?
— Вон — у лесу.
— Подвезу.
— Пожалуй, да.

8. ВЪЕЗД НА ПОЧТОВУЮ СТАНЦИЮ ВЫРА

Всегда в воротах стареньких домов
По сторонам стоят два круглых камня,
А иногда два стесанных столба.
Они так и задуманы — косыми.
Когда чуток не рассчитает кучер,
Или ямщик, и дверца экипажа

На стенку аккуратно напоззает,
И дамы говорят в коляске «Ах!» —
Накатывает колесо на столбик,
Отскакивает от стены коляска
И звонкой колеей во двор въезжает,
И дамы «Слава Богу!» говорят.
Но Пьер с приятелем лишь покачнулись.
(Они давно не новички в дороге.)
Тем более, что важным разговором
Как раз сейчас они увлечены.
Но пересказывать я вам не стану,
Поскольку сам в коляске той не ехал
И слышал лишь обрывок фразы графа.
Когда ему уже перепрыгли,
Он крикнул молодому человеку:
«Так, значит, свидимся? Прощай, Евгений».

9. ОТЪЕЗД СО СТАНЦИИ

Остановиться, дабы оглянуться,
У нас, ей-богу, не всегда есть время.
Но на ходу мы оглянуться можем.
И Пьер, назад взглянув на повороте,
Увидел, что ворота превратились
В подобье рта. Булыжник — это десны,
И небо красное, как будто небо,
И треугольник черного орла
Гнилушкою, а столбики — клыки.
Ах, как нас государство опекает!
На стенку мы бросаемся отважно,
Проскакивает меж клыков повозка,
И мы в казенную въезжаем пасть
Целехонькими. Вот он тот угольный,
Краеугольный камень государства.
Что ж, тяжела должна быть колесница...
Так думал Петр Кириллович Безухов,
Скача из Петербурга в Кишинев.

10. ОТСТУПЛЕНИЕ ПОЛЕМИЧЕСКОЕ

Сто прапорщиков — это сто полков.
Любезный Грибоедов ошибался.
И все-таки, наверное, был прав.

11. ВОЗВРАЩЕНИЕ В ПЕТЕРБУРГ

...Плюхнулся, как блин на сковородку.
Долго ничего не понимал.
В центр никто не вез. Один нахал
Четвертной потребовал на водку
(И к тому же только серебром).
Все казались пьяными. Потом
Повалили дворники гуртом.
Кто-то что-то крикнул про погоду.
В воздухе студеном, налитом,
Над знакомым каменным мостом
Ехал генерал с открытым ртом.
Попадались флотские. Потом
От Невы (но слева, а не справа,
Где стоит полуденная пушка)
Грянул выстрел. Глянул на часы.
Стрелки разрезали цифру десять.
Петр Кириллович протер стекло.
Вмиг похолодело на душе.
И тогда невнятно, еле-еле
Шевельнулось слово «неужели».
Кучер встал и объявил: — Уже.
Приехали, барин!..

12. ПЛОЩАДЬ

С рассветом возвело восстание
Вкруг медного Петра каре.
Штыки его, что крыша зданья,
И всадник в них, как во дворе.

Свет тускл. Он не умеет литься,
Он тонет где-то в шубе туч,
Почти не освещая лица,
По кромке лезвия струится...
Штыков им хватит. Нужен луч.
Прямой, что искра из кресала,
Отвесный — и — ура! — вперед,
Чтоб сталь запела, заплясала:
Успех, успех, а не исход.
И чтоб в глаза артиллеристов
Разящей радужной косой
Шарахнул из-за туч неистов,
Как залп удачный — луч косой.
Чтоб он средь гама городского,
Не убоявшись ничего,
На эполетах Трубецкого
Сверкнул и возвратил того.
Один лишь луч — и брызнут звенья,
И, площадями клокоча,
Как наводнение — наступление.
Успех, успех!.. Но нет луча
И, гармонируя с природой,
Отрывист, как собачий лай,
Над нерожденною свободой
Навис унылый Николай.

.....
Еще одна осталась сила,
Которая всех сил сильней.
Но эта сила, как могила.
Они не думают о ней.
Еще одна осталась сила
Поленьев, кольев и камней.
Безухов растворился в ней.
Его догадка осветила:
«А что, когда...» Но вот толпа,
Как будто кипяток крутая,
Толпа за что-то бьет попа,
Все наседа, нарастая.

Но вот прошел мастеровой
 С доской, утыканной гвоздями,
 И чей-то вопль, и чей-то вой,
 И кто-то в стельку под ногами.
 ...Но что за личность в армяке?
 Взгляд — англичанина надменней,
 Дуэльный пистолет в руке...
 Ну вот и свиделись, Евгений.
 ...Но, лихо описав кривую,
 Почти что каменный снежок
 Глаза Безухову ожег...
 — Очки! — и дзынь о мостовую.
 Едва живее мертвеца,
 Лишенный даже дара речи,
 Ушел задолго до конца
 И не слышал уже картечи.

13. ЭПИЛОГ

— Рылов, Коханий, Пистоль, Муравей и Бесстыжий.
 Главным у них был Пистоль,
 он царю был двоюродный князь,
 сын Пугача незаконный, но царь догадался:
 граф Аракчеев ему про то нашептал.
 Царь тада графу сказал: поезжай, мол, за море,
 выбери лучший корабль и за войском плыви.
 Ибо Писанье гласит, что Пугач напугает,
 Семечко даст, и оно меня изведет.
 Царь напугался тада, и Пистоля схватили,
 в крепость свезли, но товарищи вышли его выручать.
 Граф Аракчеев про то наемни проведал
 и через верных людей ружья подменные дал.
 Вешали их без креста, но вышла заминка.
 Рылов святым был и прежде,
 сквозь петлю он трижды прошел.
 Только когда ее через ноги надели,
 тут уже святость его помочь не могла... —

Так пояснял расстрига в кабаке
Над самолично писаной иконкой,
Где пятеро святых, и крест в руке
Над всеми ними в нимбе тучки тонкой.
Рассказ был глуп, но прошибал до слез.
И кто-то носом шмыгал осторожно:
— Послушай поп, а я-то в крепость вез
Бревно с крюками. Замолить-то можно?

.....

А Пьер Безухов средь реки Оби
В таких раздумьях вечер коротает:
Греби, Харон, от берега, греби.
Паромщик, похоронщик, Каратаев.

декабрь 1975 — лето 1976

НЕВЕСТА

конспект

За три месяца до декабристского восстания семеновский подпоручик Константин Чернов стрелялся за честь сестры с флигель-адъютантом Владимиром Новосильцевым, которому мать, урожденная графиня Орлова, уже после помолвки и обручения запретила жениться на девушке не их круга. Секундантом у Чернова был Кондратий Рылеев. Оба дуэлянта после поединка скончались. Похороны Чернова стали первой в России политической манифестацией.

Сюжет сентиментальной драмы
Был в жизнь перенесен. Эраст
Приедет, не спросясь у мамы
И влюбится, и слово даст.

Красавица не виновата.
Он примет вызов через год.
Убьет ее родного брата
И сам в шести шагах падет.

Шла перемена направлений
В искусстве. Поединка пыл
В тот год воспеть сумел бы гений.
Он был, да только в ссылке был.

Другой поэт светло и вяло
Взмыл в романтическую высь:
Эрасты! Вам крестьянок мало.
Вы за дворянок принялись!

В невидимом венце терновом
Он апеллировал к штыкам:
Клянемся честью и Черновым!
Вражда и брань временщикам!..

С нравоучительною целью
Оповестил: повинен царь,
Строй, спесь... Над этой же дуэлью
Слезу роняет государь.

А где-то и без слов крылата
Все не утрет ее рука
Кровь брата на мундире брата,
Кровь на груди у жениха.

...Того царя отпела вскоре
Картечь. Романтик был казнен.
Что — рядом с общим — чье-то горе?
Чуждачество усмотрят в нем,

Когда казенные кларнеты
Подсвистывают на плацу,
Когда плеснет из-под кареты
Тюремной жижей по лицу,

Когда веревка оборвется,
Но вновь прикажут запрягать,
И Лунин бодро улыбнется:
— Своих бастилий нам не брать!..

Но что ей — общая утрата,
Что этот перечень, пока
В крови мундир родного брата,
Сюртук венчальный жениха.

Те судьбы озирая вместе
Историк ищет общий план,
И вот не вспомнят о невесте
Ни Щеголев, ни Эйдельман.

...Как странно, не меняя позы,
Грядущее припоминать,
В объятая натуральной прозы
Бедняжку передоверять.

А, может, мы и вправду слишком
Литературой увлеклись?
Что делать! По журнальным книжкам
В тот век влюблялись и дрались.

Завидный жребий — с пистолетом
Стать супротив временщика,
Но веселей одним куплетом
Взметнуть мятеж его полка.

Мука особого помолы,
Вино изысканных кровей,
Четырехстопная крамола —
Краев полночных соловей.

И кто-то знал за суматохой
Нелепых казней и потрав:
Художник, спорящий с эпохой,
Всегда оказывался прав.

И по указу государей
Стихи задолго до суда
В делах секретных канцелярий
Вымарывались без следа.

...Те под землей, те — за Уралом.
Тот век — иные времена.
И замужем за генералом
Все глуше плакала она.

И пусть меня толкает рифма
К ее судьбе. Я — не о ней:
Кровавей греческого мифа
Античность родины моей.

Но как светла!
 Лучом, текущим
К тем кущам
С этих вот низин.
— Прошедшее грозит грядущим.
— О, не пророчьте, Карамзин!

1978—1982

ВЫРСКАЯ СТАНЦИЯ

Вырий — рай древних славян.

Выра была третьей почтовой станцией от Петербурга по Минскому тракту. Выриным назвал Белкин своего зрителя; гусара-похитителя нарек Минским. Знакомство Минского и Дуни происходит в доме, который в начале XIX века, перебираясь в Батово, уступил под станцию, полковник Федор Рылеев. (В Дуниной комнатке, надо полагать, и родился будущий декабрист.) Рядом, в ганнибаловской Суйде, в конце 1798-го вынашивала дитя супруга помещика Сергея Львовича Пушкина. Мальчик появится на свет в мае 1799 года. К этому времени Пушкины уже переедут в Москву.

И тоже в мае, но уже 1912 года, Кузьма Петров-Водкин сделает карандашный рисунок для картины «Купание красного коня». Натурщик, позировавший художнику, как две капли воды похож на тринадцатилетнего сына вырского помещика Владимира Дмитриевича Набокова. Полоска красного берега за плечом Владимира Владимировича — привет его другим берегам с этих.

Когда над Вырой облака
Удерживал я над тобою,
Не опрокинув их, пока
Не грянули они бедою,
Когда бессилён побороть,
Я продышал всего лишь с ноготь
Зрачок и ледяную плоть,
Рот ободрав, успел потрогать, —
Увидел не тебя, мой свет,
Но краем, самым краем зренья,
Тот край, где почему-то нет
Разъятия и разлученья.

I

Выявлено. Выбелено чисто.
Свежая разломлена тетрадь.
Здесь, почти в имени декабриста,
Пристрастишься лето летовать,
Рассуждать с хозяином о старом,
Вычисляя роковой изъян,
И читать залистанный *недаром*
Некий краеведческий роман.

Мальчик бродит по лугам.
Холодно его ногам.
Мальчик все запоминает.
Мальчик завтра уезжает.
Лето кончено. Прощай.
Перерезан каравай.

II

XIX-й, зело болезный,
Уходил дорожкой продувной,
И качалась колыбель над бездной,
По-над пестрой парковой травой.
Но пока спеленутое лето
Лишь коснулось краешка стола.
Имени опального поэта
Млечная черемуха цвела.

Предки жили у реки.
Бунтари. Крепостники.
И не чьи-нибудь — его.
И не чьи-нибудь — твои.
Так-таки и никого
Ты не встретишь у реки?

III

В ту экологическую нишу
Однажды потянешь всех своих.
Валентина Дмитриевича, Мишу,
Жору, Пашу, Машу и иных.
Вова с Олей кинутся с порога.
Вова с Леной сядут на порог.
Господи, да как нас было много!
Всех сюда и втиснуть я не смог.

Ах, как странно в двадцать пять
Родину приобретать,
Узнавать в чужом лице
То, что в матери-отце
Ты навеки затвердил,
Да, наверно, позабыл.

IV

Рамкою вину свою оправлю...
(Смех и грех, а вырвалось само.)
К берегам иным письмо отправлю,
То, с нелепым адресом письмо.
И покуда адресата ждали
Мы по эту сторону земли,
Почтари письма не потеряли,
Просто слишком поздно принесли.

По чернильным капиллярам
Черной пастой, белым паром
Переписывай судьбу
Тех, которые в гробу.
Мыслью, мышечным кошмаром
По чернильным капиллярам.

V

Между тем неканувшее лето
Шло поодадь от твоей судьбы.
Мальчик первых два сложил куплета.
После дождика пошли грибы.
Улыбался бритый император.
Либеральный бант отец вязал.
И почтовой станции диктатор
Трюхал пешедралом на вокзал.

Дух фиалковый, грибной,
Палых листьев перегной
Заглушает двух империй
Бритвенно-свинцовый дух.
Вдохновенных суеверий
Шепоток — тревожит слух.

VI

— Балуйте детей своих побольше,
Балуйте детишек, господа.
Вам не ведать, что там будет дальше —
Красный берег. Резвая вода.
Толку чуть и в праведном запрете.
Только чуть прикрикнешь — погляди! —
Махаон на ветхом парапете
Крылья свел на бархатной груди.

Ничего ему от нас
И ненадобно сейчас.
Бродят тени в бывшем парке.
Захлестнулась нить у Парки.
А повешенный в аллее —
Утра серого белее.

VII

Ну еще какая там провинность?
Что за новый подвиг? Что за страсть?
Или тяжкая необходимость
Динамитом ограничить власть?
Нет, недаром, лужские равнины
Насыщает Красногорья ток.
Из-под коренного комья глины,
Красной глины, — бьют о передок.

Лучше бы совсем не это —
Жить до нового рассвета,
Все запомнить, записать,
Детям, внукам рассказать...
Но — записано в программе:
«...не мужьями, но мужами!»

VIII

Детский мир пружинных пистолетов,
Оредежи беспокойный ток.
И опять к концу подходит лето.
Ну еще, еще один глоток!..
Бабушкино Батово пылает.
Пятипалый лист летит к тебе.
Два глотка, но этого хватает.
В остальном доверимся судьбе.

Наступает старый год.
Мать выходит из ворот.
Может статься — за грибами.
Может статься, что за нами
Мать выходит из ворот.
Наступает старый год.

IX

Заклинать и возвращать бывшее
Кто тебя подбил, цитатчик, вор?
...складываю вчетверо и втрое
Мнемозиной вышитый узор.
Между станцией и магазином,
Как вправдашний мемуарист,
Потакая танцу Мнемозины,
Закавычиваю этот лист.

1983

ОСТРОВ НА ПРИБРЕЖЬИ

долгая повесть

тошно так —

Пушкин. Проба пера.

Тетрадь ПД 838, лист 75

(по жандармской пагинации)

I

А чтобы не забыть — поверх могилы
стихи про голодаевский бордель
и фельдшера вульгарная латынь —
рецепт от гонореи. Будто знал,
что будут рыть в бумагах, а еще
пошлют на экспертизу. Академик,
латыш, светило красной медицины,
даст заключение, де не устарел,
но доза не прописана. Засим
10 ему провизор выставит брезгливо
копайского бальзама, алкоголя
в растворе померанцевой воды:
ноль-три, ноль-пять, ноль-девяносто пять —
глотать, поскольку стыдно запускать.
Болезнь не стыдно — запускать нельзя.
Сначала станут уставать друзья:
ну что, нашел? И с видом идиота:
ага. А что? Лекарство от болезни.
А кости? кости?.. Я копал архивы.

- 20 Потом забор некрашенный, две ивы
и ветхий домик... А еще сличить
с другой страницей тот же самый профиль
скалы на берегу варяжских волн,
вертявый челн... Нас тоже было много,
не меньше, чем на площади у них,
а что осталось? Этот в референты,
тот за бугор (ни жизни, ни легенды),
а я в архив, и двери на запор.
Итак, — Россия. Лета. Литорей.
- 30 Зачем за шторкой синий Мандельштам
косит на Вересаева? Бодрее
карабкаемся к самой кромке, там,
где образец, одушевленный в школе,
расстрижен ради красного словца,
и в ржавых пятнах проступившей соли
на фраке, на кирасе, на камзоле
чуть золотится прошлого пыльца.

- Что стоит Гений в жизни?.. Три червонца.
А в супере?.. Придется поискать
- 40 в книгообмене... А нельзя ль занять
того знакомого вашего, японца?..
В торгсине? Неудобно, н-да... А в лавке
у Киры Викторовны? Нох айн маль!..
Там есть две-три купированных главки...
А если ксерокс?.. Жаль. Чертовски жаль.

- Что стоит смерть? Сначала просто дата
падения Бастилии, но год
родной, сибирский. Слово ренегата
грассирует, срываясь запятой,
- 50 а разберешь по петлям, вроде Сопаг...
Какой там гонор! Сунутся в тетрадь
и крикнут. (Дубельт скажет: и крестьянки
любить умеют? Модные проказы
на лоне?..) И для верности — рецепт
на, вот возьми! Что, репка? А потомство,
потомство разберет.

Не приведи
 сойтись накоротке с черновиком
 его болезни. Если гений — норма,
 60 он норму перебрал в 26-м,
 пугали вытрезвилкой, психушкой,
 потом похмелье — плаха — пистолет —
 топор — Андрей Шенье — нож гильотины —
 тесак армейский — дырка — ключ от двери
 его покоя. Не спирт в припадке
 медитативном, он не приручал
 потустороннего, но как Евгений
 (не этот — тот!) казался неуместным,
 шел площадью и руку прижимал...
 70 А мы другие...

II

Впрочем, вот сюжет:
 три брата, греки, видимо, торговцы,
 островитяне... Только мочи нет —
 их режут и стригут (они ж не овцы!),
 и вдруг эскадра — рыжий граф Орлов
 витийствует под флагом Византии...
 Подумали да наломали дров,
 когда в султана брандер запустили.
 И тых, и пли!.. Но русские ушли,
 80 а турки тут. Тут братья приуныли,
 потом оставшиеся корабли
 оставшимся товаром загрузили
 и вслед за ветром тоже проползли
 в пролив, а там без пушек, как без визы,
 вот и отдали все, что снять могли —
 с плеча кафтан, а с чудотворной — ризы...
 ...Прошли! И Афанасий, старший брат
 из братьев Гонаропуло, царице
 сумел всучить чувствительный доклад
 90 об иммиграции из-за границы.
 Затем назначен чем-то при дворе,

поскольку был внушительный мужчина
(кто оценил бы это при Петре?),
и вот помимо звания и чина,
взамен отеческого островка
пожалован (да подавитесь, турки!)
таким же точно, только в Петербурге,
близ Голодая, где Нева-река.

III

100 У взморья на побережьи Голодая
стоял почти артиллерийский гул,
когда в волнах балтийских пропадая,
один чиновник чуть не утонул.
..А получилось глупо: утро было
безоблачным, молочная река,
казалось, не текла, а лишь скользила
наперекор теченью ветерка,
зато лучи сложились торопливо
да отраженья шпилей и крестов
стекали вплоть до самого залива,
110 размножены устоями мостов.
И даже ангел был как настоящий:
он разомкнул хрустальный этот ларь
и в плоской глубине зажег дрожащий,
волшебный, но вполне цветной фонарь,
навевший Венецию иль Ниццу
тому, кто погостил и в тех гостях,
покуда изучали мы таблицу
погоды в «Биржевых Ведомостях».
В июле восемьсот двадцать седьмого
120 отменно сухо и весьма тепло...
Вот-вот пойдут пожары... Бестолково
русское устройство, все хреново,
а и с погодою не повезло.
Отложим раздраженное стило...
Алло... Да, я вас слушаю... Алло...
...кто говорит? ...какому очевидцу?

IV

- А мне опять на квас и чечевицу,
когда бы он и вовсе там утоп?
Им, коли не по ним, — так в заграницу.
130 А то за саблю — да и пулю в лоб.
А нам нельзя. И барин-то не строгий,
туда, мол, я один, а ты смотри
извозчика, да по кружной дороге
приедь за мной и лодку заberi.
Мол, знаешь ли где Греческая мыза
за кладбищем?.. Мы здешние... Ну, слазь.
...и кто же ожидал того сюрприза?
Чуть пушка бух, — и буря поднялась.
А там коса, совсем гнилое место:
140 канатка, бойня, ямы для скота,
и берег там у берега, как тесто —
бонжур из-под коровьего хвоста.
А без привычки да еще на лодке —
накроет, как гранатой, — и готов,
когда не знать подхода — посередке
протоки у избушки рыбаков.
Бегом до этих самых гунуропул...
Какие рыбаки!.. А так продрог, —
от страха на порог и грудью об пол
150 от страха тоже — ты живой, сынок?
А он: и я бы мог, и я бы мог...

V

Зачем они стояли в декабре,
как мальчики пылая и робея?
Зачем тогда построились в каре
вокруг Петра? Была ли в том идея
восстания? Повстанец-молодец
идет на площадь, чтоб ввязаться в драку
и прет на приступ: крепость ли, дворец —
ему какая разница? — в атаку!

- 160 Стояли час. И два. И три. И пять.
 Прошли сквозь Зимний и сейчас отдали.
 Еще не поздно было начинать
revolution. А все-таки стояли
 напротив оробевшего врага —
 чего стоят? — почти на самой кромке
 разумного. Каленая пурга
 лизала плоским пламенем поземки
 их сапоги. При чем тут Трубецкой?
 При чем тут сколько? Много или мало, —
 170 каре не атакует. Это строй
 для обороны. Пуля в генерала —
 еще не довод. Присягнул Сенат,
 и поздно, поздно... Экая дешевка
 палить в своих, когда стоит парад
 свободы, или, скажем, забастовка
 военных. Так в 20-м, в октябре —
 семеновцы... А если длить примеры,
 еще при Алексее и Петре
 в своих скитах стояли староверы.
 180 Горели, но стояли. И металл
 крестов нательных прожигал скрижали.
 Так Гефсиманский Праведник стоял,
 когда legionеры набежали.

VI

- Прибрежье. Опрокинутая лодка.
 Прошедшей бури грязное белье.
 О чем он думал? Отчего неловко
 За гения домысливать свое
 и возводить под крышу комментариев,
 в котором все расчислено стократ
 190 (а наши сны, сухие, как гербарий,
 на общее посмешище торчат).
 Ни дождика, ни вольного волнения

на глянцевах полях «Временника»...
 А может, нас страшит сопоставление
 с той высотой, что слишком высока?
 Считать колючки на венце терновом, —
 скажи, зачем? А то, войдя в права,
 уже остепененным пустословом
 открыть, что Пушкин — это голова...
 200 Себя он строил, новый Долгорукий,
 по плану. А еще стихи писал.
 ...неужто меж истерикой и скукой
 пройдем, как между тех античных скал?

VII

15-го утром (что ж так душно?)
 записка Соболевскому. (Ответь,
 где слов занять, когда утешить нужно?)
 Мать умерла у друга. Смерть как смерть,
 обычная... Письмо не получилось,
 а почта в полдень, надобно поспеть,
 210 Сережка плох — то ангелы, то черти
 ему поют. (Чертей, как есть в конверте,
 согласно воле автора — в огонь.)
 ...Потом к Сенату, где петровский конь
 грызет позеленевшую уздечку,
 напряжился и замер: шпорой тронь —
 как заводной махнет и через речку
 и — по прямой — до взморья, до скалы,
 где пеший Петр в безумном озареньи
 увидел город свой, где пенились валы
 220 и чей-то челн изнемогал в бореньи.
 Но стыдно пересказывать стихи.
 Стихами же — тем более нежеже:
 не плагиат, а не сварить ухи
 из съеденной метафоры. И все же
 оглянемся на площадь: вот Сенат,

он был под самой крышею украшен
 Весами Правосудья. Говорят,
 когда на площадь повалили наши,
 кто был порасторопней, из низов,
 230 сюда для обозрения взобрался.
 А пушки били вверх. И с тех весов
 торчало человеческое мясо.
 Левее — царь на финском валуне,
 Исаакий монументом долгострою
 (поскольку прежний был на плавуне
 да так и развалился сам собою).
 Ладьей на фланге знаменитый дом
 Лобанова. А там свободным полем
 назад к Сенату. И возьмем конем.
 240 Он по прямой не может, а глаголем
 бьет даже крепость. Шах. И снова шах.
 И не указ плешивый и усатый
 простывшему на этих площадях,
 под сквер задрапированных цитатой.
 Ему-то что? Знакомые места.
 А площадь даже чересчур знакома,
 и там, где никакого нет моста,
 пойдет себе до Пушкинского Дома,
 решившийся, пересечет черту,
 250 и отряхнет летейское томление,
 и с мужиком столкнется в порту,
 и поплывет в известном направлении
 под всполохи негаданной грозы,
 пробормотавшей орудийным басом
 о том, что бутафорские весы
 вновь загрузили человечим мясом.

VIII

16-го дождь не затихал
 до темноты. Взамен прогулки — прочерк.
 Зато он прямо с ходу записал

- 260 стихотворение в пятнадцать строчек.
Кто заглянул в его черновики
и в буреломе правки чертыхался,
признается: легенде вопреки
он легкостью пера не отличался.
Но потому-то гений и велик
и в том его отличие от таланта,
что лезет к абсолюту напрямик,
не соблазняясь полушкой варианта.
Каким бы гладким ни казался он,
270 каким бы ни был крепким или броским, —
как будто формулирует закон,
открытый для полета Циолковским.
А что? Видать, от века такова
нехитрая, но тайная наука
в строке аккумулировать слова
посредством чувства и посредством звука.
Ступень сгорает — вот и черновик.
А варианты множат ускоренье.
...он попытался править, в этот миг
280 едва не загубив стихотворенья
весьма простого. Вот и у Шенье
в элегии почти что и об этом:
одна компания в одном челне
плывет, увлечена одним сюжетом,
вдруг — вихрь, все гибнут, воеет Аквилон
(всегдашняя реакция на бурю),
и только тот, кто спереди — спасен,
расхлебывает не тюрьму, а тюрю,
и разведя толикою слезы,
290 он примеряет впрок венец вилюйский,
поскольку обручились две грозы
одним кольцом — декабрьская с июльской.
...кто был повешен — утонуть не мог.
А он бы мог. Вчера хотя бы. Впрочем,
не утонул, и, может статься, срок
повешенья не минул, но отсрочен?
А строчки... Хорошо бы их в печать

под звездочкой сигнальной анонима
 да поглупей название сыскать
 300 и мимо Сциллы и Харибды мимо —
 в набор. Но совпадение каково!
 Оскаленный утес, именье грека,
 еще дельфин... Откуда?.. Как его,
 того поэта из VI века?
 ...корабль захвачен варварами, он
 на берег вынесен разумным зверем...
 Еще звезда такая... О-рион?
 а может — А...? Ну, в словаре проверим.

IX

Пиши да выраженья выбирай.
 310 Мы не чета французам или туркам,
 их бин у нас — народность...
 Николай
 был, подражая бабке, драматургом.
 Перебираясь в Царское Село,
 на лоне незначительной природы
 он громоздил завистникам назло
 почти державинские обороты.
 Он в людях понимал и в лошадях,
 Но где тот зал на сорок миллионов?
 320 И он играл на римских площадях
 за неимением римских стадионов.
 И, распушив гвардейские усы
 и домиком остзейским сдвинув бровки,
 писал, писал (порой не без слезы)
 что? — всенародные инсценировки.
 На среду: взять от каждого полку
 по взводу их да по две роты наших —
 в одно каре (он был не глуп) — к носку
 носок — и на колено. В память павших
 330 читать на литургии литию

по убиенным за царя и веру —
уж если ограничился пятью,
блюди себя. Придраться к офицеру,
четвертого в шеренге наградить,
а, впрочем, лучше третьего. Тогда же
митрополиту площадь окропить,
императрице ехать в экипаже —
клин клином — возле статуи Петра
орудья с передков и непременно
340 всем строем троекратное ура
кричать в честь избавления от плена
крамолы бунта. А на вторник то,
что будет посильней, чем все премьеры,
все ваши бенефисы... жаль, никто
его там не увидит... для примера
конечно бы не худо наблюдать
и самому, но это неудобно:
у нас под петлей любят оскорблять.
С них станется. Он расписал подробно
350 куда, кому, и вслед за кем, и как,
и как прибить табличку с именами,
но тут Сперанский влез: нельзя никак
табличку! Почему же? В каждом храме
такая... Ну и что?.. Ах да, Пилат...
Гляди, куда каналья намекает.
Чуть увлечешься — каждый попрекает.
Тем лучше. Пусть инкогнито висят.

X

Что значит жизнь, когда отворена
и хлещет на булыжник, как из жерла?
360 Какая там заря, когда цена
за поражение — даже и не жертва,
а только унижение. При всей
возвышенности цели в перекрестных

допросах выгораживать друзей,
и выдавать других... И старцев постных
просить о снисхождении, потом
сознаться в преступлениях, в которых
ни сном, ни духом, но стоять на том
и утверждаться в самооговорах.
370 А тот: не ведаю... не говорил...
не вовлекал... Мальчишки, аматеры,
они сойдут, но если хватит сил,
сойдутся бородаты и матеры.
Один опять возьмет под козырек,
а тот ему в ответ земным поклоном...
За что? За то, что в Общество вовлек
и этим спас, когда я был зеленым
юнцом... И, вероятно, не у них
нам спрашивать, в чем все-таки причина,
380 что минет век, и посреди живых
такая заведется бесовщина,
такие типы... Что там Николай?
Он был весьма интеллигентным немцем.
Умоемся кровищей через край.
И оботрем кровавым полотенцем.

XI

Но это после. А в 28-м
в кругу друзей поэт предал огласке
забавную историю о том,
как ездил черт в извозничьей коляске.
390 Московский литератор В.Титов,
приятельских не преступая правил,
списал ее для «Северных цветов»,
а он благословил, но стиль поправил.
И мы введем в четырехстопный стих,
(фраппируя переводною позой)
то, что однажды у Карамзиных
поэт поведал нарочитой прозой:

XII

Кому случается гулять кругом Васильевского острова,
 в пути не мог не наблюдать противоречия серьезного
 400 меж южной стороной и той, которая нетерпеливо вда-
 ется длинною косой в дремотные ряды залива.
 По мере приближенья к ней узор украшенных камней ре-
 деет. Пышные строенья сменились хижинами. Но
 и те отстали. В отдалении едва проставлено пятно зеленой
 рощи, а вокруг лишь пустыри да огороды и топкий, как
 болото, луг сползает в пасмурные воды. В уединении
 одичалом последнего из всех домов меж возвышением
 и валом волнуется заплывший ров. Что в нем? репейник
 410 да крапива. И летом невеселый вид. Но еще более тоскливо,
 когда зима преобразит все взморье. И ледок озноба,
 и ров, и домик над скалой — укрыты саваном сугроба
 и скованы могильной мглой.

XIII

Могильной мглой?..

Моги...

Что здесь теперь?

А ничего — промышленная зона.
 Флотатора заделанная дверь,
 избыток фона — дефицит озона.
 Чуть сбоку — не гляди, что неказист,
 420 раскинулся величественно-просто
 краснокирпичный комбинат «Марксист»,
 шорнокожевенное производство.
 И, полно-те! — какая там скала,
 какой там грек (еще скажите — эллин!),
 чудны твои, о Господи, дела:
 где утонул челнок — вознесся эллинг,
 сиречь судостроительный сарай —
 вот славного сближения образчик,
 сравненье, как его ни подбирай,

430 а на поверку — заурядный ящик.
И тут не то что Пушкину — куда! —
Ахматовой пейзажа не узнать бы.
Прошли года и выдохлась беда.
Осталась скука да кошачьи свадьбы.
Да вот еще: клочками пустыри —
разбухшая береговая кромка,
кирпич-железо-щебень — метра три
культурный слой культурного потомка.

XIV

Конечно, император не Пилат.
440 Вот так и выдать мертвые тела
для погребенья родственникам? — дудки!
Невольник доли, в чем-то либерал,
он все-таки пока в своем рассудке.
Он помнит: подпоручишко, щенок,
затеет с флигель-адъютантом драться,
под пулю сунет жиденький висок —
и подделом! — еще при жизни братца
такое было, ну а что потом?
Потом они потребуют собраться
450 на кладбище. Четыреста одних
карет. Переверни — и баррикада,
за гробом как-никак проходит цвет
крамолы... Нет, нам этого не надо.
Венки да речи, слезы да стишки,
клянемся честью, мол, и все такое —
на, выкуси! — всех пятерых в мешки
да в извести поблизости с рекою —
и заровнять.
...Ну кто виновен, кто
460 знал, что в срок откроется и это,
когда войдет в расстрелянном пальто
немая тень беспечного поэта
и позовет.

И счастье, что она,
 вдова, гадая, где его могила,
 в его вину поверила сполна,
 не к жертве, а к герою приходила,
 и где другая у немо^й черты
 цветы сажала, место примечая,
 470 она рвала могильные цветы
 и шла сквозь город в гроздьях иван-чая.
 Вы с рынка, анандревна? ваш букет,
 он вам к лицу, заметим по-старинке, —
 опять-таки поклонники?.. Ах, нет,
 мы промахнулись — все-таки на рынке?
 На берегу пустынных волн. И тут
 как громом: говорил тебе когда-то,
 гляди — во глубине сибирских руд —
 по интонации самоцитата.
 480 Кто это, муж? А может, Мандельштам?
 Гляди, гляди, аукается славно:
 на бе-ре-гу пу-стын-ных волн — а там
 во глу-би-не си-бир-ских руд?.. Забавно,
 к чему бы вдруг? И поздно, как во сне,
 увидеть все... О Господи, как просто:
 на берегу, потом во глубине,
 и тоже без креста и вне погоста.
 Так, значит, то и это — это здесь.
 И как ни холодно, как ни постыло,
 490 а все-таки придется впредь и днесь...
 И выжить, и сказать, что это было.
 Ей в ад сойти — привычно, как в метро.
 Облаяли? Такую не облаешь.
 Перо не шпага — потому перо
 над головой — захочешь — не сломаешь.

XV

Когда бы мы затеяли роман,
 здесь, непременно звонко брызнув шпорой,

500 явился б лейб-драгунский капитан,
 тот самый Гонаропуло, который
 в который раз мелькает за дверьми:
 чего же тянет автор, черт возьми!
 Да-да, войдите. Почему бы нет?
 Спешат слова на строчку нанизаться,
 вплетя в беллетристический сюжет
 живой портрет парадного мерзавца.
 Что значит служба? Служба есть талант
 поймать приказ да обернуться быстро.
 Он был талантлив, этот адъютант
 Татищева, военного министра.
510 Шестерка, но козырная... Дружок,
 вели спасать Российскую державу:
 тут приготовят с мясом пирожок,
 а кушать полицмейстеру Дершау.
 По мне бы проще в крепости во рву,
 да рядом усыпальница с царями.
 Другое дело, ежели в Неву —
 как говорится, в воду и с концами...
 Опять нельзя: а ежели всплывут?
 А с якорем?... А ежели случайно
520 подденут бреднем? — и пойдём под суд,
 ведь это государственная тайна,
 и даже выше. Вот и разуме́й,
 какую нам загадку загадали:
 во-первых, чтоб подальше от царей,
 а во-вторых, чтоб люди не видали.

XVI

 Он подавление бунта прогулял
 на императорском императиве,
 о чем и сообщает формуляр
 инфолио в Лефортовском архиве,
530 привез из Таганрога без потерь
 прах августейший, — бац! — и новый случай:

по справочнику Аллера проверь —
не отыскать кандидатуры лучшей
в могильщики!..

Но что там из прорех
сочится меж эпитетов нелестных?

О как легко судить сегодня тех
истории статистов бессловесных...

Да в том же формуляре посмотри:

540 ну что с того, что вышел адъютантом?

Вот ордена — их даже целых три:
две Анны, а еще Владимир с бантом —

все боевые. И зрачком в упор —
медаль за Лейпциг. Что такое знаем

про этих? Гонаропуло Егор

на ратном поле не был негодяем.

Где факел истины? Где кислый торф
навета? Все перепроверить надо.

А это кто? А это Бенкендорф

550 на фоне партизанского отряда.

А это?.. Это Лунин, это наш...

Поосторожней, он чужих не любит.

А этот романтический типаж?..

Как кто? Его дружок Леонтий Дубельт.

Вернемся. Что теснилось в голове?

Что жгло в груди? Что вообще известно?

Не он, так кто рылеевской вдове

открыл, где это проклятое место?

Ведь знала же... Не этот ли Егор,

560 смотритель вечности в земной юдоли,

здесь поновлял некрашенный забор,

и тот прохожий не через него ли

открыл, что здесь, да, здесь скакун достал-
таки Евгения копытом...

Скала на займище, а проще — вал,

подмывая руина на открытом

(здесь частное владенье) островке

(150 на 300) — это летом,

когда футштоцкий уровень в реке,

и посуху пройдешь... По эполетам
о доблести не судят. Аксельбант —
не аргумент. Споткнешься, обнаружив, —
еще драгун и тоже адъютант
не без таланта — Александр Бестужев.
Соратники!.. Ах, Сашенька, прочти
мне из Рылеева. Ты будешь в бане?
Я с вами!.. Где расходятся пути?
Ищи на плане Шуберта в спецхране.
Тот Шуберт — он дотошный немчура,
580 не зря ж дразнили перцем и сосиской
еще в кадетах... Вас открыть пора,
о Моцарт картографии российской.
Как цепко надо родину любить,
чтоб так запомнить все ее извивы...
А если с Пушкиным соединить?
Итак — забор некрашенный, две ивы.

XVII

Что стоит поиск? Если не найдешь
утрату романтических иллюзий —
590 любой из результатов нехорош:
вступая в жизнь, изволь ползти на пузе.
Смирив гордыню, к истине ползи
из тех пеленок байковых. Вот веник,
вот стул, вот стол... Не то в такой грязи
измажешься... А если в смысле денег —
на поиски три тысячи рублей
по безналичке, тот оброк, который,
не знаю, по которой из статей
внесен одной промышленной конторой.
600 Военные топографы — они
лизали крыши лазерным прибором
и привязались после всей возни
по питерским церквям да по соборам.
Потом еще бурильщики... Потом...

Мы начали, но мы не завершили —
 что значит поиск? Металлист в пальто
 навыворот и взрослые большие
 серьезные мужи — да как же их
 не помянуть во здравие? Такие
 610 все разные — начальник очистных
 с «Марксиста», и художник, и другие...
 Читатель потеряет интерес
 к перечисленью — экая плетенка! —
 историк, журналист и экстрасенс
 и даже два советских негритенка.
 Еще ИРЛИ, а также ВСЕГЕИ,
 и трест ГРИИ, что в доме Бенкендорфа,
 и крепость Петропавловская, и...
 а что нашли? Да так, — немного торфа.

XVIII

620 Неужто же и жизнь не удалась?
 Так и сойдем, не покачнув устоев.
 И только в школе волновали нас
 предсмертные речения героев.
 Когда взалкал поверженный атлант,
 о юность, как за ним не повторишь ты:
 опричник, дай свой подлый аксельбант,
 не то тебе придется вешать трижды!
 Как здорово про этот аксельбант,
 как вовремя!.. Лет эдак через десять
 630 и мы в сердцах цедили вариант:
 Россия! Не умеют и повесить...
 У романтизма слишком яркий цвет,
 да натурально ягодки большие:
 на площадях 70-х лет
 не вешали, но как еще душили.
 Где брать героев, ведь герой — скала,
 а человек не камень — протоплазма...
 А там и скука села у стола,

надутая сестра энтузиазма.
 640 Смущенной душою подытожь:
 увы... И только жены — декабристки.
 И правду не в учебнике прочтешь,
 в одной биографической записке:

Когда они упали, я стоял
 шагах в пятнадцати от эшафота
 и подошел. Один из них лежал,
 а он сидел, согнувшись в яме, кто-то
 стонал. Торчал проломленный помост...
 Тут фельдшера позвали на подмогу...
 650 Он попытался выпрямиться в рост,
 но подвернул ушибленную ногу,
 сел боком на бревне. Сочилась кровь
 из ссадины за левою щекою,
 еще не приказали вешать вновь,
 он поднял взгляд и произнес: какое
 несчастье... Говорил ли кто-нибудь
 еще о чем-нибудь — того не знаю.
 Тут вообще пошла такая жуть...
 И спешка... Ну а мы стояли с краю.

XIX

660 Что значит истина? Вопрос пустой.
 Он промолчит: спроси своих Сократов,
 когда она стоит перед тобой,
 чела не опустив и глаз не спрятав.
 Так что есть истина? Вопрос простой.
 Он улыбнется: это взгляд шекспиров.
 И все?.. Ну да. Но в рукописи той,
 откуда мы и выбрали эпиграф
 для долгой нашей повести — пока
 идет сама, пойдем ли на попятный? —
 670 так вот, в тетради есть одна строка...
 найдем ее — лист 95-й,

- дубль два... а самый главный пушкинист —
 все тот же Дубельт, быть неблагодарным
 как можно?.. Здесь и самый чистый лист
 пронумерован вдумчивым жандармом...
 Находим... Длятся ночи декабря...
 Что тут прибавишь?.. Вымарал. (Однако
 и этот стих покоится не зря
 на всплеске восклицательного знака.)
- 680 В опальной хижине... И вновь обрыв —
 версификационный визг форсунок
 и вдруг: обломок дерева, обрыв —
 ничем не примечательный рисунок...
 А вот еще, на целый разворот,
 где виселиц гунявый подголосок...
 Но стоп. Не то и вправду разорвет
 повествование избыток сносков.
 Грядет за юбилеем — юбилей,
 но *тошно так* — так тошно и кромешно
- 690 в эпоху маскультурных алтарей,
 ну в том числе и пушкинских, конечно.
 И не спасет настольной лампы свет
 от тьмы в ее кишеньи неустанном,
 когда газета на излете лет
 гагаринских придет с Афганистаном,
 и вспучится, как сукровица, квас
 коричневый... Что это там погасло?
 Чур, чур! Да был ли мальчик? Здесь у нас
 Еще с 30-х Пушкин вместо масла.

XX

- 700 О чем еще? Да мало ли чего
 в архиве не полезет из-под спуда.
 Вот николаевский регламент «О
 пехотной амунии». Покуда
 мы дела ждем, чего ж не посмотреть?
 В день самой первой годовщины бунта

- предписано полкам гвардейским — впредь
ношенье сабель... Ерунда как будто...
Words, words, words — swords. Зачем нам swords? И так,
еще не введена казачья плетка,
710 но вместо чести и дуэльных шпаг
на брюхе полицейская селедка.
Еще? О тех зачеркиваниях
фигурных... с удивлением отметим —
подмигивают на черновиках
в 27-м году, и в 33-м.
Обыкновенный ромб — бубновый туз,
в нем слово, и штриховка как-то сбоку...
Забавный и простительный конфуз
гусяного пера — и что в нем проку?..
720 А поутру приходишь на раскоп,
торчишь над ямой... Это ж ямы!.. Помнит
о той могиле, и не спать чтоб,
зачеркивает слово — и хоронит.
...Теперь по всей Смоленке эти рвы.
Мы жили близко. В стужу в 41-м
забрел сюда отец. Во рвах мертвы
лежали ленинградцы... Кто-то в сером
снегу привстал... Такое увидеть
мальчишкою... Он бросился к саперу:
730 там люди!.. А и вправду исполать
тому, кому и это будет в пору.

ЭПИЛОГ

А я скажу вам: над Россией — рок,
и если так дела пойдут и дальше...
Так вот, мы коротали вечера
у В., у хлебосольной генеральши.
Рояль, шарады, шутки, легкий флирт —
кружили, счастьем своему не веря...
В окне душистый лавр и пряный мирт.
Не тайная, но все-таки вечеря...

- 740 Ведь прямо из окопов! Повезло.
 Тут жить да жить, а не курками клацать...
 Тринадцатое — чертово! — число,
 и приглашенных (вышло так) тринадцать.
 Был Пушкин (Лев Сергееч), Трубецкой...
 Ну, словом, — от майора до поэта,
 и вдруг такой повеяло тоской,
 когда Мишель заговорил про это:
 Пятнадцать лет, а кажется, вчера...
 Сказал и встал, и стал еще бледнее:
- 750 За убиенных Павла и Петра,
 Кондрата, Михаила и Сергея!..
 Мартыш, а ты не выпьешь? — Я не пью
 за эту сволочь... Музыка увяла,
 и время растянулось, как в бою:
 А этого тебе не будет мало!?...
 Девицы в обморок. Мартынов за кинжал.
 А тот насмешливо: Ты стал большим черкесом! —
 Я сделаю, Мишель, чтоб ты молчал!
 ...Он посмотрел впервые с интересом
- 760 (вот, как сейчас, я вижу их двоих
 и этот взгляд сквозь сумрак омертвелья)
 и поклонился, и промолвил стих
 евангельский: что делаешь, то делай
 скорее...

1987–2007

ПУТЕВОДИТЕЛЬ ПО ОСТРОВУ

1 — поверх пушкинских рисунков с пейзажами декабристской могилы в тетради ПД 836 (лето 1827 г.) — черновик стихов о том, как в борделе гуляют после работы палачи, а рядом в той же тетради рецепт от гонореи. Непонимание пушкинского шифра обернулось вульгарной академической сплетней.

29 — литорея — старинная система шифровки.

43 — Кира Викторовна — знаменитая в брежневской Москве дама из книжного спецраспределителя Союза писателей на Кузнецком мосту.

50 — французская запись «14 июля 1826 Гонар<опуло>» сделана в тетради ПД 833 крайне разбавленными (по сути симпатическими) чернилами, а, может быть, и просто чаем.

71 — см. «Воспоминания М.А.Гунаропуло» (Русская старина. 1917. № 3. С. 360).

118 — автор запамätовал. На самом деле речь должна идти о «Санкт-Петербургских ведомостях».

204 — письмо к С.А.Соболевскому написано утром 15 июля 1827 г.

234 — сравни в белой рукописи «Медного всадника»:

Тогда на площади Петровой,
Где дом близ церкви вечно новый...

По цензурным соображениям последний стих Пушкину пришлось заменить на полуграфоманское «Где дом в углу вознесся новый».

Увы, до сих пор так и публикуем.

285 — Аквилон — северный ветер. С 15 июля после полуденного шторма и грозы погода в то лето закончилась.

325 — всенародная инсценировка — выражение из записной книжки Андрея Платонова (середина 1930-х годов). Николай I сам расписывал обряд казни (13 июля 1826 г.) и церемонию «очищения» Сенатской площади (14 июля 1826 г.). Некоторые подробности церемонии мы заимствовали из приказа Дибича.

352 — дощечки с именами казненных на виселице в последний момент были заменены кожаными нагрудниками с надписью «Цареубийца».

440 — сравни с мемуарами начальника охранки: «Полиция отдала распоряжение не отдавать трупов родственникам. Публичные похороны не были разрешены. В полной тайне, ночью, убитые были преданы погребению». Это не о 14 июля 1826 года. Это о 9 января 1905 г. (А.Герасимов. На лезвии с террористами. Париж, 1985. С. 27–28). Этих несчастных, как декабристов и народовольцев, погребли также на Голодае.

442 — пушкинская характеристика мужа Ольги Лариной, в которой звучит анаграмма «Николай»: «уЛАН, своеЙ невольНИК доОли» (подмечено американским психологом Владимиром Слущким).

444 — имеется в виду дуэль члена Северного тайного общества подпоручика Константина Чернова и флигель-адъютанта Владимира Новосильцева.

459 — ахматовская догадка, воплощенная в ее статье «Пушкин и Невское взморье», связана с поисками могилы Николая Гумилева, предпринятыми Ахматовой в начале 20-х. По бытовавшей в Петербурге версии, расстрелянных захоронили на Голодае. Позже Ахматова узнала, что тело Гумилева предано земле в Бернгардовке.

513 — Карл Федорович Дершау — полковник, василеостровский полицмейстер, которому обер-полицмейстер Княжнин перепоручил хоронить казненных.

544 — поэтическая вольность: Е.А.Гунаропуло отличился в сражении под Дрезденом.

569 — кронштадтский футшток — нулевая отметка уровня Мирового океана, специальный прибор, установленный в Кронштадте Петром I. От уровня кронштадтского футштока и сегодня отсчитываются все высоты России.

578 — на Голодае генерал-майор Федор Шуберт работал как раз в 1826–1827 гг. Именно план Шуберта, на основе которого сделаны и современные точные планы Петербурга, позволил с точностью до 1 м определить место декабристской могилы и обнаружить ее.

643 — см. заметку «Со слов присутствующего по службе при казни» в ПСС К.Ф.Рылеева (М., 1907. Т. 2. С. 19).

616 — ИРЛИ АН СССР (Пушкинский Дом), Всесоюзный институт геологических исследований, Ленинградский трест геологических разысканий.

700 — «...во всех Гвардейских пехотных полках вместо шпаг, ныне употребляемых, носить пехотные сабли». (Приказ по гвардии от 12 декабря 1826 г.) Этим приказом Николай I искоренил шпагу как символ дворянской чести.

712 — ранее эти графические знаки никак не объяснялись исследователями.

724 — речка Смоленка, отделяющая Голодай от Васильевского, до XX века звалась Черной. В блокаду рвы для братских захоронений умерших от голода прокладывались серией взрывов. Позже значительная часть этих могил была застроена жилыми домами.

732 — ссора Лермонтова и Мартынова произошла в доме у генеральши Верзилиной 13 июля 1841 года, в пятнадцатую годовщину казни декабристов.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Чтобы увидеть картину, надо от нее отойти.

В нашем случае — в следующее тысячелетие.

Листая рукопись этой книжки, петербуржец Александр Пануца заметил, что устойчивое выражение «восстание декабристов» по сути неверно. Да — жертва («Ах, как славно мы умрем!...»), да — забастовка военных... Но прежде всего — дуэль, личный поединок.

Не революционной программой, не стратегией и тактикой, а дуэльным кодексом (и шире — кодексом чести) было регламентировано их стояние у Сената. И в этом контексте роковой выстрел разночинца Каховского — трагическое нарушение правил.

Думаю, что мой друг прав.

Каземат — приемлемая плата

За глоток свободы у Сената.

Если смотреть на дуэльный поединок как на «ритуализированное убийство» (модный ныне постмодернистский термин), то и духовный опыт декабристов должно сдать в архив. Сдать вместе со стихами и жаждой свободы, а понятие чести заменить «чисто конкретными» понятиями.

На Сенатской площади они построились в каре.

Но каре никогда не атакует. Эти люди защищали не себя, а свои идеалы. Процитирую из «Русской Правды» Павла Пестеля:

...Обладать другими людьми как собственностью своею, продавать, закладывать, дарить и наследовать людей наподобие вещей, употреблять их по собственному своему произволу без предварительного с ними соглашения и единственно для собственной своей прибыли, выгоды, а иногда и притом есть дело постыдное, противное человечеству, противное законам естественным, противное святой вере христианской, противное, наконец, заповедь <ан>ной воле Всевышнего, гласящего в Священном Писании, что люди перед ним все равны, и что одни деяния их и добродетели разницу между ними поставляют. И потому не может более в России существовать дозволение одному человеку иметь и называть другого своим крепостным. Рабство должно быть решительно уничтожено, и дворянство должно непременно на веки отречься от гнусного преимущества обладать другими людьми.

Ради этого они и вышли к Сенату. И ждали атаки, как опытный дуэлянт ждет выстрела противника, чтобы после самому разрядить пистолет (в грудь обидчика или «на воздух»).

Атаки захлебывались...

Николай все понял: желаете, чтобы я стрелял первым?.. Добро, буду стрелять.

Он приказал выдвинуть на площадь артиллерию.

Пушки приехали без зарядов.

Приказал подвезти картечь и порох.

...Доставили. Что дальше?

Заряжать.

...Зарядили.

Стрелять.

...Как так стрелять?

Царь выхватывает у солдата фитиль и первый выстрел производит сам. Картечь бьет не в мятежников, а поверх голов. Погибают люди, облепившие окрестные деревья и крышу Сената.

Начинается паника.

(Д.С.Лихачев говорил мне, что, по воспоминаниям его матери, поверх голов были даны и первые залпы 9 января 1905 года. Одну фразу из этого рассказа Дмитрий Сергеевич запомнил дословно: «И мальчишки посыпались с деревьев, как воробы...»)

Вышедшие на площадь с оружием в каземате ждали воинской казни — расстрела. Царь это знал и объявил судьям, что «не согласится ни на какую казнь, связанную с пролитием крови». В переводе с николаевского на русский язык это означало одно — повесить.

Понятие чести подразумевает и включает в себя понятие жертвенности. А вот жертва (в ее христианском искупительном смысле) к проблемам чести в лучшем случае просто равнодушна, в худшем враждебна (ибо гордыня — смертный грех).

С самого начала следствия Николай весьма умело стал играть на противоречии двух культурных кодов.

Два кода, наложенных друг на друга, дали то, что дали — беззаконное смешение красок, кровь, раскаяние на допросах.

Вяземский удивлялся, как можно начинать борьбу за свободу с подчинения личной воли воле неизвестных тебе вождей. Пушкин и Лермонтов себя никому не подчиняли — ни вождям заговора, ни власти. И потому лучше других видели, что птица-тройка летит к пропасти. Они не пошли путем Рылеева, они выбрали оружием в личном поединке с деспотизмом нравственное противостояние и тайную свободу. Но во всех трех случаях вызов — священное право поэтов, а первый выстрел — за *системой*.

Сюжет не закончен, тема не исчерпана. И вместо коды — стихи в альбом моего друга, замечательного поэта Анатолия Кобенкова (1948–2006). Начаты они были весной 2000-го в его — таком теплом! — иркутском доме.

В АЛЬБОМ АНАТОЛИЯ КОБЕНКОВА

У Сената намерзнешься, не атакуя,
И пожалте — от Нерчинска до Акатуя,
Где прикрытый тобою Леонтьишко Дубельт
Циркуляром по темечку приголубит.

Собирайся, свободы рассеянной паства,
И кедровник валить и крепить государство,
И шептать-причитать, мол, Россия-Расея —
Всё зелёнка от Терека до Енисея.

По грибам да орехам, грехам да огрехам
Век железно проехал по собственным вехам.
Ах, когда-нибудь мы это дело отметим.
Ну, пускай не в XX, пускай в XXIII.

ПРИЛОЖЕНИЕ К ПЕРВОЙ ЧАСТИ

К. Н. Чернов

ЗАПИСКА О ЗАРЕЧЬЕ

В двенадцати верстах от станции Елизаветино по Балтийской железной дороге и в семнадцати верстах от станции Сиверская Варшавской железной дороги при истоке реки Оредежи раскинулась большая деревня Старое Заречье.

Местность здесь ровная, кое-где с небольшими холмами, с которых открываются живописные виды. Почва хотя и плодородная (суглинистая), но вся усеяна камнями и валунами, иногда чуть ли не с избу, с растущими на них рябинами и березами. Вероятно, когда-то здесь проходил берег Балтийского моря. Кругом лиственные и еловые леса и богатейшие покосы.

В этих местах особенно легко дышится. Могучие деревья иногда обвиваются диким хмелем и поражают своей высотой и толщиной. Травы пестрят полевыми цветами, поскольку вокруг масса пчел.

Несмотря на обилие воды (многочисленные разветвления истоков Оредежи с ключевой водой, массой бьющей не только по берегам реки, но даже в лесу в оврагах, — затем другой берег реки Мало-Зарецкой, впадающей в Оредежь в месте, именуемом Гадючьим Корытом, а отсюда иногда густые туманы по вечерам и утрам), местность здесь отличается удивительно здоровым климатом: я, по крайней мере, не помню здесь никаких эпидемий. Народ все здоровый, рослый и зажиточный. В реках много рыбы: в Оредежи форели и хариусы, в Мало-Зарецкой — щуки и прочая мелкота, а в шести верстах по дороге к Рождеству протекает еще Черная речка (по цвету железистой воды) с налимами. Когда-то были раки, но теперь они исчезли.

Всякой дичи было так много, что стоило выйти в сад перед мызой, чтобы принести зайца, а на речку — чтобы убить пару уток. Славились здесь и охота на вальдшнепов, тетеревов и даже на глухарей. Не было недостатка и в звере — от волков и медведей до лосей.

Помимо лесов было много малых болот. О ягодах, грибах и лесных орехах и говорить нечего.

Вот в этом-то раю земном и жил когда-то Пахом Кондратьевич Чернов, здесь-то и начинался роман Новосильцева с дочерью Чернова Екатериной Пахомовной, кончившийся наделавшей много шума дуэлью Новосильцева с моим дядей Константином Пахомовичем Черновым.

Его отец, а мой дед, был человеком далеко не заурядным по силе своего характера и колоссальной трудоспособности. В свое время о нем, как сыгравшем немаловажную роль в Отечественной войне 1812 года, много писалось в разных исторических журналах, и по алфавитным спискам легко о нем прочесть хотя бы в Российской Публичной библиотеке¹, как равно и о двоюродном брате Константина Пахомовича Чернова — поэте К.Ф.Рылееве, бывшем секундантом на упомянутой дуэли.

От усадьбы, или, как здесь выражаются, «мызы» Пахома Кондратьевича Чернова теперь ничего не осталось. Когда я был мальчиком (более пятидесяти лет назад), дом их был разобран за ветхостью, и части его вошли в новопостроенный дом на другом берегу Оредежи, существующий и поныне. Место, где стоял дом, помнивший Черновых и Рылеевых, теперь называется Старой мызой, оно находится на берегу Мало-Зарецкой реки и все более заливается водой, так что пройти туда и не замочить ног невозможно.

Кругом старые плакучие березы (если только и их теперь не вырубili) так и грустят о былом невозвратном прошедшем времени и о чем-то шепчутся, как на кладбище, когда проходишь под ними.

Вода журчит у камней, где когда-то была плотина.

Когда-то виднеются еще следы старых фундаментов; да много кустов сирени, желтой акации да диких роз (шиповника) показывают, что здесь был когда-то помещичий дом. Место это всегда изобиловало цветами: ландыши, шиповник, колокольчики, кукушкины башмачки да еще всякие иммортели пышно росли здесь.

Вода в реке была чистая и прозрачная, но сравнительно теплая: 12—18 градусов. Здесь мы любили купаться. В Оредежи, напротив, благодаря ключам температура воды не поднималась выше семи градусов по Реомюру.

Все предметы из бывшей усадьбы были перенесены в новый дом, а портреты предков, писанные масляными красками, были помещены в одной из комнат верхнего этажа, где хранилось много старинного оружия. Примечательными были дуэльные пистолеты. Из них ли стрелялись на дуэли Черновы — я не знаю.

Мы, дети, по вечерам боялись входить в эту комнату. Наши предки встречали и провожали нас упорными взглядами из своих старинных рам, в какой бы уголок комнаты мы не пошли. Тогда мы, дети, это странное (как нам казалось) явление не могли уяснить себе и потому трусили.

Я отлично помню, что здесь были два портрета молодых офицеров в форме полков гвардии Александра I. Нас поражала их форма с очень высокими

воротниками с серебряным шитьем и такими же эполетами без бахромы. Мундиры были с серебряными пуговицами с орлами. Один из них был дуэлянт Константин Пахомович, а другой — его брат.

Оба они отличались смуглым цветом лица, черными глазами и небольшими усами. Общее выражение лиц волевое, суровое. Волосы с небольшим коком причесаны вперед на виски, как тогда носили.

Здесь же висел портрет их сестры, из-за которой и произошла дуэль, Екатерины Пахомовны.

Она была одета, как и все девушки того времени, в белое платье, рукава обтянуты, как перчатки, до локтей, с пышными буфами на плечах, тонкой «осиной» талией, невероятно затянутой в корсет, через одно плечо накинута красная «турецкая» шаль, на груди на цепочке золотой медальон. Черные как смоль волосы зачесаны затыливым узлом, а по вискам и плечам змеились локоны и завитки волос. Лицо открытое, симпатичное, но не скажу, чтобы оно отличалось выдающейся красотой. Но у всякой эпохи свои понятия о красоте.

Портреты эти после смерти моей матери Александры Пахомовны Черновой, последовавшей в 1887 году, были взяты братом моим Николаем Николаевичем Черновым (ныне тоже уже давно умершим) и увезены в Гатчину, а когда он уехал на жительство в Петербург, были им переданы своим кузинам Анне Алексеевне Благовещенской и Надежде Алексеевне Богушевской, дочерям Авдотьи Пахомовны Черновой, то есть моей родной тетки. Они жили тогда во дворе прачечной Гатчинской женской гимназии в качестве кастелянш. Затем, когда Анна Алексеевна получила пенсию и вышла в отставку, она поселилась рядом с этой гимназией на бывшем проспекте Павла I, во дворе дома направо от гимназии (если стоять лицом к гимназии).

После смерти старшей моей сестры Анны Алексеевны (в 1899 году) вторая сестра уехала к брату своему, почетному мировому судье Константину Алексеевичу Богушевскому, и, как мне передавали в Гатчине, вероятно, захватила с собой семейные портреты. Богушевский давно умер, вероятно, умерла и его сестра Надежда Алексеевна, и портреты моих предков перешли в их род.

Куда эти портреты теперь девались, я не имею никакого понятия². Тогда меня еще не было в Петербурге (я жил в Минске), почему и не мог взять их своевременно. Это было уже более тридцати лет назад. Пишу же я об этом здесь потому так подробно, что, может быть, кто-либо из гатчинцев прочтет эти строки и, случайно их увидев, укажет мне, где они находятся. За что я был бы очень благодарен. Мой адрес: Ленинград, Фонтанка 133, кв. 48, К.Н.Чернову.

О Рылееве у нас мало говорили, почему я ничего здесь не могу сказать о нем. О дуэли тоже не любил разговаривать, помню только, что я слышал от свой матери об известном мне матери Рылеева³, и мне было грустно за них. В те времена (Александра II) еще не забыли бывшего столь тогда недавнего «Николаевского» режима и боялись говорить о «декабристах». Помню

с какой опаской мать мне показывала печатную «конfirmацию» приговора Верховного Суда о декабристах, где Рылеев был одним из первых. Хорошо помню, что мне было бесконечно жаль его: мое детское сердечко обливало кровью, и мне тогда уже казалось жестоким его наказание.

Что же касается моего дяди Константина Пахомовича Чернова, то я гордился им: его поступок мне казался спартанским!

Быть может, мало кто помнит и знает, что по поводу дуэли Новосильцева и Чернова чуть было не состоялась дуэль между двумя поэтами — А.Пушкиным и К.Рылеевым. Только близившиеся уже тогда дни декабрьской революции 1825 года заставили Рылеева взять свой вызов обратно и извиниться перед Пушкиным. Дело в том, что Пахом Кондратьевич, одобряя желание своего сына драться на дуэли за честь любимой сестры, сказал ему: «Иди! Если тебя убьют, пойдет Владимир, если его убьют, пойдет Николай (мой отец), а если падет и он, то пойду я, старик, но не позволю так придворной знати издеваться над нашей фамилией!»⁴.

Пушкин находил это просто убийством, а Рылеев видел в этом нечто спартанское и горой встал за честь своего любимого двоюродного брата и сестры⁵.

По удивительно красивой дороге (в то время еще не было сокращающей путь от Заречкой мельницы к Черной речке дороги на Асташево, проложенной уже при моей жизни) из Заречья путь шел в деревню Грязно (десять верст), за ней в полтора верстах раскинулось село Рождествено. В Грязне дорога круто сворачивает влево и через Песчанку, бывшее имение Быковых (Любошинских), где теперь санаторий в бывшей мызе присяжного поверенного Крузе, дорога идет через деревню Выру и Межно на станцию Сиверскую (в семи верстах).

Через Выру проходит шоссе из Гатчины, теперь и Зарецкая дорога превратилась в прекрасное шоссе.

От Грязны направо лежит деревня Даймище, мимо которой через удивительно здесь живописные берега реки Оредежи можно проехать в деревню Батово, бывшее имение Набоковых (министра юстиции при Александре II). Это еще раньше и было имение Рылеевых. Неподалеку за Даймищем в сосновом бору бывшая усадьба доктора Кривошеина на живописной Красной горке с красивой усадьбой в красно-сосновом бору.

Почти у самой реки, несколько в стороне от нее, на крутом, красного песчаника берегу, виднеется большой грот, уходящий под землю. Здесь, по преданию, перед арестом скрывался Рылеев.

Это, конечно, басня, так как Рылеев не скрывался и был арестован в Петербурге. Но как легенда, сказание это любопытно⁶.

Не знаю, как глубоко проникает в землю этот грот и отчего он образовался. Быть может, здесь просто когда-то брали песок, но теперь ни у кого, конечно, нет охоты лезть в зияющую темнотой пещеру, довольно низкую при входе.

Из Батова, окруженного всюду живописными лесами (лиственными, но, главным образом, сосновым бором) через имение Рукавишникова, известного в свое время богача-откупщика, приобретшего эти земли чуть ли не за карточный долг, многочисленные дороги ведут в Рождествено.

Помню в детстве мы с братом отыскиали в сарае среди хлама почерневшее полотно картины. Отмыв ее, мы увидели дом с колоннами — путевой дворец Павла I. Дом был окружен валами, а на них стояли медные пушки. (Две таких пушки стояли у нас в Заречье на балконе дома. По праздникам из них стреляли, кладя на заряд четверть фунта пороха.) Между постриженных кустов гуляли кавалеры и знатные дамы. Кавалеры были в напудренных париках с громадными треуголками, в чулках и в обуви на высоких красных каблуках.

При въезде на деревянный мост после крутого спуска к реке, в Рождествене, справа по шоссе из Ленинграда, где теперь еще виднеется на высоком холме этот дом, принадлежавший в свое время Рукавишникову (здесь при Петре Великом находился дом царевича Алексея)⁷, лежит старое кладбище, замечательное своею очень древней церковью, теперь уже без портика и колоннады, которую можно видеть на снятой мною фотографии. Слева же теперь лежит на самом берегу Оредежи новое кладбище села. На самом конце его при дороге, где кладбище кончается, а начинается поле, еще недавно стоял каменный круглый столб с четырехугольным квадратом на верхнем конце его, так что получалось что-то вроде креста. Вероятно, он и теперь там.

Это могила матери Рылеева — Анастасии Матвеевны, урожденной Эссен⁸.

Старый, уже давно умерший священник села Рождествено говорил мне, мальчику, что могила моего деда Пахома Кондратьевича находится как раз под алтарем новостроящейся тогда церкви. Вероятно, там же похоронена и его жена Аграфена Григорьевна, урожденная Радыгина⁹.

Мне говорили, что Екатерина Пахомовна после дуэли ушла в монастырь. Теперь я знаю, что она вышла замуж за богача Лемана¹⁰. Когда наше имение продавалось в 1880—1881 годах, то приезжал торговаться какой-то старик по фамилии Леман, и говорили, что он наш родственник. Как он приходится мужу Екатерины Пахомовны — я не знаю (тогда мне было пятнадцать лет, естественно, что я этим мало интересовался).

Вот то небольшое, что я могу сообщить о дуэлях Рылеева и Чернова.

5.7.1925

Текст мемуарной записки Константина Николаевича Чернова расшифрован в 1980-х годах моим отцом, военным историком Ю.И.Черновым. Сделано это по рукописи, хранившейся у дочерей мемуариста — Ирины Константиновны и Елены Константиновны Черновых. До конца своих дней они жили на Фонтанке по адресу, указанному в записках Константина Николаевича.

Записки композитора и литератора К.Н.Чернова (1865—1937) попали в нашу семью в середине 70-х. Часть рукописей отец передал в Государственный Исторический музей, точнее — в организованный в середине 1980-х его филиал, Московский музей декабристов. (Туда же я передал и несколько фигурок рылеевских шахмат, сохраненных семейством московских наших родственников Екатерины Ивановны Дроган и Александры Николаевны Ворониной.) Какие-то письма отец вернул дочерям мемуариста, а большая тетрадь, в которую входит и черновик записки о Заречье, осталась в нашей семье.

Весной 1999 года, через год после смерти моего отца, я сверил сделанную им расшифровку с оригиналом. Оказалось, что записка о Заречье существует в двух редакциях — пространной и краткой. Краткая, впрочем, заключает в себе ряд уникальных подробностей. Наиболее существенная из них — эпизод с найденной в сарае старой картиной, на которой оказался изображен дом рождественского градоначальника, он же «путевой дворец императора Павла». Прочие подробности краткой редакции, хотя и драгоценны, но незначительны: скажем, упомянут золотой медальон на портрете Екатерины Черновой или хранившиеся в Заречье дуэльные пистолеты (а не просто «старинное оружие», как в более полной версии записок).

Взяв за основу пространную редакцию, я исправил текст по сделанной отцом машинописной копии краткой редакции (оригинал последней мне сегодня недоступен: он то ли в ГИМе, то ли перешел к наследникам уже покойных наших ленинградских родственников). В нескольких случаях, чтобы избежать повторов или выправить стиль, мне также пришлось обращаться к краткой редакции. Рукопись пространной редакции начинается как беловая, но далее становится черновиком. Краткая редакция представляла из себя черновые наброски этого же текста, написанного летом 1925 года, очевидно, для готовившейся тогда обществом «Старый Петербург» выставки в Лесном парке, посвященной столетнему юбилею восстания декабристов и столетней годовщине дуэли Константина Чернова с Владимиром Новосильцевым. Беловой вариант записки должен был храниться среди бумаг «Старого Петербурга», но разыскать его в питерских архивах мне не удалось.

Название заметке дано мной.

¹ Пахом Кондратьевич Чернов (1765—1827) в год рождения Пушкина женился на Аграфене Григорьевне Радыгиной, правнучке Доменико Трезини.

Во время войны 1812 года командовал 14-й дружиной Петербургского ополчения. В семье рассказывали, что после одной из перестрелок с французами он из своей походной шинели извлек шилом тринадцать французских пуль.

Как говорят документы, «в четырех сражениях оказал примерную храбрость, неустрашимость и мужество».

За боевые подвиги был награжден орденами Георгия IV степени и Владимира IV степени, орденом Анны II класса с бриллиантами. Георгия получил «в воздаяние ревностной службы и отличия, оказанного в сражении против французских войск 1812 года октября 6, 7 и 8 при Полоцке, где, находясь под командою генерал-майора Гамена, примером своим побуждал подчиненных к храбрости и мужеству, со стрелками был на неприятельской батарее и прогнал его с оной».

После войны служил генерал-аудитором I армии. Вышел в отставку генерал-майором. Умер вскоре после гибели на дуэли его сына Константина.

² Из письма Екатерины Николаевны Пампушко Константину Николаевичу Чернову (середина 1920-х): «Портретов масляными красками у Аннет не было, а были у брата Николая, те, которые были у нас в Заречье наверху. Коля, уезжая в Ленинград, отдал их в мебельный магазин, чтобы продать деревянные рамы. Они долго там валялись, пока не пропали совсем. Дольше всех держалась голова красивой тетушки или бабушки Аграфены Пахомовны».

³ «Сон матери Рылеева» — популярная легенда второй половины XIX в., согласно которой мать Рылеева вымолила продление жизни своему сыну, когда тот в детстве тяжело заболел. Явившейся ей во сне ангел показал ряд темных комнат, в которых собирались военные и штатские, читали стихи и о чем-то горячо спорили. В последней комнате сын был уже один, в цепях и арестантском халате. За дверью этой «комнаты» мать увидела виселицу, но и тогда на вопрос ангела: «Хочешь ли ты теперь, чтобы ребенок жил?» дала положительный ответ. По легенде, мать Рылеева рассказала этот сон священнику.

Умерла А.М.Рылеева в Батове летом 1824 г. Следовательно, это предание — или мистическое откровение, рассказанное матерью поэта на исповеди еще до восстания декабристов (что весьма неправдоподобно, потому что более всего напоминает донос на сына), или, что всего вероятнее, — позднейшая легенда, сопровождавшая ходившее в списках предсмертное письмо поэта жене.

Сельцо Батово Софийского уезда Санкт-Петербургской губернии подарено матери Рылеева ее другом и родственником генерал-лейтенантом Петром Федоровичем Малютиным в 1800 г. (из земель, пожалованных генералу Павлом I в 1796 г.).

Потому А.М.Рылеева и звала свое имение «Петродаром».

Разбирая архив Органова, я наткнулся на листок, ставящий под сомнение год рождения поэта. Выписка из какого-то архивного дела (впрочем, без ссылки) говорила, что Кондратий Федорович может быть на год или два моложе официальной даты своего рождения в 1795 г.

Если так, то он действительно должен был родиться в Батове, в имении, которое вдовой Кондратия Федоровича будет продано и в конце концов перейдет во владение к бабке Набокова — баронессе Марии Фердинандовне фон Корф. Другой (краеведческий) вариант — дом в Выре, который занимал управляющий имением Малютина отставной подполковник Федор Рылеев.

В начале семидесятых годов XX века в Батове возвели птицефабрику с поэтическим названием «Заводская». Это очередной ленинградский персек не утерпел и вбил корпуса бетонных бараклов для бройлеров аккурат против двухсотлетней аллеи, ведущей к фундаменту рылеевского дома. А сам батовский дом спалили еще в 1925-м. Местное предание гласит, что поджигали на спор, мол, от которой по счету спички загорится?

Сегодня на месте дома поэта — сырая ольха, репейник и крапива.

Та же картина и в имении Черновых в Заречье (отсюда километров пятнадцать). Но его сожгли то ли немцы, то ли эстонцы. Ганнибаловское имение в Суйде тоже погублено. Уцелел чудом лишь домик Арины Родионовны.

Запылал в 1944 г., уже после ухода немцев, и дом родителей Владимира Владимировича Набокова. На его месте голая поляна.

Дочь поэта Анастасия Кондратьевна (в замужестве Пушкина) дожила до 1890 г.

Ее муж И.А.Пушин был из того же рода, что и И.И.Пушин.

Предсмертная ее фотография сегодня хранится в нашем семейном архиве. Она попала к нам от тех же наших московских родственников — Екатерины Ивановны Дроган и Александры Николаевны Ворониной (см. вклейку, с. XXIX).

У Дроганов фото А.К.Пушиной, видимо, долго висело на стене в овальной рамке. Оно пожухло, и для публикации его пересняла в ультрафиолетовых лучах фотоаппарат реставратор Лидия Мазунова.

Фото не подписано. Но если положить рядом не раз уже опубликованное фото 1870 г., сохраненное в архиве Николая Николаевича Органова (правнука Кондратия Рылеева), пушкинский рисунок и акварельную миниатюру Рылеева 1820-х, сделанную неизвестным художником по рисунку Кипренского, специальной экспертизы не потребуется. В таких случаях говорят — копия отца.

Анастасия Кондратьевна переправляла Герцену материалы из рылеевского наследия для «Полярной звезды», встречалась с Львом Толстым, когда тот работал над романом «Декабристы». Ее трудами подготовлено и осуществлено издание стихов Кондратия Федоровича.

⁴ Записки К.Н.Чернова пишутся через век после дуэли Чернова и Новосильцева, и ошибка мемуариста в данном случае извинительна. В сентябре 1825 г. похороны члена Северного тайного общества подпоручика Семеновского полка К.П.Чернова стали первой в России политической манифестацией. Поединок состоялся на северной окраине Петербурга в Лесном. Стрелялись на восемь шагов, и оба юноши были смертельно ранены. Причиной дуэли стал роман флигель-адъютанта Владимира Новосильцева с Екатериной Черновой. Молодые люди были уже помолвлены, но мать Новосильцева (урожденная графиня Орлова) запретила сыну жениться «на какой-то Пахомовне». Некорректное по меркам XIX в. поведение Новосильцева после разрыва и привело к дуэли, секундантом на которой со стороны Чернова был К.Ф.Рылеев. 19 сентября 1888 г. на месте дуэли Чернова и Новосильцева в Лесном парке открыт памятник (архитектор В.С.Васильковский). Подробнее см. с. 280. См. также статью Ю.М.Лотмана «Кто был автором стихотворения «На смерть К.П.Чернова».

⁵ Пушкин и Рылеев не могли драться на поединке из-за черновской дуэли хотя бы потому, что осенью 1825 г. Рылеев находился в Петербурге, а Пушкин в Михайловском. Но сохранившееся в роду Черновых предание о дуэли Пушкина и Рылеева — неожиданный аргумент в пользу догадки другого нашего гатчинского земляка — В.В.Набокова, который в своих комментариях к переводу «Евгения Онегина» датировал этот поединок 9 мая 1820 г.

⁶ Эта легенда в Выре живет и до сегодняшнего дня. Я услышал ее от здешнего архитектора А.А.Семочкина в 1975 г.

⁷ Имеется в виду особняк рождественского градоначальника, построенный при Екатерине II. Последним его владельцем был В.В.Набоков, который считал, что «дом с колоннами» (именно так называет его в стихах и Владимир Набоков) возведен при Александре I. Наследник ошибся, как оказалось, на целое поколение. Группа архитектора Марка Коляды разыскала в архивах несколько старинных планов Рождествена. На одном из них дом городничего стоит на своем месте уже в начале 80-х годов XVIII в. Значит, после того как Павел I лишил Рождествено городского статуса и городом стала лежащая в двадцати верстах Гатчина, бесхозный особняк рождественского градоначальника и впрямь мог быть путевым дворцом императора. Сообщение К.Н.Чернова о том, что «здесь при Петре Великом находился дом

царевича Алексея», подтверждается строкой из онегинского комментария Набокова: «место это в 1710-е гг. было резиденцией Алексея, сына Петра Великого; унаследовано мною после смерти дяди Василия в 1916 г.»

Этот дворец — единственный на всем Северо-Западе шедевр деревянной «высокой классики» (а не ампира, как считал Набоков). Кто из екатерининских архитекторов его строил, мы не знаем. Предполагают, что над проектом работала целая комиссия из лучших зодчих, ведь надо было разработать образцовый (сейчас бы сказали — типовой) дом градоначальника небольшого пристольничного городка. Так что сей дом — эдакая матрица: из нее вышла парадная половина уже каменного екатерининского (да и раннего александровского) Петербурга.

Под белыми, под полуразвалившимися
Колоннами, на ощупь деревянными,
Так мраморными ловко притворившимися,
Ампирными, с их гибельными ранами...

Так, невольно повторив набоковскую ошибку, еще в 70-х годах XX века писал умевший водить за нос совписовских цензоров Александр Кушнер.

10 апреля 1995 г. мы на две трети потеряли и это здание. Дом сгорел в день рождения (по старому) Владимира Набокова. В Рождестве и Выре знают, что это тоже был поджог. Но на сей раз не на спор, а, видимо, по идейным совхозно-пролетарским соображениям. За год до этого в тот же день запылали модерновые хозяйственные постройки в имении Выра (все, что оставалось от дома родителей Набокова).

Правда, за двенадцать прошедших с этого пожара лет директор Рождественского музея-усадьбы Семочкин своими руками и со своей бригадой восстановил дворец. На те же две трети здание воссоздано из обгорелых бревен. Под обшивкой этого было бы не видно, но один фрагмент обугленной беды 1995 г. Семочкин оставил незакрытым.

⁸ Могила А.М.Рылеевой на кладбище в Рождестве сохранилась, хотя круглый столб с «четырёхугольным квадратом» утрачен. Эпитафия «Мир праху твоему, женщина добродетельная», по преданию, принадлежит К.Ф.Рылееву. В середине 1970-х при реставрации белый камень с надписью заменен бездарной поделкой. Подлинник был передан в музей Вырской почтовой станции.

⁹ Большая краснокирпичная (под цвет оредежских берегов) церковь построена в конце 1870-х на месте сгоревшей деревянной. Поэтому могилы Пахома Кондратьевича и Аграфены Григорьевны, находившиеся у старой церкви, оказались под алтарем новой. В середине 70-х годов прошлого века со здешним архитектором А.А.Семочкиным с колокольни этого храма мы извлекли пролежавшие там целый век, но почему-то ни разу не залитые дождем рукописные переписные и обыскные (брачные) церковные книги начала XIX столетия. Снесли вниз, и тут же на травке церковного погоста открыли наугад. И на голубой странице прочитали: «Вырской почтовой станции смотритель Тимофей Садовский...»

¹⁰ Екатерина Чернова (1808—?) вышла замуж за полковника (впоследствии генерал-лейтенанта) Николая Михайловича Лемана (1795—1865).

Ю. И. Чернов

ИСТОРИЯ ПОЕДИНКА К. П. ЧЕРНОВА И В. Д. НОВОСИЛЬЦЕВА

10 сентября 1825 года за Выборгской заставой в Лесном произошла дуэль подпоручика лейб-гвардии Семеновского полка К.П. Чернова с флигель-адъютантом В.Д.Новосильцевым. Почти через тридцать лет в «Былом и думах» А.И.Герцен напишет о сходной ситуации: «У француженки не было налицо брата Чернова, убившего Новосильцева и убитого им». И современникам было ясно, о чем шла речь. Уже в наши дни академик М.В.Нечкина отметит: «Весь Петербург несколько недель только и говорил об этом невиданно ярком проявлении общественного мнения».

Когда в 1820 году солдаты Семеновского полка восстали против своего командира, взбунтовавшихся разослали по всей России, а полк укомплектовали заново из батальонов армейских полков. «Армейщина», — презрительно окрестил петербургский свет новых офицеров-гвардейцев. Командир гренадерского короля прусского полка сообщил 1 января 1821 года, что в состав Семеновского полка передан третий батальон. Среди офицеров батальона значится и Константин Чернов.

В Центральном Государственном военно-историческом архиве сохранились дела Семеновского полка. Раскрываю тяжелые папки. Рапорты о перемещениях и смертях, о выделении солдат для театральных представлений и воинских нарядов. Имя Чернова появляется в них нечасто.

На запрос полковой канцелярии следует ответ из Пажеского корпуса, где говорится, что К.П.Чернов выпущен из корпуса 27 января 1820 года и «по числу баллов в науках, им показанным на экзаменах», закончил корпус вторым.

А Новосильцев, внук всесильных Орловых, после производства в офицеры стал адъютантом главнокомандующего I армией графа Сакена. Под начальством Сакена служил также генерал-майор П.К.Чернов.

Штаб I армии стоял в городке Старый Быхов Могилевской губернии. Там же жила и семья Черновых. Историк С.Шубинский писал: «Черновы были

люди небогатые, простые, но весьма радушные, и штабные офицеры охотно посещали их дом, привлекаемые в особенности молоденькой Черновой, отличавшейся редкой красотой и веселым характером»¹.

Владимир Дмитриевич Новосильцев тоже познакомился с Черновыми и влюбился в их дочь Екатерину. Красивый, видный, богатый, он понравился девушке. Вскоре Новосильцев сделал ей предложение.

Однако офицер не мог жениться, не получив на то согласия матери. А у нее, дочери екатерининского вельможи, были свои требования к будущей невестке: «Я не могу допустить, чтобы мой сын — Новосильцев женился на какой-то Черновой, да еще Пахомовне».

И в ответ на письмо сына последовало требование немедленно прекратить всякие сношения с семьей Черновых. Новосильцев, который к этому времени стал флигель-адъютантом, уехал в Москву объясняться с матерью. Но, не добившись от нее согласия, он ничего не сообщил Черновым и перестал бывать у них. По понятиям того времени такое оскорбление можно было смыть только кровью.

В ноябре 1824 года Сергей Чернов писал из Старого Быхова брату Константину в Петербург: «Желательно, чтобы Новосильцев был нашим зятем; но ежели сего нельзя, то надо сделать, чтобы он умер холостым, хотя сие прелестное творение заслуживает и лучшей участи»².

Константин Чернов вместе с братом Сергеем выехал в Москву, чтобы вызвать обидчика на дуэль. Позднее Сергей писал брату: «Папенька и маменька недовольны твоей поспешной поездкой в Москву, ибо когда мы там появились, то мать Владимира Дмитриевича тотчас известила главнокомандующего (т. е. Сакена. — *Ю. Ч.*), который призвал папеньку и удивлялся, что его дети осмелились делать такой противозаконный поступок. Когда папенька узнал, что великий князь (т. е. Михаил Павлович. — *Ю. Ч.*), зная, для чего ты едешь в Москву, с позволения государя сам дозволил тебе сию поездку, то он совершенно успокоился и проливал слезы восхищения»³.

Узнав о приезде Черновых, Новосильцева не только сообщила об этом Сакену, но и обратилась за помощью к московскому генерал-губернатору Д.В.Голицыну. Тот пригласил к себе противников. После заявления Новосильцева, что он никогда не оставлял намерения жениться, Черновы извинились перед ним.

9 декабря 1824 года находившийся проездом в Москве К.Ф.Рылеев писал жене: «Я встретил здесь Черновых — Константина и Сергея Пахомовичей; они приехали сюда стреляться с Новосильцевым, и уже чуть не было дуэли. Наконец все кончилось миром. Отец и мать Новосильцева позволили ему жениться, и скоро будет свадьба. Слава богу, что так благополучно кончилось. Здесь только и говорят об этом».

Жених и невеста поменялись кольцами. Казалось, все шло к счастливому завершению затянувшейся истории. Но мать Новосильцева старалась

выиграть время, чтобы помешать неравному, по ее мнению, браку. Видимо, не без ее участия по Петербургу пополз слух, что Чернов принудил Новосильцева жениться на своей сестре. Теперь уже Новосильцев потребовал удовлетворения. Произошло объяснение, и опять все кончилось миром. Но конкретные сроки свадьбы не прояснились, и с каждым днем игра Новосильцевых становилась понятнее. В августе 1825 года А.Бестужев писал матери о Рылееве: «Он хлопотал теперь о дуэли Чернова и, слава богу, смастерил хорошо. Принудил Новосильцева ехать в Могилев к отцу невесты для выяснения — разумеется, ему откажут»⁴.

Новосильцева и здесь приняла свои меры. Константин Чернов получил письмо от отца. Тот писал, что граф Сакен, очевидно по просьбе Новосильцевой, под угрозой неприятностей по службе вынудил его послать жениху письменный отказ.

8 сентября Константин Чернов послал вызов Новосильцеву. В ночь накануне поединка он продиктовал своему другу А.Бестужеву:

«Бог волен в жизни; но дело чести, на которое теперь отправляюсь, по всей вероятности, обещает мне смерть, и потому прошу господ секундантах моих объявить всем родным и людям благомыслящим, которых мнением дорожил я, что предлог теперешней дуэли нашей существовал только в клевете злоязычия и в воображении Новосильцева. Я никогда не говорил перед отъездом в Москву, что собираюсь принудить его к женитьбе на моей сестре. Никогда не говорил я, что к тому принудил и его по приезде, и торжественно объявляю это словом офицера.

Мог ли я желать себе зятя, которого бы можно было по пистолету вести под венец? Захотел ли бы я подобным браком сестры обесславить свое семейство? Оскорбления, нанесенные моей фамилии, вызвали меня в Москву; но уверения Новосильцева в неумышленности его поступка заставили меня извиниться перед ним в дерзком моем письме к нему, и, казалось, искреннее примирение окончило все дело. Время показало, что это была одна игра, вопреки заверениям Новосильцева и ручательства благородных его секундантах. Стреляюсь на три шага, как за дело семейственное, ибо, зная братьев моих, хочу кончить собою на нем, на этом оскорбителе моего семейства, который для пустых толков еще пустейших людей переступил все законы чести, общества и человечества. Пусть паду я, но пусть падет и он, в пример жалким гордецам, и чтобы золото и знатный род не насмехались над невинностью и благородством души»⁵.

10 сентября 1825 года за Выборгской заставой противники встретились. Место было выбрано на лужайке у кленов. Секунданты зарядили пистолеты, отметили барьер в восемь шагов. В осеннем лесу выстрелы прогремели почти одновременно. Чернов упал, раненный в голову. Новосильцеву пуля попала в грудь. Поддерживаемый секундантами, он направился к финской корчме. Но

не дошел. В дом его уже внесли. Хотя помощь ему оказывал лучший столичный медик доктор Аренд, Новосильцев скончался через три дня.

Чернова товарищи отвезли на его квартиру в Семеновский полк.

«...Сего числа в пять утра вверенного вашему превосходительству лейб-гвардии Семеновского полка подпоручик Чернов, бывший на дуэли с поручиком лейб-гвардии гусарского полка Новосильцевым, ранен в голову пулей, причем височная кость изломана, половинная часть пули вынута, а другая половина, вероятно, осталась в голове. Больной находится в трудном положении и подает весьма малую надежду к выздоровлению... Полковой штаб-лекарь Гулькевич»⁶.

Двенадцать дней молодой организм боролся со смертью. Один из руководителей Северного общества, Е.П.Оболенский, вспоминал:

«По близкой дружбе с Кондратием Федоровичем Рылеевым, я и многие приходили к Чернову, чтобы выразить ему сочувствие к поступку благородному, через который он вступился за честь сестры... Свежо еще в памяти у меня грустное посещение: вхожу в небольшую переднюю, меня встретил Кондратий Федорович; я вошел и, признаюсь, совершенно потерялся от сильного чувства, возбужденного видом юноши, так рано обреченного на смерть. Кажется, я взял его руку и спросил, как он себя чувствует. На вопрос ответа не было, но последовал другой, который меня смутил. Много лестных слов, мною незаслуженных (я лично не был знаком с Черновым), сказал мне умирающий в избытке сердечной теплоты. Молча я пожал ему руку, сказал ему то, что сердцем выговорилось в этот торжественный час; хотел его обнять, но не смел коснуться его, чтобы не потревожить его раны, и ушел в грустном раздумье. За мной вошел А.И.Якубович, один из кавказских героев... Якубович сказал Чернову речь. Ответ Чернова был скромнен в отношении к себе, но он умел сказать Якубовичу то слово, которое коснулось тонкой струны боевого сердца нашего кавказца; он вышел от него со слезами на глазах, и мы молча пожали друг другу руки. Скоро не стало Чернова»⁷.

Оболенский не называет дня смерти. Об этом говорится в рапорте от 23 сентября: «Подпоручик Чернов от полученной на поединке раны... вчерашнего числа в час по полудни помре»⁸.

Как секундант о случившемся Рылеев пишет объяснения петербургскому генерал-губернатору, как двоюродный брат погибшего — редактирует стихотворение Кюхельбекера «На смерть Чернова...» (советский литературовед А.Г.Цейтлин усматривал в этом стихотворении мотивы, родственные с лермонтовскими стихами «На смерть поэта».)

На кладбище В.К.Кюхельбекер пытался прочесть эти стихи. Позднее они ходили по рукам как политическая прокламация.

Рылеев и его товарищи рассматривали эту дуэль как конфликт социальный. Поэтому похороны ранее безвестного подпоручика превратились в первую политическую демонстрацию в России. Сын декабриста Якушкина

рассказывал, что на них присутствовали все члены Северного общества, находившиеся в столице.

Вот свидетельство Оболенского: «Многие собрались утром назначенного дня похорон ко гробу безмолвного уже Чернова, и товарищи вынесли его и понесли в церковь: длинной вереницей тянулись и знакомые, и незнакомые воздать последний долг умершему юноше... Все, что мыслило, чувствовало, соединилось тут в безмолвной процессии и безмолвно выражало сочувствие тому, кто собою выразил общую идею... о защите слабого против сильного»⁹.

Декабрист В.И.Штейнгель добавлял: «На похороны Чернова разослали более 1000 билетов... и невиданный кортеж карет и экипажей тянулся за погребальной колесницей. Это была манифестация!»¹⁰.

В письме к Загоскину он же писал, что похороны Чернова «были в каком-то новом, доселе небывалом духе общечеловечности. Более 200 карет провожало, поэтому суди о провожавших пешком»¹¹.

Один из современников вспоминал: «Когда мы подъехали к кладбищу... высадившие уже седоков кареты долго нам не давали подъехать близко, а когда наконец и мы могли выйти, то могила была окружена уже такою большой и плотно сомкнутой толпою, что не было возможности пробиться к ней»¹².

Похороны начались в 9 утра 26 сентября 1825 года¹³. Товарищи Чернова собрали десять тысяч рублей — огромную по тому времени сумму. Поэтому могила оказалась на самом почетном и дорогом месте — возле церкви, чуть справа от входа (сегодня она взята под охрану государством). Позднее над могилой однополчане поставили памятник.

История сохранила слова Рылеева, сказанные им после гибели его двоюродного брата о том, что Чернов в нужное время мог бы оказать помощь Обществу.

1975

Примечания Ю. И. Чернова:

¹ Исторический вестник. 1901. Май. С. 593.

² Деятельность XIX в. М., 1872. Кн. 1. С. 334.

³ Исторический вестник. 1901. Май. С. 594.

⁴ Памяти декабристов. Л., 1926. Вып. 1. С. 52.

⁵ Шубинский С. Н. Исторические рассказы и очерки. СПб., 1908. С. 634.

⁶ ЦГВИА. Фонд Семеновского полка. Оп. II. Д. 1608. Л. 462.

⁷ Общественные движения в России в первую половину XIX века. СПб., 1905. Т. I. С. 241.

⁸ ЦГВИА. Фонд Семеновского полка. Оп. I. Д. 1611. Л. 5.

⁹ Общественные движения в России... Т. I. С. 242.

¹⁰ Декабристы: Неизданные материалы и статьи. М., 1926. С. 183.

¹¹ Рылеев К. Ф. Полн. собр. соч. М.; Л., 1934. С. 656.

¹² Древняя и новая Россия. 1878. Кн. 1. С. 365.

¹³ ЦГВИА. Фонд Семеновского полка. Оп. I. Д. 1611. Л. 5.

НА СМЕРТЬ ЧЕРНОВА

Клянемся честью и Черновым:
Вражда и брань временщикам,
Царей трепещущим рабам,
Тиранам, нас угнесть готовым!

Нет! не отечества сыны —
Питомцы пришлецов презренных!
Мы чужды их семей надменных,
Они от нас отчуждены.

Там говорят не русским словом,
Святую ненавидят Русь;
Я ненавижу их, клянусь,
Клянуся честью и Черновым!

На наших дев, на наших жен
Дерзнешь ли вновь, любимец счастья,
Взор бросить, полный сладострастья, —
Падешь, перуном поражен.

И прах твой будет в посмеянье,
И гроб твой будет в стыд и срам.
Клянемся дочерям и сестрам:
Смерть, гибель, кровь за поруганье!

А ты, брат наших ты сердец,
Герой, столь рано охладельй,
Взнесись в небесные пределы:
Завиден, славен твой конец!

Ликуй, ты избран русским богом
Всем нам в священный образец,
Тебе дан праведный венец,
Ты чести будешь нам залогом.

КОММЕНТАРИЙ К СТИХАМ ВИЛЬГЕЛЬМА КЮХЕЛЬБЕКЕРА

Анализ поэтики стихотворения убедил меня в правоте Ю.М.Лотмана, доказавшего, что, хотя стихи сохранились в списке, сделанном рукой Кондратия Рылеева, принадлежат они Вильгельму Кюхельбекеру (см. об этом подробнее: *Лотман Ю. М.* Кто был автором стихотворения «На смерть К.П. Чернова» // *Русская литература.* 1961. № 3. С. 153–159).

К аргументам Ю.М.Лотмана добавлю, что в поэтическом наследии Кюхельбекера обнаруживается ряд нетривиальных параллелей с этими стихами, а в рылеевском творчестве подобные параллели практически отсутствуют (исключение — рылеевское слово «временщик» во второй строке).

Приведу некоторые параллели из стихов Кюхельбекера, написанных до осени 1825 года:

А ты, брат наших ты сердец — А ты... забвенью обреченный
Питомцы пришлецов презренных —
Добыча злых глупцов и зависти презренной
Падешь, перуном поражен — Я сам, внезапно Зевсом пораженный
Смерть, гибель, кровь за поруганье — Предаст злодея поруганью
Тебе дан праведный венец — Берет страдальческий венец
Завиден, славен твой конец — Так! Я готов сказать: завиден твой удел

Выпишу из статьи Лотмана два драгоценных для меня абзаца о том, чем была эта дуэль в глазах современников:

«Дуэль Чернова и Новосильцева не случайно стала причиной первой в России уличной манифестации — она менее всего походила на обычное в то время столкновение двух бретеров. В ней видели гражданский подвиг — Чернов пожертвовал жизнью для защиты чести. Не случайно лейтмотивом стихотворения стало слово “честь”: “Клянемся честью и Черновым...”

Само условие дуэли было необычным, окрашенным в суровые, почти римские тона гражданственности и долга: Новосильцев должен был стреляться на смерть с братьями своей невесты по старшинству, а если бы ему удалось всех их перебить, то и со стариком-отцом. <...> Вероятнее, что современникам на память приходил бой Горациев и Куриациев. Параллель была тем более ощутимой, что и у Тита Ливия братья-патриоты, сражаясь против врагов Рима, должны были убить жениха своей сестры. Сюжет этот, как пример античного понимания чести и патриотизма, привлекал декабристов: именно этот отрывок из Тита Ливия перевел в 1817 г. Ф.Глинка; в России были известны гравюры с картины Давида “Клятва Горациев”, бесспорно была известна и знаменитая трагедия Корнеля “Гораций”, в которой старый Гораций-отец произносил знаменитые слова о том, что желал бы сыну почетной смерти, и радовался, что все его сыновья погибли, предпочтя смерть бесчестию».

ПРИЛОЖЕНИЕ КО ВТОРОЙ ЧАСТИ

ЭКСПЕРТИЗЫ И ЭКСПЕРТНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

СПРАВКА ОБ ИССЛЕДОВАНИИ № 1241

от 28 декабря 1988 года

На основании отношения главного редактора журнала «Огонек» тов. Коротича В.А. от 6 сентября 1988 г. эксперты 7 отдела НИЛ-6 ВНИИ МВД СССР Алексеев А.А., Лазарев А.В., Ломакина Е.А., Астапович Г.П. провели исследование представленных материалов морфологического описания грунтов и включений, содержащихся в отобранных почво-грунтах.

ИССЛЕДОВАНИЕ:

1. Анализ материалов, представленных сотрудниками Ленинградского ВсеГЕИ (проводили эксперты Лазарев А.В., Алексеев А.А.).

На исследование были представлены профильные описания грунтов из 43 скважин, пробуренных по сетке 2 x 2 м на территории НПО «Алмаз» (г. Ленинград). Анализировали результаты морфологического описания (цвет, механический состав) грунта, извлеченного с помощью бура с различной глубины. Известно, что образование почвы, а также пород, подстилающих почву, под влиянием различных факторов приводит к появлению накладывающихся друг на друга различных по механическому составу, цвету, структуре слоев, называемых горизонтами. Профиль представляет собой совокупность указанных горизонтов. Формирование горизонтов связано как с природными факторами, так и с антропогенным воздействием. Рассматривая толщу почвы (грунта) как природного образования, в вертикальном срезе можно наблюдать горизонтально расположенные слои, отражающие условия образования. Направление залегания гумусового горизонта повторяет рельеф местности.

Схема расположения скважин представлена на рис. 1. Результаты анализа, представленные на рис. 2, свидетельствуют, что на глубине 1,5–2,5 м от современной дневной поверхности во всех исследованных скважинах фиксируется погребенная почва с гумусовым горизонтом в верхней части.

Формирование почвенного профиля происходит за длительный период времени, исчисляемый в зависимости от условий почвообразования от нескольких десятков до тысяч лет. Наличие на всей исследованной территории погребенного гумусового горизонта аллювиальной почвы свидетельствует, что до засыпки данной территории грунтом, осуществленной в середине XX в., почвенный покров в районе скважин не был нарушен в течение как минимум нескольких десятков лет. Из анализа направленности погребенного гумусового горизонта следует, что до засыпки территории грунтом в районе скважин 25, 26, 30, 41, 42, 34, 33, 35, 37 находилась возвышенность, об этом свидетельствует изгиб других слоев, наличие в верхних погребенных слоях крупнообломанного и галечного материала.

В районе скважин 22, 21, 20, 8, 9, 10, 11, 12, 7, 6, 38, 36, 4, 5, 24, 1, 2, 3 — отмечено понижение.

Полученные результаты указывают на наличие в точках 1, 2 и 3 на глубине примерно 2,7–5 м ямы (рис. 5–7). Подтверждением этому служат:

- прерывание слоев суглинка и среднезернистого песка в районе скважины 2;

- залегание слоя супеси в скважине 1 под слоем мелкозернистого песка, для остальных скважин слой супеси расположен выше;

- прерывание слоя торфяника в скважинах 1, 3;

- более высокое по сравнению с соседними скважинами залегание слоев в точках 1 и 2, что может быть связано с перемешиванием или подъемом нижележащих слоев при выкапывании.

Перечисленные признаки отсутствуют во всех остальных исследованных профилях. Примером отсутствия ямы может служить профиль, построенный по результатам морфологического описания грунтов из скважин 45, 44, 43, 40, 8, 9, 10, 11, 12 (рис. 2) или 23, 22, 21, 20, 4, 5, 6, 7 (рис. 3).

На основании залегания над предполагаемой ямой ненарушенного гумусированного почвенного горизонта мощностью примерно 20 см можно заключить, что яма была выкопана, по крайней мере, несколькими десятилетиями назад до засыпки поверхности привозным грунтом.

2. Анализ включений

2.1. Распределение включений (проводили эксперты Алексеев А.А., Лазарев А.В., Астапович Г.П.).

На исследование были представлены образцы грунта из скважин № 1, 2 и 3 в районе предполагаемой ямы, а также из контрольных скважин, расположенных на различном расстоянии от точек № 1, 2 и 3. Указанные образцы взяты из керна. Также исследовались образцы грунтов, отобранных при шнековом бурении скважины А, Б, В, Г (рис. 1). Грунты просеивали сквозь

сито с диаметром отверстий 1 и 0,5 мм. Оставшийся на сите грунт изучали в поле зрения микроскопа МБС-9 (при увеличении 14–56*) на предмет наличия включений, под которыми понимали любые инородные твердые вещества, не связанные по своей природе с процессами образования почвогрунтов. По этой причине в данном исследовании в качестве включений не рассматривали обломки минералов и горных пород, а также остатки растений, не подвергнутых антропогенному воздействию.

Данные, представленные в таблице 1, показывают, что инородные включения присутствуют в грунте на глубине 3,5–5,2 м только из скважин 1, 2, А, Б, В, Г и в слое 4,0–5,0 м грунта из скважины 35. В грунтах, извлеченных с различной глубины в точках 9, 14, 26, 40 и Д, включения не обнаружены.

Таким образом, наличие включений в грунте, залегающих на глубине 3,5–5,2 м в районе скважин 1, 2, подтверждает результаты анализа профильного описания грунтов (см. раздел 1) о наличии в данных точках на указанной глубине засыпанной ямы.

Аналогичные включения обнаружены в скважине 3 (табл.), но на глубине 5,5–6,5 м. Вероятней всего, в районе скважины 3 находилось наиболее глубокое место предполагаемой ямы.

2.2. Исследование обугленной частицы черного цвета — древесного угля из скважины Г (проводила эксперт Ломакина Е.А.).

С частицы черного цвета, представленной на исследование, с помощью бритвы готовили поперечные и продольные срезы. Полученные срезы помещали на предметное стекло в каплю жидкости, состоящей из спирта, глицерина и воды в соотношении 1:1:1, и исследовали в поле зрения микроскопа «Amhhlival» при увеличениях 100* и 400*. При этом в поле зрения были видны следующие элементы анатомического строения древесины: основную массу составляют трахеиды, что характерно для голосеменных растений; на видимых полях перекреста внутренние клетки несут по одной оконцевой крупной паре; краевые клетки сердцевинного луча располагаются в 1–3 ряда, их стенки волнистые, с зубчатыми утолщениями, эти клетки несут некрупные круглые окаймленные поры.

Данные признаки строения характерны для древесины сосны обыкновенной (*Pinus silvestris*).

2.3. Исследование шлакообразных микрочастиц (проводили эксперты Лазарев А.В., Алексеев А.А.)

На исследование представлены стекловидные микрочастицы черного цвета пористой структуры, отобранные из образцов грунта скважин 1, 3, А, Б, В, а также частица желтого цвета из слоя 3,5–4,5 м скважины 1 размером от 0,2 x 0,5 мм до 0,5 x 0,8 см.

Элементный состав шлакообразных частиц определяли на рентгенофлуоресцентном анализаторе «МЕКА 10-44» при следующих условиях: трубка

Таблица 1. Состав включений, обнаруженных в исследованных грунтах

№ скважины	Глубина, м	Состав включений
1	3,5 – 4,5	частицы и микрочастицы каменного угля, шлакообразные частицы
1	4,5 – 5,5	то же
1	5,5 – 7,0	не обнаружены
2	4,5 – 5,5	частицы и микрочастицы древесного и каменного угля
2	5,5 – 6,5	не обнаружены
2	6,5 – 7,5	не обнаружены
2	7,5 – 8,5	не обнаружены
9	3,4 – 4,0	не обнаружены
9	4,0 – 5,0	не обнаружены
9	5,0 – 6,0	не обнаружены
9	6,0 – 7,0	не обнаружены
9	7,0 – 8,0	не обнаружены
9	8,0 – 8,8	не обнаружены
14	3,0 – 4,0	не обнаружены
26	1,7 – 3,0	не обнаружены
26	3,0 – 4,0	не обнаружены
26	4,0 – 5,0	не обнаружены
35	4,0 – 5,0	древесный уголь
35	5,0 – 6,0	не обнаружены
40	3,0 – 4,0	не обнаружены
40	4,0 – 5,0	не обнаружены
40	5,0 – 6,0	не обнаружены
А	3,9	микрочастицы каменного угля
	4,1	микрочастицы каменного угля и шлакообразные частицы
	4,3 – 4,7	микрочастицы каменного угля и шлакообразные частицы
	4,9	единичные микрочастицы каменного угля и кирпича
	5,1	единичные шлакообразные микрочастицы
Б	3,5 – 3,8	микрочастицы каменного угля
	3,8 – 4,4	то же
	4,4 – 4,7	частицы белого цвета, шлакообразные
	5,0	микрочастицы каменного угля и шлакообразные частицы
	5,3	не обнаружены
В	3,7 – 4,0	микрочастицы кирпича
	4,0 – 4,3	то же
	4,3 – 4,6	микрочастицы древесного угля, шлакообразные микрочастицы
	4,6 – 4,9	единичные микрочастицы кирпича
	4,9 – 5,2	единичные шлакообразные частицы
	5,2 – 5,5	то же
Г	3,7	микрочастицы каменного угля и кирпича
	4,0	микрочастицы древесного угля
	4,4 – 4,5	микрочастицы кирпича
	4,7 – 5,0	микрочастицы каменного угля и кирпича,
		шлакообразные микрочастицы
	5,1	частицы каменного и древесного угля, кирпича,
		шлакообразные частицы, микрочастицы каменного угля
Д	3,8	не обнаружены
	4,1	не обнаружены
	4,4	не обнаружены
	5,3	не обнаружены
З	4,5 – 5,5	не обнаружены
	5,5 – 6,5	частицы каменного и древесного угля, шлакообразные частицы,
		частицы белого цвета, частицы керамики
	6,5 – 7,5	не обнаружены

с серебряным анодом, напряжение на трубке — 15 кВ, ток 0,1 мА, вакуум, без фильтра, время набора импульсов — 100 сек. Анализ проводили по программе XRF-2 в автоматическом режиме регистрируя аналитические сигналы в виде величин интенсивностей характеристического излучения элементов (спектрограммы 1–3, 6–11).

Данные по элементному составу свидетельствуют о неоднородности шлакообразных частиц. Ряд из них (скважина Б, 5м; черного цвета из скважины I, 3,5–4,5 м; А, 4,1м; В, 4,3–4,6 м; Б, 4,4–4,7 м) содержат наряду с железом и кальцием относительно высокие концентрации (оценивали по величинам интенсивностей характеристического излучения элементов) титана, никеля, марганца, цинка, меди, свинца или серы, что характерно для шлаков, образующихся из разнообразных веществ под воздействием высокой температуры. Общим для всех исследованных частиц является присутствие железа, кальция и фосфора, а также кремния и алюминия. Наличие последних двух элементов может быть объяснено загрязнением исследованных включений алюмосиликатами — глинистыми минералами, содержащимися в грунтах.

Таким образом, элементный состав шлакообразных частиц показал, что они являются продуктами сгорания различных веществ органо-минеральной природы (вероятней всего, угля, горючего сланца). Высокое содержание в них железа исключает их принадлежность к остаткам высокотемпературного воздействия костного материала (для сравнения на спектрограмме 5 приведены значения интенсивностей зуба человека).

2.4. Исследование частиц белого цвета (проводили эксперты Никифорова Ж.М., Лазарев А.В., Соколов Н.Г.)

На исследование представлены белесые частицы, отобранные в скважинах В с горизонта 4,3–4,6 м и 3, горизонт 5,5–6,5 м. Частица из скважины В изометричная по форме, размером 4х3 мм, имеет мелкозернистую поверхность, при царапании дает гладкую черту (№ 1). Одна частица из скважины 3 — овальная (2х3 мм), имеет рыхлую пузырчатую поверхность с отверстиями по всей площади частиц (№ 2). Вторая — овальная (1х2 мм) с гладкой поверхностью (№ 3).

Частицу из скважины В (№ 1) обрабатывали растворами спиртов возрастающей концентрации и ксилолов, после чего пропитывали парафином. Сколы частицы в поле зрения микроскопа «Меопта» (при увеличении 450х) представляют собой плотное вещество с участками с рыхлой трабекулярной структурой (фото 1).

Частица (№ 2) из скважины 3 на сколе представляет собой губчатое твердое вещество с крупными и более мелкими отверстиями (русла для сосудов и нервов). Наблюдается зональное распределение окраски (желтовато-

белая по краям и серая в центральной части, характер плотности губчатого вещества несколько меняется по отношению к центру частицы, ячейки укрупняются.

На фотографиях (фото 2, 3, 4), выполненных на растровом электронном микроскопе «Jeol JSM — 35 CM» (Япония), отчетливо просматривается характерное строение поверхности частиц.

Частица (№ 3) из скважины 3 на сколе представляет собой плотное мелкозернистое вещество без участков с другой структурой.

Элементный состав частиц (№ 1 и № 2) (спектрограммы 4,12) (анализ проводили в режимах аналогичных анализу шлаковых частиц) показал, что главными составляющими являются кальций и фосфор с примесью железа и других элементов. Соотношение интенсивностей основных элементов в исследованных частицах близко соотношениям элементов кости человека (табл. 2) и соответствует основному неорганическому компоненту кости — фосфату кальция.

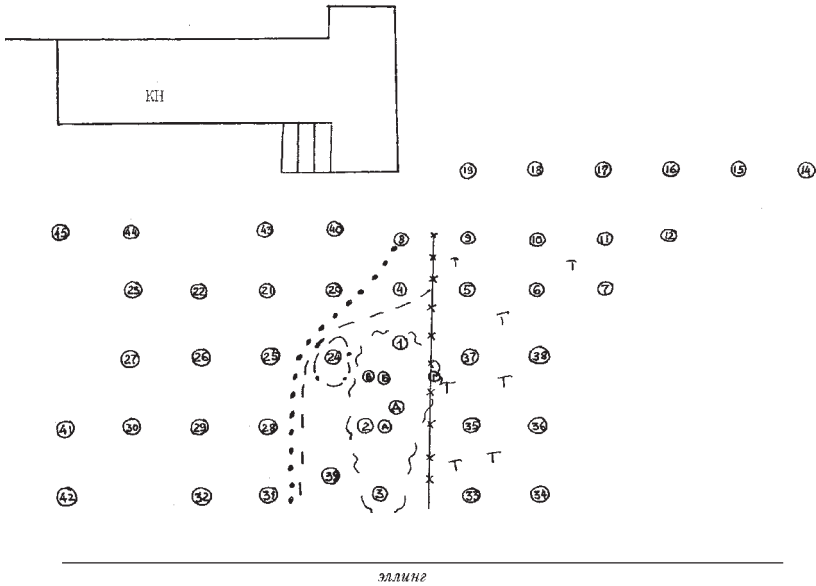
Таблица 2. Соотношение элементов

	Ca/P	Ca/Fe	P/Fe
частица из скважины В	12,74	29,96	2,35
частица из скважины 3	3,31	5,67	1,71
зуб человека	2,14	8,46	3,95

Морфологические особенности участков с трабекулярной структурой частицы № 1 из скважины В, и частицы № 2 из скважины 3, а также их элементный состав позволяет говорить о том, что они являются фрагментами кости. Определить принадлежность кости к какому-либо виду животного или человека не представляется возможным. Более высокое содержание кальция в частице (№ 1) из скважины В, объясняется наличием на поверхности карбоната кальция, диагностируемый по реакции вскипания при взаимодействии с уксусной кислотой. Аналогичное вскипание наблюдается и с частицей № 3 из скважины 3. Карбонат кальция является конечным продуктом реакции «гашения» негашеной извести в присутствии органического вещества во влажных условиях. Это позволяет предположить наиболее вероятное объяснение совместного присутствия карбонатных частиц и частиц кости их образованием при обработке костного материала негашеной известью.

Таким образом, в результате проведенных исследований установлено, что в районе скважин 1, 2, 3 на глубине 2,7–5 м находится яма, выкопанная по крайней мере за несколько десятилетий до засыпки поверхности древнего слоя почвы привозным грунтом. Наличие ямы также подтверждается присутствием включений посторонних веществ (частиц шлака, угля, кости, древесины, карбонатных частиц) на глубинах 3,5–6,5 м в указанных скважинах, а также в скважинах между ними А, Б, В, Г. В других скважинах на данных глубинах включения не обнаружены.

Рис. 1

- x—x— граница торфяника
- - - граница погребенного гумусового слоя
- - - предполагаемая граница поймы
- . . . предполагаемая граница начала возвышенности
- ~ ~ предполагаемый контур ямы

Частицы шлака являются продуктами сгорания различных веществ органико-минеральной природы (вероятней всего, угля, горючего сланца). Частицы угля (заключение ИГИ) относятся к углям различной стадии метаморфизма (от жирных углей до антрацита) с высокой степенью окисленности и выветрелости, указывающей на длительное залегание данных частиц в зоне выветривания или на большие сроки хранения.

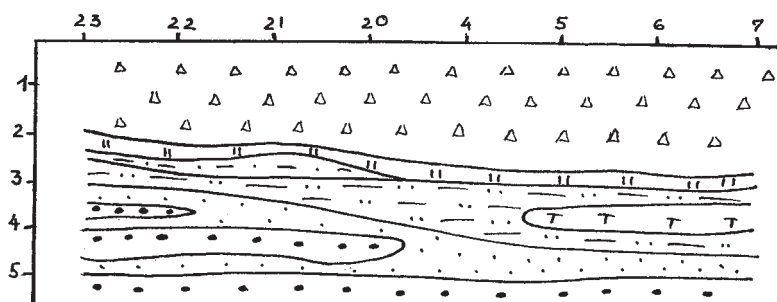

Рис. 3

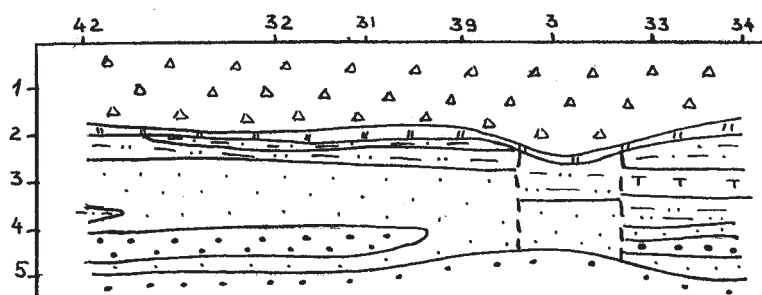

Рис. 5

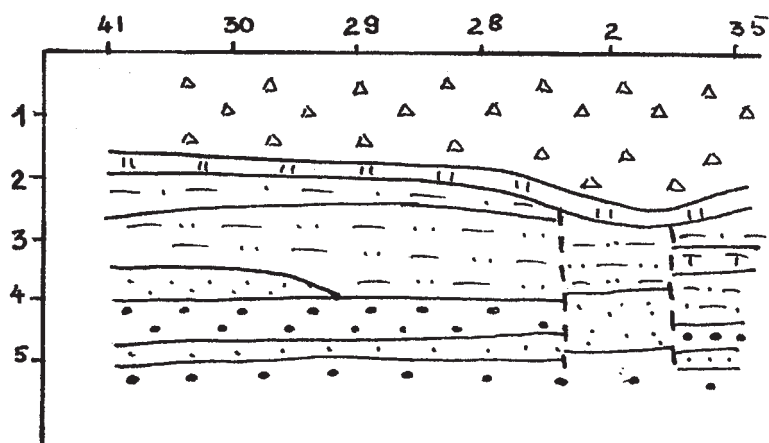

Рис. 6

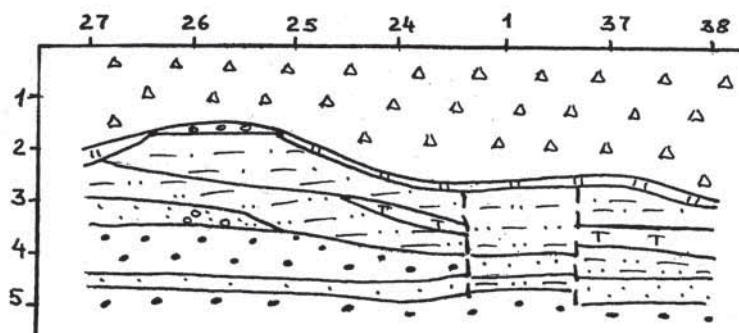

Рис. 7

	насыпной грунт
	погребенный гумусовый горизонт
	суглинок
	супесь
	мелкозернистый песок
	среднезернистый песок
	торфяник
	галечный материал

Частицы древесины принадлежат сосне обыкновенной. Наличие в яме комплекса инородных включений, среди которых обнаружены карбонатные частицы, частицы кости, а также частицы кости с карбонатной пленкой, свидетельствуют о том, что в районе скважин 1, 2, 3, А, Б, В, Г на глубине 2,5—5,5 м имеется захоронение с возможным использованием негашеной извести.

Соответствие номеров исследуемых образцов скважинам

1 — В; 5, 2—5, 5	2 — Б; 4, 1—4, 7	3 — В; 4, 3
4 — Г; 4—5	5 — I; 3, 5—4, 5	6 — А; 4, 3
7 — Б; 5, 0	8 — 9—5, 0	

А.А.Алексеев, А.В.Лазарев, Г.П.Астапович, Е.А.Ломакина,
Ж.М.Никифорова, Н.Г.Соколов

РЕЗУЛЬТАТЫ

исследования образцов, поступивших из НИЛ-6 ВНИИ МВД СССР

В соответствии с письмом от 10.11.88 г. № 2823 в лаборатории петрологии и химии угля Института горючих ископаемых было проведено микроскопическое исследование образцов мелкозернистого материала, отобранного в скважинах А, Б, В, Г, 9 пробы № 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, с целью определения в них присутствия и характера угольных частиц. Было установлено наличие угольных зерен в образце № 4 и частиц углистой породы в образце № 1. В образце № 4 одно угольное зерно представлено витринитом с включениями липтинита (споринита и кутинита) не более 1–2% и инертинита (фюзинита, семифюзинита, макринита и др.) в сумме до 20%. В угле имеются мелкие включения сульфидов железа. Какие-либо микропризнаки выветривания отсутствуют. Показатель отражения витринита в иммерсионном масле ® равен 1,1%. По петрографическому составу и степени метаморфизма уголь соответствует марке жирного угля. Во втором зерне угля наблюдается отчетливые признаки окисления (клиновидные трещины, изменение отражательной способности), которые обычно возникают при нагреве угля на воздухе до температуры 150–200 °С.

В образце № 1 присутствует обломок углистой породы с участками витринита и с феролитами мелкокристаллических сульфидов железа. Показатель отражения витринита (Кд) равен 0,9%.

Угли такого состава, как в образцах № 4 и № 1, и такой же стадии метаморфизма добываются в Печорском, Донецком, Карагандинском и Кузнецком бассейнах. Угли с аналогичными признаками характерны также для угольных бассейнов карбонового возраста Англии, ФРГ и других стран Европы, где в карбоновых отложениях залегают угли всего ряда метаморфизма от длиннопламенных до антрацитов включительно.

В образцах № 5, № 6 и № 8 зерна, которые могли быть бесспорно отнесены к углю, не обнаружены.

В образце № 2 имеется зерно, напоминающее витринит антрацитового угля с показателем отражения ® — 4,8% и хорошо заметной анизотропией. В зерне обильное количество линейно ориентированных пустот. Пустоты по своей конфигурации напоминают пустоты выщелачивания в угле, образующиеся в процессе его выветривания в условиях естественного залегания в зоне выветривания или длительного хранения. В то же время в зерне отсутствуют участки с пониженной отражательной способностью, которые, как правило, характерны для выветрелых высоко-метаморфизованных углей.

Доктор геолого-минералогических наук, профессор И.В.Еремин

ЭКСПЕРТНЫЕ ЗАКЛЮЧЕНИЯ

* * *

Исследование, проведенное экспедицией журнала «Огонек», заслуживает, по моему мнению, глубокого уважения. Приведено в известность, рассмотрено по степени достоверности и сопоставлено большое число свидетельств современников. Разъяснено немало кажущихся противоречий в этих данных, выяснены явные недоразумения.

Наиболее определенные косвенные свидетельства, взятые в совокупности, с большой степенью вероятности очерчивают границы возможной территории. Очень важно, что именно на эти места указывают также декабристы и Пушкин. Все декабристы, чьи рассказы о захоронении казенных дошли до нас, находились в тот день в Петропавловской крепости и могли иметь самые близкие к фактам сведения от солдат, служивших при крепости, и даже (это не исключено) от своего духовника П.Н.Мысловского. Осведомленность последнего не вызывает сомнений: именно с ним был тесно связан Ф.Миллер, точно знавший, где могила.

Выявление изображений «уединенного острова» в тетрадах поэта, их атрибуция и точная привязка к местности дали возможность указать совершенно определенное место, где, как полагал Пушкин, похоронены казенные. Эвристическое значение этого исследования гораздо шире конкретной задачи поисков могилы. Верность выводов получила безусловное подтверждение, когда съемка в ультрафиолетовых лучах позволила прочесть запись Пушкина «14 июля 1826 Гонар<опуло>».

Доказано, таким образом, что поэт, несомненно, считал могилой декабристов то место на острове Гоноропуло, к которому с большой степенью вероятности приводит ряд указаний других современников. Весомым аргументом в пользу версии служит и факт обнаружения криминалистами в указанной точке острова котлована, а в нем остатков костей со следами извести.

Тем не менее, для окончательного решения вопроса нужны документы, прямо подтверждающие эти выводы. Скажем, предписание властей о порядке захоронения, рапорты исполнителей. На мой взгляд, их надо искать в военных архивах, в архивах Петропавловской крепости и петербургской полиции.

Однако то, что уже достигнуто экспедицией, так значительно, что уже сейчас необходимо поставить перед Ленгорисполкомом вопрос о том, чтобы вероятное место могилы на острове Гоноропуло было взято под охрану государства. Место должно быть отмечено памятным знаком.

*Сергей Мироненко, старший научный сотрудник
Института истории СССР АН СССР*

* * *

Сравнение плана Ф.Шуберта 1828 г. с семью рисунками Пушкина (в тетрадах ПД 836, 838, 845 и на черновике стихотворения «Когда порой воспомина-ние...») показывает удивительное соответствие рисунков плану и одновременно их внутреннее соответствие.

Рисунки свидетельствуют об удивительной зрительной памяти Пушкина. Так, изображенный на двух зарисовках 1827 г. камень показан поэтом с разных точек зрения, как бы в двух проекциях. Точно изображено взаимное расположение деревьев, высот и береговой линии. Таким образом, вывод, подтвержденный пробами из скважин, что декабристы похоронены на острове Гоноропуло, не вызывает у меня сомнения.

Академик Б. Раушенбах

* * *

В тетрадах Пушкин нередко оставлял краткие пометы о событиях, чем-то особенно для него важных. Иногда пометы шифровались, но не сложно: рядом с датой поэт записывал сокращенно одно или несколько слов, для него внятных. Ряд таких помет и доньше не получил убедительного истолкования.

Так обстояло дело и с записью, сделанной на последнем листе так называемой Третьей кишиневской тетради чрезвычайно бледными чернилами. Отчасти запись перекрыта масляным пятном. Впервые ее зафиксировал В.Е.Якушкин. Он, впрочем, разобрал только дату: «14 juillet 1826». Спустя полвека М.А. Цявловский попытался истолковать слово скрытое частично пятном. Три первые буквы его «Гон...» Ученый предположил, что, может быть, здесь имеется в виду фамилия португальско-бразильского поэта Т.А.Гонзаги.

Уже в наше время историк Г.А.Невелев, обнаружив, что записанная Пушкиным дата совпадает с датой тайного погребения казненных декабристов, предложил читать недописанное слово как название острова Голодай.

В ходе голодаевской экспедиции «Огонька» А.Ю.Чернов по-новому прочел эту помету. На мой взгляд, очень убедительно. При специальном фотографировании, проведенном заведующим Лабораторией консервации и реставрации документов АН СССР Д.П.Эрастовым, удалось прочитать буквы под пятном: «14 juillet 1826 Gonar...»

Предпринятое экспедицией перекрестное сопоставление свидетельств современников сузило район поисков. Здесь особенно важно слово «островок», встречающееся у мемуаристов. А.М.Муравьев говорит об одном из

«островков Невы». А.А.Жандр — о «пустынном островке Невы», на котором ничего не было, «кроме кустов». (Правда, записавший его рассказ Д.А.Смирнов в писарскую копию внес слова о Голодае, но это комментарий самого Смирнова, кстати, не петербуржца). Наконец, Ф.И.Миллер в своих письмах к вдове К.Ф.Рылеева пишет об «уединенном острове», куда можно попасть пешком. Из писем ясно, что остров этот где-то недалеко от Смоленского кладбища.

Итак, небольшой островок в системе Голодая. Из анализа плана Ф.Ф.Шуберта следует, что пешком можно попасть лишь на отделенный узкой протокой остров Гуноропуло. (В пушкинское время писалось — и это зафиксировано в печатных источниках — и Гоноропуло, и Гонаропуло.)

К этому же месту приводят нас и путеводитель из повести «Уединенный домик на Васильевском» (1828 г.), и несколько рисунков Пушкина, атрибуированных А.Ю.Черновым. Атрибуция подтверждена реконструкцией пейзажа по плану 1828 г., сделанной архитекторами П.С.Прохоровым и Т.Н.Ознобишиной, и пространственной экспертизой рисунков и плана, проведенной академиком Б.В.Раушенбахом.

Наконец, все это подкрепляется в высшей степени, на мой взгляд, корректной расшифровкой загадочной пометы в Третьей кишиневской тетради: «14 июля 1826 Гонар<опуло>». Это дата и место голодаевской трагедии.

Главное достоинство такого чтения — несомненное качество научности. Этого качества, к сожалению, нет у альтернативных версий, которые не могли не появиться после статей в «Огоньке». Нам то предлагают искать на острове Вольном, то в других местах. Автор одной из гипотез, опубликованной в «Литературной России», договорился до такого: «Северная оконечность рва... служит валом». Попробуйте это вообразить!.. При крайне оскорбительном тоне статьи в этом еженедельнике основная аргументация в защиту собственной гипотезы почерпнута из огоньковских статей. Что ж, есть вещи, недостойные даже и полемики.

Версия экспедиции «Огонька» помогает объяснить множество разнородных фактов, выявить в них обусловленную связь. Отдельные детали в ее разработке могут быть подвергнуты сомнению. Но опровергнуть в целом ее теперь возможно, лишь указав столь же конкретно и более доказательно иное место. И пока это не сделано, место на территории бывшего острова Гоноропуло должно охраняться как культурный и исторический памятник.

*С. А. Фомичев, заведующий отделом пушкиноведения
Института русской литературы АН СССР,
доктор филологических наук*

* * *

Более всего убеждает в подлинности открытия столь неожиданная и естественная увязка разных звеньев в единую цепь — от пушкинской пометы об острове Гоноропуло до кусочков сосновой коры, извлеченных из древней ямы там, где эта сосна нарисована поэтом. Поздравляя поисковую группу с открытием, позволю все же остаться при своем прежнем мнении об «Острове Евгения» в «Медном Всаднике» («Наука и религия», 1977, № 2). Пути пушкинского «безумца бедного» — нечто существенно иное, чем трагический маршрут бунтовщиков 14 декабря.

Александр Тархов

* * *

Рабочие завода «Алмаз», на территории которого оказалась могила казненных декабристов, сами, не дожидаясь никаких решений, поставили над ней памятник. Об этом сообщили газеты «Вечерний Ленинград» и «Советская Россия». Сейчас, когда уже стали раздаваться голоса о переносе праха на другое место, надо сказать, что делать этого категорически нельзя. У нас и без того хватает переписанной истории, взорванных храмов и утраченных памятников. Мы можем доверять Пушкину, а он считал это место святым. Это доказывают рисунки в рабочих тетрадях и французская запись с датой захоронения казненных. Место это, установленное с помощью Пушкина и Ахматовой, должно быть свято и для нас. Легче перенести заводской забор, а не прах, ставший землей, ее культурным слоем. Об этом я говорил участникам экспедиции «Огонька» еще до того, как был получен окончательный результат.

Надо уважать боль своего Отечества. Надо уважать и инициативу рабочих. Памятник, установленный ими необходимо архитектурно оформить, может быть, приблизить его очертания к пушкинскому эскизу памятника в ПД 836. Но сносить его или переставлять нельзя даже с моральной точки зрения. Люди ставили его от чистого сердца.

Д. С. Лихачев, академик

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
(названия учреждений даны на 1990 г.)

- БСЭ — Большая советская энциклопедия
ВСЕГЕИ — Всесоюзный научно-исследовательский институт
Министерства геологии СССР
ВНИИ МВД — Всесоюзный научно-исследовательский инсти-
тут Министерства внутренних дел СССР
ГИМ — Государственный Исторический музей
ГЦТМ — Государственный центральный театральный музей
им. А.Бахрушина
ИРЛИ — Институт Русской литературы (Пушкинский Дом)
АН СССР
ЛКРД — Лаборатория консервации и реставрации документов
АН СССР
ОР ГБЛ — Отдел рукописей Государственной библиотеки
СССР им. В.И.Ленина
ПД — см. ИРЛИ
ЦГАЛИ — Центральный государственный архив литературы
и искусства СССР
ЦГАОР — Центральный государственный архив Октябрьской
революции, высших органов государственной власти и государ-
ственного управления СССР
ЦГВИА — Центральный государственный военно-историче-
ский архив СССР
ЦГИА — Центральный государственный исторический архив
СССР
ЦГИАЛ — Центральный государственный исторический
архив Ленинграда

В КНИГЕ

От автора	5
---------------------	---

I

Глава первая. Пушкин против Рылеева	13
Глава вторая. «На тайные листы записывал я жизнь...»	23
Глава третья. Мнимая смерть Кюхельбекера	52
Глава четвертая. Послание из Сибири.	59
Глава пятая. Сожженная песнь «Евгения Онегина»	
Комментарий от мистификатора	66
Десятая песнь	67
Парадоксы «славной хроники».	75
Парадоксы пушкинистики	106

II

Глава шестая. Скорбный остров Гоноропуло	
«Стремлюсь привычную мечтою...»	111
Симпатическая запись в ПД 833.	112
Сводка свидетельств.	122
Путеводитель.	135
Свидетель Ахматова	138
Полемика. Тур первый	143
Семь голодаевских рисунков	145
Отказ от полемики.	166
Гроза 15 июля 1827	172
Кто рассказал Пушкину?	175
Ода адмиралу.	178
Берег для Ариона	182
Хроника экспедиции.	186

III

Глава седьмая. Пощечина от Серафимы Тепловой.	201
Глава восьмая. Последняя дуэль поручика Лермонтова	213

IV

Четыре поэмы	
Петр Кириллович	223
Невеста	233
Вырская станция.	237
Остров на побережье	243
Послесловие	268
Приложение к первой части	
К.Н.Чернов. Записка о Заречье	271
Ю.И.Чернов. История поединка К.П.Чернова и В.Д.Новосильцева.	280
Вильгельм Кюхельбекер. На смерть Чернова	285
Приложение ко второй части	
Экспертизы и экспертные заключения	287
Список сокращений	301

Андрей Юрьевич Чернов

ДЛЯТСЯ НОЧИ ДЕКАБРЯ

Поэтическая тайнопись: Пушкин — Рылеев — Лермонтов

Фотографии

Лидия Мазунова, Юрий Феклистов,
Никита Чернов

Верстка

Наталья Введенская

Корректор

Лидия Чернова

Подписано в печать 26.07.2007.

Формат 60×90/16. Усл. печ. л. 21,0. Тираж 1000.

Гарнитура Academy. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Заказ №

Издательско-торговый дом «Летний сад»
197101, Санкт-Петербург, Большой пр. П. С., 82

ISBN 5-89740-035-0

